

БОРИС КРИГЕР

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 16

СТИХИ

АФОРИЗМЫ

© 2016 Boris Kriger

Редактор Валентина Кизило

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to altaspera@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВСЁ ТО, ЧТО УТАИЛИ МНОГОТОЧЬЯ

* * *

Я смотрю на этот лик,
Милый и простой.
И мне кажется на миг,
Что Он только мой.
Что нет в мире никого,
Кто бы знал Его.
Что о Нём нет разных книг,
Песен и кино.
Я не знаю, почему
Жадный я такой, —
Меня люди не поймут
И махнут рукой.
Но гляжу в Его глаза —
Верь или не верь, —
Точно знаю: это взгляд
Бабушки моей.

* * *

B. C. Кизило

Скупая вязь чуть узловатых букв
Похожа на признанье виноватых.

И хочется поплакать просто вслух,
Без суеты, без смуты, без утраты...

И так, стремясь к полночному ростку,
Предвосхищая хлеб грядущей ночи,
Мы все в какой-то мере на виду,
И вышедшие ростом, и не очень...

Устав изрядно от истёртых фраз,
Мы надеваем новые оковы,
И прорастаем в свой иконостас
Из узловатых букв Молитвослова.

Не потревожив незнакомых птиц,
Плетущих гнёзда в аккуратных строчках,
Мы извлекаем из святых страниц
Всё то, что утаили многоточья...

А по углам струится наша быль.
Как хорошо, что воскурился ладан!
Ведь под кроватью бес, глотая пыль,
Не спит, не ест (ведь бесам есть не надо)...

А мы ему на хвост святой водой.
И пусть изыдет, чёртовое войско!
Я так искал в религии покой,

А в ней нашел борьбу и беспокойство...

Я так искал в религии мечту,
Но обнаружил отягчённый трепет.
Хочу молитв — молитвы перечту,
А сам скажу — так выйдет жалкий лепет.

Мой милый друг, скучаю по тебе,
По нашим шуткам и гульбе весёлой.
Ты отдалился, — или просто мне
Немного давят новые оковы.

Вернись ко мне, мой милый шалопай,
И побежим по лужам, точно прежде...
И нас оденет непутёвый май
В свои простые вешние одежды...

* * *

Если вы спросите: «В чём же тут дело?
Что тебе нужно от жизни ещё?»
Я не отвечу, а лишь неумело
В вас запущу я в ответ кирпичом.

Если вы спросите: «Что тебе надо?

Разве не всё тебе дали сполна?»
Я не отвечаю, а только парадно
Выпью свой кубок молчанья до дна.

Здесь нет вопросов, как возле раздачи,
Мы не пропойцы, и нету пивной...
Я представлял эту жизнь чуть иначе —
Нет, не цветистей, а просто другой.

На суetu не меняется мода,
Тихо струится над памятью дым,
Я не ропщу, становясь год от года
То ли светлее, а то ли седым.

Я извлекаю из пыльных альбомов
Давние фото и щурюсь на них...
Жизнь и тогда ведь текла невесомо,
Как перед утром приснившийся стих.

Господи, Боже, прости меня, милый.
Я не хочу Тебя вовсе гневить.
Всё хорошо, и до самой могилы
Я как-нибудь постараюсь дожить.

Я буду верить в Тебя непременно
И отслужу много тысяч молитв,

Ты ж за мое поведенье примерное
Дашь мне немнога на небе пожить.

Я буду волю Твою без простоя
С тихим смиреньем всегда исполнять.
Бог, говорят, существо препростое.
Что ж *препростое* так сложно понять?

* * *

По души своей брожу задворкам
И ищу, где спрятаны заначки.
Осторожно я ступаю по порокам,
На грехи свои плюю, как с водокачки.

Только бы не хаос! Что угодно,
Только б не пустой, никчёмный вечер...
Я свою повинность ежегодно,
Утаив, пущу как пыль на ветер.

К таинствам привыкнув, как к закуске,
К жалобам — как к истовым молитвам,
Я по-прежнему душой нерусский,
Неготовый к куликовским битвам.

Позабыв все грозные знаменья,
Пальцы распустив, как дамский веер,
Провожу я дни в негодной лени,
Накликая свой никчёмный вечер.

* * *

Где-то над покорностью и снами
Поселились вздохи и смятенье,
Они кличут нас, вопя и плача,
Словно наступило наводненье,
Словно сдохла ключевая кляча,
Так и не дожив до дня рожденья...
Сдохла, так и не простишись с нами.

А в окна подслеповатой раме
Всё по-прежнему, хоть вой навыкат.
И века мелькают чехардою.
Грозный Лев уснул, устав от рыка,
Водолей набузгался водою,
И, отпрянув от немого лика,
Близнецы прогнали себя сами.

* * *

В мире нет совпадений,
Есть только тростиночки судеб.
Их сплетая в венки,
Время цепко нас держит в руках.
В мире есть только тени,
И тени в нём, видимо, будут.
Даже если они
Вызывают у светочей страх.

В мире нет простоты,
Как бы нам простоты ни хотелось.
И излучины рек
Разлучают навек берега.
В мире есть просто ты,
Твое милое млечное тело.
И внезапный побег
В темноту твоих сомкнутых глаз.

Я от терний венков
Отказаться, наверно, обязан.
И от лавров мирских,
С сожаленьем вздохнув, откажусь.

Мой нехитрый улов –
Свет свечи и воскуренный ладан.
Мой издерганный стих –
О тебе, моя милая Русь.

* * *

В очередной проклятый, липкий раз
Я получил прямое подтвержденье,
Что идеалы — это только тени,
И что они напрасно тешат нас!

И то, что было в прошлом бытии,
Всегда охотно возникает снова,
Как если б к мяснику его корова
Все время бы являлась в страшном сне.

Идите прочь, мучители мои,
Ведь вы достигли славного предела!
Мне, доложу вам, нет и капли дела,
Как завершите в мраке дни свои...

Вы подняли со дна моей души
Такие грязные и мстительные роли,

Что еще долго с ними поневоле
Мне не расстаться, что тут ни пиши...

Свободой жить, как водится, на дне
Снабжен, как прежде, всякий отпрыск Бога,
И перед ним вихлявится дорога,
И грузный крест ютится на спине.

А посему без лишних, склизких слов,
Я разрываю собственные клятвы,
И просто жду развязки тучной жатвы,
Которой славятся холмы голгоф.

Я стал пустым, как выпитый кокос,
Осущенный упрямым суховеем.
Пускай проклятье, мрак, побег, потеря, –
Я эту казнь, увы, не перенес!

* * *

В безбрежности моей
Есть четкое отличье
От тесных берегов

Чужого бытия.
Я, если б был не я,
То не звучало б птичье
Разноголосье слов
В расщелинах страстей.

Я — главный эликсир
Разбуженного света,
И теплится во мне
Его сухая кровь,
И если мир плаксив,
Я, наплевав на это,
Что истина — в вине,
Ему напомню вновь.

Усталости моей
Есть множество огранок,
Я словно бы плыву
Над порохом, как прах,
Но душу, как ни грей
Посредством старых банок,
От хвори не спасут
Они ее никак.

В отчаянье моем
Есть многое такое,

Что составляло б счастье
Иных роскошных баб,
Но только лишь с тобой
Познал я вкус покоя,
И, было б в моей власти,
Забыл бы вкус преград...

В молчании моем
Есть потаенный погреб,
Где в шуме пантомим
Ютится тишина,
Коль мы с тобой вдвоём,
Никто из нас не помер,
Так вместе осушим
Мы истину до дна!

* * *

Не родившись на свет,
В дробном шуме карет
Мы скучали по давнему блеску.
Я, несносный эстет
Дорогих сигарет,
Сам вписался в ожившую фреску.

Отвернувшись от мекк,
Мы попали в Квебек
Оказавшийся старым рисунком,
Там карет давних бег,
В укреплениях брег.
И со шпагой бродил я проулком.

Ёкнет остро в груди:
Уж не Экзюпери
Сшил нам шапку из шкурки барашка?
Не дают фонари
Нам уснуть до зари,
Хоть осушена старая фляжка.

Этот город, как сон,
И учтивый поклон
Тем, кто создал его нам в наследство.
И сквозь запах времен
Компенсирует он
Наше столь бескаретное детство.

* * *

Я не выпил бутылку вина,
Ощущая себя слишком старым
Для подобного эксперимента.
И наскальных рисунков полна
Моих снов нераспитая тара,
Как конвейера шумная лента...

Если долго впиваться во тьму
Чуть дрожащим, напуганным оком,
Можно встретиться взглядом с собой.
Я тебя непременно возьму
В этот мир, чтоб не быть одиноким, –
Пусть конвейер решится на сбой.

Проводить свои ночи без сна –
Не такая дурная наука,
Чутко верить в рождение солнца.
Его вечно немая блесна
В нас стреляет из крепкого лука,
Мы ж, как меч молодого японца,

Отражаем в клинке свою радость!

И не верим в значение знаков,
Порождённых сознанием навзрыд.
Если есть у Всевышнего стыд,
Безусловно, он даст нам поплакать,
Не коря в нас подобную слабость!

* * *

Две сросшихся березы
Постигли тайну быта –
Без одинокой позы,
Кричащей: «Я — не быдло!»

Без надоевших Богу
Исканий высшей цели,
Без очевидных вздохов
На выцветшой постели...

Мы плотничаем складно
Живою древесиной,
Той, что стремилась жадно
Жить дубом иль осиной.

Творить неспешно воздух

В усердии немарком,
Не замечая звёзды,
Что высятся над мраком.

И не взмывая верой
В просветы междуветий,
Живую атмосферу
Не разменяя на ветер...

Не превращая в розги
Ветвей своих качанье...
Мне нужно у берез тех
Учиться созерцанью!

* * *

Как мне необходима отстранённость!
Остроконечность линий берегов,
И ощущенье близости богов,
Перетекающее в дождевую сонность.

Как мне необходимо просто жить
В неспешных колыханьях тихой мысли

О глубине молочно-бледной выси,
О светлых днях покоя и любви.

Как мне необходима просто — ты!
Та, для кого на Землю я был послан,
Чтоб проживать с тобою эти вёсны,
Запоминая каждый миг весны!

Я ЛАСТИКОМ СТЁР СВОЕ ДЕТСТВО

* * *

Вселенная пылинок
В протянутом луче,
В движенье не спеша,
Вращается и медлит...
И в нежных недрах дыма
Табачного вообще,
Как в дебрях коллажа,
Суть пропадает бледно.

Уж слишком велика
Вселенная моя,
Ближайшую звезду
Услышь в четыре года,
Но светом с потолка
Спускается, скользя,
По пыльному лучу
В нас звёздная природа.

Март 2005 г.

Свердловская поэма

1

В ту эру ненавязчивых дождей,
Едва лишь преломлённых ожиданьем
Несмелых радуг, призрачных ветвей,
Снастями увлекающих сознанье
Не в плаванье, а просто в естество
Протянутого в вечность поцелуя...
Тогда, когда немое волшебство
Рождалось между нами, но, ликуя,
Весь мир уже препятствовал двоим,
Забравшимся на склон зелёной кручи,
Играть друг с другом, словно им одним
Предназначались излияния тучи.
Над стриженой макушкою моей,
Над мягкими твоими волосами,
Мы, может быть, сгущали тучи сами,
И снова вот полощутся они
В бесцветных водах нового потопа.
Дышать и жить по-прежнему охота,
Тебя, принадлежащую другим,
Похитить, словно давнюю Елену,
Не навлекая хмурых новостей
На радиовещание из Трои

И хмурый мир против себя настроив,
Ведь он едва ли стал теперь добрей,
Чем в откровенный век членовредительств
Или в не менее жестокий век открытий...
И в сочетанье быстротечных снов
Предпочитая дерзкие поступки,
Мы отпускали жертвенных коров,
Поскольку не питали в тайной прыти
И доли веры в ценность этих жертв.
Мы не толкли на дне потёртой ступки
Для ворожбы взошедших в мраке трав, —
Мы просто составляли редкий сплав
Из тел и судеб гибкого металла...
Ты в безрассудстве терпком не металась,
Когда метался в безрассудстве я, —
И в этом было всё наше отличье,
Или, как говорится, диссонанс,
Затерянный меж нашими телами...
И всё, что оставалось между нами,
Мы сохраняли трепетно для нас.

Которые не слишком утруждались
Понять, откуда плещется вино,
Когда оно для нас превращено
Из формулы оксида водорода...
Мы были частью серого народа,
А части ведь обычно не дано
Постигнуть прелесть проживанья в зале
Несспешных ожиданий новостей...
Мы изучали выступы костей,
Как требует наука врачеванья,
Мы брали в руки сердце мертвеца,
Как будто это действие учило
Преодолеть немыслимость конца,
И всё, что в нас в какой-то мере жило,
Рвалось наружу из стеклянных колб,
Но эта жизнь — она позорный столб,
К которому приводят всех под ручку,
Упорно утверждая, что затем,
Чтоб приучить нас мучиться беззвучно,
Так, чтобы сам уже едва ли мог
Понять, где начинаются мученья,
А где в очередной солёной пене
Простые волны бьют челом в порог.
Так, подчиняясь скуке естества,
Мы убегали с лекций идиотов,
И находили, что нам жить охота

Без запаха, что мёртвые сердца
Неспешно, но истошно излучают,
Иные ведь практически скучают
С рожденья самого до самого конца...
Но не было вдвоем с тобой нам скучно:
В глухих лесах настырная кукушка
Нам куковала продолженье лет,
В анатомичке брошенный скелет
Скучал в своей кручине бессловесной,
И жизнь казалось нам настолько местной,
Что покидать навеки этот край
Нам не хотелось, пусть он был не рай,
Пусть в нем постилась вся наша незрелость, —
Но кочевой мой разрумяненный ген
Поставил точку в ласковом блужданье...
Нет, я не вскрыл в немой гримасе вен,
Я просто встал и вышел, как нечаянно
Из чайника выходит белый пар,
Как отлетают души насекомых,
Как исчезает ласковый загар
На разрыхлённых складочках знакомых...

3

Мы чуяли угрозу тупика
По грозному внушительному рёву,

С которым воздух провожает в путь
Несспешную подвижность паровоза.
Быть может, ослепительная проза
В себе и проявляет нашу суть,
Которую, увы, нам как обнову
Вторговывает с пылом дурака
Наш разум, этот пристальный судья
Всех тех, кто подчиняется расчёту,
И верит, что в соитье единиц
Рождается искомое прозренье.
На это есть, увы, иное мненье,
Что, как ни прячься от разумных лиц,
Разборов невнушительных полётов,
Всегда найдётся грязного белья
Довольно для вниманья идиота.
А посему в глухой тиши души
Всегда есть место вечному упреку.
Хоть бродит смерть всегда неподалёку,
Всё ж не найдешь её, как ни ищи,
Пока не грянет час дурного рока
И не наставит жизнь нам рога,
Уйдя от нас к другим своим субъектам,
А нас оставив с нами для того,
Чтоб мы себя познали, как перо
Себя познать стремится до рассвета, —
Но высохших чернил не обновить,

И строчки сухо путается нить,
Так и не дав искомого ответа...

* * *

Александру Свирилину

Ты, как орех, — упрям, бугрист и сух.
Я не могу сломить твое упрямство!
Ты словно бы переменил свой слух
На вкус самоубийственного пьянства.
Звоню тебе, — ты снова горько пьян.
А я о Боге всё да о Вселенной...
Мне в пору о тебе писать роман, —
Боюсь, он выйдет слишком откровенный!
Теперь любовь. Вот новая напасть!
«Подай её мне, вместе мы погибнем!»
Уж ты свою есенинскую страсть
Преобразил бы лучше в стих невинный...
Как тяжело без Бога! Волком вой
Мечась в бреду, и в возрасте Мессии
Тебя убьет очередной запой,
Как он уже почти убил Россию.
Но я люблю тебя таким как есть,
Такого нелогичного, живого...

За то что ты оставил свою месть,
Приняв всего одно Христово слово.
Ведь мы всю жизнь пытаемся прощать,
Шепча на ощупь зыбкие моленья.
Прости меня, прости сестру и мать.
И возвращайся из запоя тленья.

* * *

Пробудит меня мастерица-весна
От серой мышиной зимы; как в тумане,
Я вижу сквозь заспанные полюса
Блуждание льдов в Ледовитом океане.

Над этой весной поднимается высь,
Пронизана звёздами, словно солями
Каких-то кислот, и как будто сбылись
Гадания, нам посулённые нами.

Мы снова живем на вершине Земли,
Где айсбергам тесно под звёздною крышей,
Мы сами сюда неприметно пришли,
Уйдём ли отсюда — едва ли известно.

Мы славимся тем, что мечтаем о нас,

О славных деньках, растянувшихся в вечность.
Над нашею крышей без лишних прикрас
Наш старый Пегас пьёт небесную млечность!

Март 2005 г.

Французский язык

На блёклой мозаике
Стареньких букв
Я долго стараюсь
Припомнить подвижность
Французского эха
И галльского вскрика
На стойких постройках
Звучанья иного!

И снова срываюсь
На колкие фразы,
Не слишком касаясь
Достойных порогов,
Тугая Вольтера
Впивается язва,
Как кислая малость

Живого итога.

Бурлит во мне вера
И звонко воркует
Сквозь эхо эпох
И скандальность покрова
В простую поэзию
Мэтра Мольера,
Простую, как юность,
Как Бог и как Слово.

Я с Маленьким Принцем
Беседую шатко,
Ломая язык,
Но озвучив болезнь
Безропотных звёзд
Смеха звёздного ската,
Невинной игры,
Превратившейся в бездну.

Французский язык

В сочетании с дымом
Отжатых столетий
И свежего мыла
Вливается внутрь,
Как сказка эфира,

Растёртого в свете,
Ему опостылому.

Март 2005 г.

* * *

Мне нет места на этой Земле,
Я разбух до размеров Вселенной,
Ни диета, ни втык внутривенно
Не помогут уменьшиться мне.
Я взираю на собственный выход
За пределы дозволенных кольев
Не как след непомерных застолий,
А как взрыв или праздничный выхлоп
Из ракетниц фальшивых салютов,
Как размерность процессий весомых,
И, склоняясь под силой Ньютона,
Гнутся шеи моих лизоблюдов.

Мне так тесно в себе, что я наспех
Отворяю повсюду засовы
И креплюсь повторением слова,
Чтоб не выставить вовсе уж на смех

Свою нежную суть. Это просто
Должно скрыто быть в недрах галактик —
Самой лучшей из выбранных тактик
Есть стремленье к безмерному росту!

Март 2005 г.

* * *

Не придавай значенья снам,
Пускай они себе блефуют, —
Ведь сны, стреляя вхолостую,
Не придают значенья нам.

Не придавай значенья тем,
Кто распускает суеверья,
Закрой им перед носом двери,
Есть столько тем для смены тем.

Не предавайся сгоряча
Потоку пагубному мыслей,
Они вредны в каком-то смысле
И рубят слишком уж с плеча.

Не придавай значенья дням,
Пускай скользят себе в забвенье,
А ценность каждого мгновенья
Дели со мною пополам.

Апрель 2005 г.

* * *

Я очумело жду
И тешусь очумело
Неверными пометками
По серенькой строке,
Чернил хватило б тут
Или хватило б мела
Дневные мысли мелкие
Оставить в тупике.

Маяча на простор,
Как выдранная стрелка
Заплаканных часов
Маячит то и час,
Я расчищаю сор,
Кропая буквы мелко,

И сам к себе суров,
Как Бог, но без прикрас.

И, разметая суть
По тихим закоулкам,
Как старая свекровь
Ворчит в чужом окне,
Мне освещая путь
По каменным иголкам,
Течёт немая кровь
В ёщё шумящем мне.

Апрель 2005 г.

* * *

Мой маленький флюгер,
Мой чудо-кораблик,
Плыивущий над крышей
Тенистых ветвей!
В глубинах небес
Перетёртых парабол
Нанизаны туго
Надежды людей.

Твоих парусов
Не шевелит полотна
Ни чайковый гомон,
Ни пульсы ветров,
А вместо земных
Морей водоворотов
Кружат тебя сонмы
Небесных миров.

Май 2005 г.

* * *

Кто вы, забытые пророками и тьмой,
С отвисшою губой, полузакрытым глазом,
По темноте пещер запрятавшие сказы
О тех, кто жил судьбой, растерянной вотще?

Как много вас, забытых поколений!
И я — одно из них...

Май 2005 г.

* * *

Не бойся малостей, не бойся величин.
Боязнь, непростительная блажность,
Как тонкий шарм, пронизывает важность
Иных едва стареющих мужчин.

И, поминая Господа с утра,
Мы, как бельё, развешиваем мысли,
Взамен молитв прокашлявшейся выси
Нас разбирает кашель естества.

Нам непонятен замысел Его –
Зачем Ему несметная орава
Дурных непоучительных конclaveв,
Святых невразумительных коров?

Зачем такой упорнейший избыток,
Соизмеримый разве что с огнём,
В котором есть всё то, что мы о нём
Не поминаем в суетности быта?

Так, избегая сих избитых тем,

Мы отбываем сутки, как простуды.
Вот торжество, достойное Иуды, —
Поцеловать, шепнув Ему, зачем...

Май 2005 г.

* * *

В зубодробильнях исторических симфоний,
Где булава мелькала чаще, чем смычки,
Я не приник к расцеловавшейся иконе
И не втянулся в их мятежные полки.

На сих полях остались те, кого не станет
Главокруженьями насмешливая быль
Ни донимать, ни уповать на шелест ставень,
На тихий шорох нерасстеленных перин.

Я отживал свою неспешную несмелость
Вдали от бранных эпопеистых побед,
Мне никогда туда, представьте, не хотелось,
Даже тогда, когда мне было восемь лет.

Май 2005 г.

* * *

На стёртых языках,
Затерянных на время,
Я говорю с собой
И бормочу впотьмах,
Ища наверняка
Оставленное всеми
В подвалах ледника
Понятие «покой».

С обратной стороны
Зеркалящих созвездий,
На вешалке своей
Повернутых ко мне,
Покой ища вовне
И за закрытой дверью,
В чуланной глубине
Очередной страны.

Покой ища во всём,
В чём быть его не может,
Хоть это ясно всем.
А что, вдруг повезёт!

Так, без избитых тем,
Моей небритой роже
Вдруг сочинить бы том
Страничек на семьсот.

И пусть течёт вода
По стенкам ледниковым,
Пусть тают облака
В обличии богов,
На стёртых языках
Я начертаю слово
«Покой», сотру потом
И напишу «Любовь».

Май 2005 г.

* * *

Довольно фактов волшебства
Колдуют в сонном недосыпе,
Нас не страшат стада событий,
Коль веруем мы в пастуха.

* * *

Моё упорство, гранича с упрямством,
Различает себе ряд препятствий —
Нас лишь горстка не спившихся в пьянстве,
Не больных истерическим блядством.

* * *

Свекла, морковка, огурец —
Теперь повенчаны мы спайкой.
Я пью ваш сок, и моя Зайка
Мне говорит — я молодец.

Морковка, огурец, свекла,
Не разбираясь в сочетаньях
Простого вкуса и звучанья,
Меня уже с ума свела.

Свекла, огурчик и морковь —
Вот мой удел — удел счастливых,
Я улучшаю буйность гривы,
Спустив давление на кровь.

* * *

Я остаюсь в каких-то рамках
И не рисую на обоях,
Хоть мне и очень бы хотелось
На них тебя нарисовать!

* * *

В остывшем свете суэтного мела,
Которым расписали кромку неба,
Не видно ни величия, ни Храма,
Ни знака неземного естества.

Ведь это небо обрамляет рама,
Как обрамляет рама всё, что дышит,
То, с точки зренья неба, что внутри.

Ну дайте ж мне писать по этим кромкам,
Где звёзд вечерних остывает повесть,
Где кажутся лукавыми намёки
На длительность их световых лучей,
А жизнь моя останется ничьей,
Непостижимой и нездешней, то есть

Как эти звёзды в свете одиноком.

Май 2005 г.

* * *

Только не томи меня мутнотью,
Только не ищи мне удобства,
Мне не напоить себя мудростью
И не позабыть себя в скотстве.

Я к потустороннему раю
Не понимаю влечения бренного,
Я качусь по тропке, играя
Милую сонату весеннюю.

От котов пушистых проникнувшись,
В львиность свою явно поверивших,
Наблюдаю я птицу поникшую
И какой я стал — я теперешний.

Не узнать себя — так уж вычурно
Отражение моё в сером зеркале.
И давно коньяк уже выкушан,

И уж крест поставлен на лекаре.

Так и вьётся китайским иероглифом
Сочленение дней голых веточек,
И о чём мне подумать: о Боге ли,
Или снова о своих бренных клеточках...

Май 2005 г.

* * *

Мы видим себя в отраженье
Зеркальных шаров и фужеров,
Единожды в год признавая,
Что сказка свершается с нами,
Живя вперемешку со снами,
Себя каждый день открывая,
Боясь наводнений, пожаров,
Мечтая об омоложенье.

Мы тянем в предвечное лето
Мерцанье шаров новогодних,
Звучанье бокалов с шампанским
И губ, загадавших желанье.

Мы тихо скучаем по маме,
По той, что читала нам сказки,
Но, может быть, Богу угодней,
Чтоб мы не скучали об этом.

И мы наполняемся светом,
Себя ублажая по-царски
Букетом нечастых мгновений,
Известных нам только из сказки,
Когда без сторонней подсказки
Мы чувствуем тихие тени
Тех, кто в нас не ищет ответа
На их незаметные ласки.

8 июня 2005 г.

Моя нора

В мою нору нет входа — только выход,
И я таю в себе свой спёртый выдох.
Неважно мне, как теплится погода,
В моей норе нет смены времён года.
И страсть свою утыркав по карманам,
Запрятав внутрь глубже, чем преграда

Меж бытием и холодностью смерти,
Я не красуюсь, вы уж мне поверьте.
Ведь для начала, сняв с себя поруку
За всё, что протекает в этой чаше,
Незлобно нахлобученной на чаши,
Я постигаю грустную науку,
Что я не Бог, а Бог — не я,
И до меня доплакаться нельзя,
Не дозвониться колоколом звона.
Моя душа, как старая ворона,
Глядит на небо и молчит, дыша.

8 июня 2005 г.

* * *

Я отстранил себя от собственной судьбы,
Я телеграфом опоясал свою силу,
И, возвеличившись до уровня Годзиллы,
Я избегаю неоправданной ходьбы,
Я избегаю неоправданных хлопот
И недовешиваю сам себе конфеты.
Со всех сторон малюсенького света
Моя судьба сама ко мне идёт.

Океанов нет — я выпил их насквозь,
Материки все стали моим полем.
Я сам себя как будто обезболил,
Я сам себе вонзил как будто гвоздь.
Я проживаю там средь бурных стран,
Среди звучанья дроблённого эха,
И лишь одна мешает мне помеха —
Что я не знаю больше, где я сам.

8 июня 2005 г.

* * *

Я ластиком стёр своё детство,
Но стал человеком без завтра,
Поскольку нельзя без начала
Предвидеть развитие сюжета.
Прости меня, мама, за это.
Забытое детство скучало,
Играя с собой без азарта.
Играло, куда ж ему деться...

Я ластиком стёр своё сердце
Без слёз, без упрёков, без маты,

Но жизнь моя легче не стала.
Прости меня, мама, за это.
И вновь наряжается лето,
И убраны в шкаф одеяла,
Но лета пуховая вата
Не даст мне без сердца согреться.

Я ластиком стёр своё детство
Без жалости и без остатка,
Оно же совсем не молчало
И плакало всё без ответа.
Прости меня, мама, за это.
Хоть ты никогда не прощала.
И детства прилипшая ватка
Осталась мне в виде наследства.

8 июня 2005 г.

* * *

У зелёного озера
Травы плещутся бархатом,
Небеса остановлены
И как будто ушли.

Я стою, завороженный
Лета пристальным запахом.
Замок я заколдованный
В каменистой дали.

Мои стены порушены,
Им бойниц не проветривать,
Мои скалы постелью
Не становятся мне,
Я плыву колыбелью
Над туманами гущею,
Колыбелью поверья,
Неизвестного мне.

Мы ведь, замки, — не то, что вы,
Люди склизкие, жалкие,
Мы, столетия выстояв,
Тайны верно тайм,
Глушим крики истошные
Вековыми мы балками,
Пятна крови игристые
Растворяем мы в дым.

На ложбинках небес моих,
Где мой герб отражается,
Не могу наглядеться я

На подобье себе,
Облаков громождение
В замках солнечных знамени
Без молитв, без затмения
В молодой синеве.
Буду замком небесным я,
Когда скатится, свалится
Окончательно камушек
Мой последний к воде.
В небесах обозначена
Моя тайна прозрения,
В небесах уготована
Жизнь вечная мне.

И когда-нибудь заполночь
Звездопад обозначится,
Гладь озёрная вспучится
И умоет меня.
Как мне, старому, хочется
В тех легендах не значиться,
Где влюблённым не дали прочь
Ускакать на конях.

* * *

Я навожу свою подзорную трубу
На удалённые от равенства печали,
На непослушные моим внушеньям дали,
К которым я свой непослушный бриг веду.
И ледяные обрывая паруса,
Корму гладает серо-волчий ветер,
И в каждой маленькой, назойливой примете
Я слышу ясно своих судей голоса.
Свой путь по лоции я выверил зазря —
Здесь все по-новому изрезаны ландшафты,
И каждый раз, когда сюда приходит завтра,
Не обязательно случается заря.
Меня несёт вода, холодная, как сталь,
И острова пустынны, словно перепонки
Меж лапок стран и льдов изломанной щебёнки,
И мне себя уже как будто бы не жаль.
Оледененье наступает в одночасье
Вдали торжеств и поздравительных речей,
И, видно, мне уж не отделаться ничьей,
Ведь добродушье здесь равняется несчастью.

* * *

Ты куревом со мною поделись,
Ведь мы с тобой, практически как сёстры
Или как братья,
Вместе родились,
Чтоб отмерять прокуренные вёрсты.

Я проложу тебе свою лыжню
И утрамбую снег тебе с заботой.
Я ем из рук твоих лишь только, что ты
Мне испекла с того, что я пожну.

И мы, океан преодолевши вплавь,
На солнце сушим трусики и плавки.
Так, сторонясь таможен, виз и давки,
Мы просочились в здешнюю неянь.

Пересчитав дорожные столбы,
Мы на манер языческих учёных
Избрали местом чудо-золочёным
Уездный город средь речной тропы.

Здесь нас толкают на отъяленную ложь
Всегда, когда нас спрашивают о погоде,

В каждом местном недоношенном уроде
Урода видим, говоря: «Ну ты даёшь!»

Ну ничего, сестрёнка иль братишка мой,
Переживём и это мы с тобою,
Ведь нас с тобой оставили в покое
И наконец пустили к нам домой.

* * *

Тормоза — это средство отпустить
Всё, что мчится, самому ж остаться.
Лучше просто остановиться,
Как задумчивая мокрица
Иногда вдруг замирает
И не знает в полной мере,
Куда трескаются щели,
С умывальником содружно
Уходящие под пол.
Знаешь, сшей-ка мне камзол!
Так ли это тебе трудно?
Я, красуясь перед свитой,
Буду, может быть, умытый
Иль во всяком разуменье

Буду мудрым, как сокол.
Ну а может, вопреки всем
Неудавшимся наветам,
Ты со мною напрягись-ка
И войди в мою печаль.
Я предстал пред целым светом
Без камзола, неодетый,
Без желания протискать
В дверь закрытую сандаль.
Я блуждаю по дороге,
Где мой демон однорогий
Основал свои мотели
И заправки приобрёл.
Я б назвал его «козёл»,
Но козёл ведь двоерогий,
И от этой я поправки
Стал как будто бы весёл.
Я люблю, когда я весел,
Я прожил три сотни весен,
Я достаточно известен
В своих замкнутых кругах,
Я коплю в карманах прах,
И из всех весёлых песен
Выбираю осторожно
Только шёпот на губах.
Прекращая суесловье

Средь дурных дорожных знаков,
Демон, милый мой, уймися,
Рог свой тёмный не точи.
Я б упал с коварной выси,
Если б в сеть мою вплелися
Настоящие пороки
И нескромные мечты.
Я брожу по переулкам
Средь умерших в окнах вёсен,
Средь оставленных куплетов,
Недопетых в суете.
Это жизнь мною воспета,
Как порог распухших дёсен
Воспевали белизною
Зубы жёлтые во мне.

* * *

Коронуя себя по утрам неназойливым солнцем,
По-житейски предчувствуя вновь наступление дня,
Мы проснёмся однажды в ином измерении — бойся,
Что в ином измеренье не встречу я больше тебя!

Среди сути окраин едва почерневшего эха

Я с трудом разбираю в себе недостаток молитв.
Я, внезапно собравшись куда-то, надолго уехал
И живу без отрады, громоздок, плаксив, суетлив.

По луне распластав свои синие отблески молний,
Грохоча по углам вдруг коробкою ставших небес,
Ты в ином измеренье меня обязательно вспомни,
Чтоб не ведать нам слова невнятного, горького «без»...

14 июня 2005 г.

* * *

Стучा по мокрой мостовой
Печатями копыт,
Несётся гордый всадник мой,
Страж избранных элит,
И средь кромешной темноты,
Что факел не проймёт,
Мерцают блёклые следы,
Коня следя полёт.
Кто грозный всадник мой, скажи.
Томлюсь который год,
И перочинные ножи

Готовлю я в поход,
Мечтаю грустно, невзначай
Пья темень за окном.
«Мой кот волшебный, выручай!
Узнай мне всё о нём.
Коты ведь зрячие в ночи —
Им темень нипочём.
Ты мне его разоблачи,
Узнай мне всё о нём.
Кто он есть? Гордость ли?
Кошмар завистливого сна?
Мои уж дети подросли,
И спать зовёт жена.
Скажи, мой котик, светоч дней,
Кто этот человек?
И почему с судьбой моей
Так связан его бег?»
Молчит мой кот,
Молчу и я,
Но слышен звон следов.
Быть может, сердце моё бьёт
Чечётку дробных слов.
Быть может, стук этот в ночи,
Как пляска у огня,
Меня когда-то излечит,
Хворобого меня...

А может, это сумрак мой
В душе устал скакать,
И я кричу ему: «Постой!»
Но как его унять?!

* * *

В медленном вращении
Парового времени
Звякая машиною,
Топкою гудя,
Пароход мой движется;
Мне же снова кажется,
Что плывёт вокруг меня
Круглая земля.

В мире относительном
Жизнь неустойчива.
Знаком вопросительным
Дождевой червяк
В клюве птицы серенькой
Приتاился пристально,
И понять не может он,
Мир врачают как.

Забредя по случаю
В тесную пивную, я
Провожу поспешные,
Пьяные стада
Дней невразумительных,
Колышек забвения
Старенького времени,
Винтиком звена.

Что же всё неймётся мне?
Каламбур не пишется,
Вечность не удавится,
Чтоб меня понять.
В целом свете сыщется
Вряд ли мне защитница,
Милая, любимая,
Мне родная мать.

Сочинил напрасно я
Повесть о себе самом
С грустными предлогами,
С тонким юморком.
Сумерки убогие
Напрочь я развеивал
И курил всё трубочку

С чёрным угольком.

На столах с заморскими
Пряностями терпкими
Разложив с достоинством
Всю свою добычь,
Я ищу неистово,
Кем я стану в повести –
Суженым охотником
Или просто дичь.

Так, в своем стремлении
К прородившим сумерки,
К потусклившим свеченьку,
К поскупившим гарь,
Мне б найти ложбиночку
С домиком приветливым
И уснуть, не вскакивать,
Как бывало встарь.

* * *

В тенистой зелени найдя покой для глаз,
Я завершаю свою трудную задачу,

Тебя люблю, и ни о чём уже не плачу,
И не ищу уже иных путей для нас.

Без покрывал, без слёз, без суеты
К нам льнут плоты причалившего счастья,
И, передав тебе на всякий случай часть, я,
Вторую часть сам провожу своей судьбы.

По закоулкам, по невидимым углам
Я поселяю в тонких тканях паутины
Для нас написанные, верные картины
О нашей жизни, разделённой пополам.

О ГРУСТИ ЭТИХ ДНЕЙ КТО, КАК НЕ Я, НАПИШЕТ

* * *

О грусти этих дней,
Когда последний вестник
Из лиственных клочков
Вращается на месте
Свинцующих небес,
Волнения не без,
Сложу немые песни
Для нежных паучков,
Хоть им не интересней
От песен, не теплей...

И холодом несёт
С арктического тыла,
И даже голова
Как будто бы остыла,
И замирает вновь
В растениях их кровь,
Текущая по жилам,
Весёлая сперва,
Но ей совсем не мило
Вновь превращаться в лёд...

О грусти этих дней,
Когда дыханье тише
И нет в печи огня,
Кто, как не я, напишет?
Уже в который век,
В миру твоих опек,
Под ласковою крышей,
Кто скажет, как не я?
И кто, если не мы же,
Прочтём это скорей...

* * *

Дома стареют медленней, чем люди,
И не дают себя разубеждать
В необходимости неспешно ждать
Того, что будет и чего не будет.

Дома стареют медленней, чем мы,
И даже ещё медленней, чем мысли,
Кружка пылинки капельками жизни
В просветах окон и чуланной тьмы.

Мы заполняем их немой каркас
Своими недожитыми речами,
Они их доживают вместе с нами,
И после нас, и даже вместо нас.

Ни шум дождя, ни ветреная ночь
Не может заявить себя последней,
Стучा дверями в замкнутой передней,
Стараясь стуком тем часам помочь.

В домах стареют книги и цветы,
Засушенные в выцветших страницах.
Ах, что же тем столетним книгам снится?
Всё чьи-то пальцы, вздохи да мечты.

* * *

Большую часть бытия посвящая
Разглядыванию вещей,
Подробному рассмотренью
Трещинок на буфете,
А также всегда прощая
Всё за похлебку щей,
За сонное истощенье

Пепла на сигарете,

Жизнь проникает в быт
Струйкой того тепла,
Что сочетает в дне
Сотни его пределов,
И лабиринт корыт,
Полных до края тла,
Не соблазняет бег
Неразведённых стрелок.

Так начинает день
Крышечка от чернил
Серною кислотой
Сонного разговора,
И протяженьем в жизнь
Столбики от перил
Строго хранят покой
От неземного взора.

Ставнями шелестя,
Как черноухой жестью,
Суммами перечтя
Всё, что имеет смысл,
Вьётся, жеманясь, спя,
Скорясь и греясь местью,

То, что, увы, нельзя
Звать гордым словом «мысль».

Так, не познав себя,
Но возникая снова,
В строгом учете знаков
И недоимке слов
Корчится, теребя,
В кожных моих покровах
Ниточка зодиаков
Генов моих дедов.

**К обнаружению таблички из Первого Храма с
капельками золота от расплавившейся при пожаре
кровли**

На маленькой табличке письмена
В ложбинках букв, запомнивших паденье
Калёных капель золочёной кровли,
Разбередив немую боль ли, кровь ли,
Мой бедный Храм, заплакавший в горенье,
Исторг родного Бога имени.

За что? Мне больше негде горевать!

Нет больше груд неравенства ступеней,
Не позволявших, восходя, забыть,
Куда восходишь! Негде мне завыть
И разбросать на жёстких плитах деньги,
Которые мне некому подать!

За что лишил меня мой строгий Бог
Простого чувства значимости духа
И принадлежности к единой цели?
О чём мне капли золота пропели
И донесли сквозь эхо в область слуха
То, что я зренъем ощутить не мог?

* * *

Я в таинствах немого примиренья
С негодными, предательскими снами
Нашёл своё утраченное кredo,
Как краешек разлитого варенья
Собой являет грозное цунами
Для всех, кому ещё бездонней небо.

Я обнимаю тех, кто изневолен
Своей души изъеденным мочалом,
И возвращаю горький поцелуй

Тому, кого залил бы алкоголем
И позабыл бы все его начала
Средь первозданных одиноких струй.

Так возникая в отраженье судеб,
Растянутых в тугие струны буден
В несовершенных святотатствах уст,
Мой жалкий профиль, утомлённый трутень,
Бежит от края, что чрезмерно люден,
К иному краю, что чрезмерно пуст.

* * *

Мне ещё многому так надо научиться,
Мне ещё многому так надо научить.
Такая сложная наука — просто жить
И не ловить за хвост несчастную синицу.

Мне ещё много надо серых журавлей
Поймать средь неба вверх подвешенных пределов
И, разрыхляя свет, по выделке небелый,
Разбередить в себе остаток светлых дней.

Мне ещё много ненаписанных стихов

Пропеть хотелось бы, хватило б только силы,
Чтобы не вышли эти песенки плаксивы,
Как то бывает с приближением годов.

Мне ещё многое придется позабыть,
И даже то, узнать что предстоит лишь,
И к этой жизни, видимо, привыкнешь,
Лишь как придёт пора отвыкнуть жить.

* * *

От гениев всегда несёт загробьем,
Не столько хладом, сколько хладнокровьем,
А также неприступным веществом,
Которому не стоит за столом
Искать сравненья или же подобья
С банальностью учебного пособья.

И каждый божий прорезвельный шквал
Нас, обуяв потребностью похвал,
Ведёт к столу с уверенностью дерзкой,
Что в этот миг писать бы впору фреску
С нас, оседлавших стул, как пьедестал.

Но то — не так совсем, не так, оставь,
Не разменять фантазию на явь,
Не различить ни калек, ни пророчеств,
И гений — только узник многоточий,
В реке забвенья плещущийся вплавь.

* * *

Я взял вас в сеть, скупого мира дни,
Кроша сухарь метеоритным ливнем,
Гордясь клыком, или же лучше — бивнем,
Ловя на кухне шкурки ананаса,
Плода и символа моей родни,
Буржуев злостных и жильцов Парнаса.
И так не по-монашески влюбясь,
Едва ль кичась заученным наречьем,
Глотая горечь беленьких пиллюль,
Плету я нескончаемую вязь
Непроходимой сети человечьей,
Ловя в неё то дни, а то часы,
И звонкие кружки, что из металла,
Которому предстало заверять
Весьма весомую надежду сделок,

И грусть моих уже больных сиделок,
Не воспринявших мысль мою о том,
Что нет везенья в стае человеков,
И материальным миром подструнясь,
Не бередя в себе поток сознанья,
Я пропускаю летние купанья
И проживаю вскользь свои плоты,
Которые уходят и уходят
На самый краешек того, что мы
Зовём созвездьем сладкого покоя,
Которого нам не узнать, но мы
Его и так узнать бы не желали.
И бог с ним, лучше снова о металле,
Который больше не несёт в себе
Ни счастья владения, ни грусть потери.
И на Востоке сонные тетери
Уже узрели солнечный приход,
Пока у нас ещё почти всё пусто.
Ни торжества, ни змея, ни мангуста,
Ни колдовства по кухням второпях,
Ни расставанья с жесткостью постели.
И телом чуя приближение сна,
Я сознаю себя во всём виновным,
И в то же время невиновным. Так
Уже сложилось: каждый мы пустяк
К себе привяжем и воркуем нежно

О своезначье и большой вине,
А между тем нет истины в вине.
По крайней мере в том, что неизбежно
Нам поставляет душный магазин.
Нас обманули, из стальных витрин
Украли всё, чем славились напитки,
А нам остались пытки, только пытки
Распространять влечение своё,
Вливать в себя отравленные зёरна
Народных благ и пошлости народной,
И незнакомых мыслей о войне,
Которая считалась неизбежной,
Какой-то окончательно небрежной
И не возникшей где-то всё равно.

* * *

Я с яблока снимаю кожуру.
Сперва океаническое ложе
Белеет, на Антартику похоже,
На континент, где скачет кенгуру.

Я по-субботнециальному утру
Творю хребты под кончиком ножища,

Мне яблоко уже — не просто пища,
А шар гигантский, что парит в миру.

Его ведя вокруг настольной лампы,
Меняю дни на ночи — и назад.
Как жаль, что не купили виноград
Иль сливу, — я Луну пристроил там бы.

Но бьют часы. Лет миллиард прошел.
Потыкал я свой мир метеоритом,
И вот уже моя Земля залита
Холодным соком, словно дождь пошёл.

И там, внизу, на гладях белых вод
Льнут облака — то лепестки ромашки,
Те, что я днём отчалившим вчерашним
Тебе дарил, закончив свой поход.

Ну хватит тверди мять пустой поднос,
Пора и тварям дать простор обжитый.
Опять потыкал мир метеоритом,
Росточки жизни я в него занес.

А там уж поселил и человеков
По несомненно стойким островам,
И пусть живут без страха за тот хлам,

Из коего творится гордость века.

Но, наигравшись, яблоко я взял
И просто съел, забыв, что *о* я создал...
Наверное, затем Господь мне разум дал,
Чтоб глупости я быстро забывал.

* * *

Животные страдают бессловесно.
Хворая, дляят несчастие своё,
Как будто ждут на станции метро
Или трамвай — занять пустое место.

Животные хворают, не моля,
Не задавая лишние вопросы,
А просто ждут, как прежние матросы
Команды ждали сняться с якоря.

Сосредоточив мысли на своём,
Обмякши, с шёрсткой вялой и нелепой,
Они не ждут ни рая, ни ответа
И не дрожат, как мы, пред не-бытьём.

* * *

Практически привыкнув горевать
О том, что составляет окруженье
Всего, что можно обозначить словом
«Покой»; в неравной схватке за нирваной
Себя сгноив по разным пустякам,
Я продолжаю мять свои диваны
И пропускаю то, что нам отлил
Весёлый Бог из чашечек восторгов,
Безумный ветер, смелость скоростей,
Поток игристых вод и попугаев,
Знакомых птиц и северных светил, —
Короче, всех, что он уже отлил
Нам из своей бутыли ожиданий.
Вот волшебство прокуренного сна —
Взять верх над тем, что будто бы скрыто
В знакомых складках разрыхлённой кожи,
И всё, что есть, отдать тебе, о Боже,
Бери, что дал, и дай мне отдыхать,
Не возникая снова в подтасовках
Твоих невзрачно снятых авантюр,
Средь восхитительных небес, натур,
Культур и встрясок силы откровенной.

Я не возник из призрачных колен,
Описанных в твоих настольных книгах,
Я не способен в тяжестях и ликах
Распространять виденье перемен.
Даже потомством скучо семенясь,
Я растворяюсь в пытке поколений,
В их несомненном зареве, что нам
Не светит больше, чем другим светило.
Могила. Пусть. А что, и пусть могила.
Я научусь себя не вспоминать.

* * *

Мы слишком умны, чтобы знать о простейших вещах,
И слишком безумны, чтоб верить своим откровеньям,
И кружится шарик растущего в душах смятенья,
И теплится отблеск его на застывших устах.

Мы слишком устали, чтоб мерить иные миры,
И слишком вольны примирять непомерные меры,
А также шумны, хвастуны, суеверны, безверны,
Чтоб скрыть неминуемость нашей отжившей поры.

Мы слишком не те, для кого распинали Христа,

И слишком уж те, для кого заплатили Иуде,
От этого выпало нам то обилие буден,
В которых и есть нашей жизни пустой суeta.

* * *

Розоватая ткань облаков
В невесомых расщелинах неба —
Это грузные гроздья Богов,
Не дающих ни зреши, ни хлеба.

Как бродяга, развенчан Олимп
И назначен вулканом на Марсе,
И, как вялый и томный полип,
Отживаёт своё, как ни майся...

Отмежёваны сказки зазря
Перезревших богинь и героев,
И прохладное небо, коря,
Не кивнёт нам своей головою.

Мы одни, как и были, во все
Разлинованные разнолетья,
И какие-то давние «не»

Добавляют себе междометья.

И дорвавшись до наших страстей,
Наполняется небо горстями,
И ложится в пустую постель
Этот мир, оставляемый нами.

И воркует под сводом, томясь,
Голубица о канувшем лете,
И скользит, как волшебная вязь,
Пестрота непутёвых столетий.

* * *

В щенячьем восторге
От пьяного воздуха,
От просто весёлой
Границы холмов
Мы время на торге
Воруем без роздыха
И с радостью голой
Смакуем свой кров.

За смутными силами

Выцветших праздников,
За серыми складками
Наших невзгод
Какими мы милыми
Стали, проказники,
Смешными закладками
В книгах природ.

Прочь, грузные прения
С грозными масками,
Невнятный разбег
Всевозможной тоски!
От сладкого трения
Кисточки с красками
На сочный побег
Нахлобучь лепестки...

* * *

Прошлое — родина души
человека.

Генрих Гейне

Чуть остыvши, забыто, отпето,
Календарь — гильотина весны,
И какое-то вечное вето
Проникает и селится в сны.

Ни следа, ни отметин — отжито,
Не воспрянет, не станется вновь,
И рекою забвенья омыто
Всё, что было: восторг и любовь.

Где-то там, в разветвленьях корений,
Дней, времён или даже эпох
Поселился мой маленький гений,
Мой родной и улыбчивый Бог!

* * *

Я полагаю, все киты
Обиды меряют в китах
И у гренландской широты
Крушат торосы в пух и прах.
Ведь для кита вселенная
Теснее в двадцать раз,
И даже море пенное

Для них, что медный таз.

Я полагаю, всем слонам
Любви отмерено в слонах.
Дано им много, ну а нам
Любовь осталась лишь в стихах.
Ведь для слона всё кажется
Миниатюреньким.
Шагнёт — и всё размажется
Под колоссом таким.

Я полагаю, что комар
Всё мерит в комарах,
И оттого неходит в жар
И не впадает в страх.
У комара ничтожное
Понятье обо всём,
И потому умножено
Нахальство в нём.

* * *

Я не знаком ещё со всем, что есть средь нас,
Ослы — животные с упрямым чувством чести,

И если есть ещё в вселенной этой вести,
То эти вести не доводятся до нас.

Какие славные животные — ослы,
Их голоса порою даже мелодичны,
Жаль, что всегда взирают с первой полосы,
Увы, лишь те, что в человеческом обличье.

А за кулисами уже не суета,
А так, какое-то предвестие исхода,
И зажигает перекрёстки простота
Очередного недоевшего народа.

Который раз теряя вкус и мня изыск,
Всё наступает человечество на грабли,
И, повторяясь, наши глупости озябли,
Как зябнут мухи от шампани влажных брызг.

А телевиденье всё жаждет катастроф,
А катастрофы сохнут по невинным жертвам,
И смерть давно уже считается десертом,
А не каким-то отлученьем от даров.

А наши сверстники всё ищут перемен,
Не понимая, что вся хитрость в постоянстве,
И заменяют устаревший образ пьянства

На еще более старинный культивизмен.

А в ресторанах подают меню,
И в них — весь список прегрешений смертных,
Когда бы люди родились бессмертны,
Они мгновенно бы засохли на корню.

* * *

Японцы нашли разницу в мозге оптимиста и
пессимиста.

Из депрессии в депрессию
Переходим весело.
Ну, не опускать же руки
От коварной депрессухи.
Кочеет голова,
Знать, судьбина такова.
Говорят, мозг оптимиста
Весит больше грамм на триста.
Оптимист, наверно, сам,
Тайно принял триста грамм.
Оттого он и весёл,
Скачет всюду, как козёл,

Ну, а нам, всем пессимистам,
Не хватило грамм по триста.

* * *

На самых высоких вершинах
ничего не растет.

Юл Бриннер

Высокие вершины
Безжизненно-пусты.
Разумные причины,
Как правило, просты.

А линия изгиба,
Как правило, нежна,
А ледяная глыба —
«Титанику» хана.

Так мы сидим на кухне
И знаем обо всём.
Когда кто где-то ухнет,
Посуду сполоснём.

* * *

Большой, как туша Фудзиямы,
Японской огненной горы,
Я сочиняю эпиграммы
В снежинках сумрачной поры.

Приделаю машине ножки,
И сквозь глубокий, топкий снег
Помчим мы прямо по дорожке,
Стремя к ночлегу скорый бег.

Синицы жрут халявный ужин,
Как не пожрать, коль дармовой,
И стих мой никому не нужен,
Как в старом доме домовой.

* * *

Господь Бог живет в деталях.

Аби Варбург

Растекаясь во всех направленьях,
Растворяясь во всех эликсирах,
Застывает и теплится время,
Опресняясь в глубинах эфира.

В мелочах и неспешных деталях,
В столкновеньях былинок и пыли
Мы с тобою вдвоём проживали
Всё, что раньше с тобой не прожили.

В сочетанье с росинкой, с травою
И пустынным размахом вселенных
роживает Господь. Я — с тобою.
Ну а также весь мир современный.

* * *

Всё счастье мира за слезу
младенца.

Достоевский — душервавец, сволочь.
За слезинку вывернет насквозь.
Так и тычет прямо с книжных полок
В души врозвь слезы младенца гвоздь.

Мир давно своё всё счастье пропил,
Миру больше нечего менять.
Заросли к любви извечной тропы,
И младенцев не рожает мать.

И при входе у большого тира
Снова объявление дано:
«Покупаем оптом счастье мира
За слезу младенца одного».

* * *

Как же мне теперь жить?
Как смотреть на сиреневый куст,
Как над книжкою думать
Неверной лесистой порою?
Как мне сдерживать прыть
Ненасытных блуждающих уст,
Как узнать мне, где сумма,
Сместившая вечную Трою?

Как завязывать бант
У моей нерождённой сестры?

Как мне потчевать хлебом
Неясных друзей или стражей?
Как назойливый Кант
Связан с эхом июльской жары?
Как под вымытым небом
Не знать о внезапной пропаже?

Как заставить осечься
Внезапной тоски дилижанс?
Как испить многоточье,
Как выпить до капли молчанье?
Кто мой гневный предтеча?
Кто даст мне невыбитый шанс?
Кто уснёт во мне ночью
С моими немыми речами?

НАШИХ ЖИЗНЕЙ СУХИЕ ОТРЫВКИ

* * *

Я уехал, и снова уехал,
Убежал, ускользнул и ушёл.
Для кого-то всё это потеха,
Для кого-то — весёлый прикол.

Я в лесу. Больше дела мне нету.
Новостей разрывается нить.
Я почти что покинул планету,
Просто чтоб обстановку сменить.

Но не сплю я от гулких винтовок, —
То охотников к нам занесло, —
А мне видится: пули иголок
Решетят лобовое стекло.

Что за чёртова наша судьбина,
Неприкаянный наш приговор!
Вечно тает под ступнями льдина,
Словно кто раздувает костёр.

* * *

Все мы тут болтаемся без дела.
Стоит ли детишек обижать?
Солнце нас достаточно пригрело,
Что водой уж впору отливать.

Все мы тут на временных квартирах,
Их мы не торопимся менять.
Страх пред сводами иного мира
Старомоден, словно буква «ять».

Надо взять нам разума и песен,
Семечек набрать на долгий путь,
Хоть пути конец не интересен,
Скоротать бы время как-нибудь.

* * *

В этой дикой стране
Нас так мало, и нам одиноко.
Если есть в этой свадьбе
Какой-нибудь спрятанный толк,

Прислонились мы к ней,
Неприветливой и кособокой,
Словно к выпившой бабе,
Подсунувшой с проволкой ток.
На безумном сидим
Мы её полусне-чаепитье.
Бедный выдумщик Кэрролл!
Где мартовский заяц? Ушёл?
Что ты там ни пряди
В хитроумье нелепых событий,
Вот где был бы твой перл
И залитый чаинками стол!

От её королев
Нам не стало просторней и чище,
Словно замкнутый блеф
Растянулся и выплеснул блажь,
Если козыри треф,
То и козырь сгодился бы в пищу,
Этот вымерзший сев,
Он не твой, он не мой, он не наш...

* * *

Мы сетуем на быстротечность! Ну?
Виним в несправедливости тугие,
Страдающие паранойей стрелки!
А между тем сии упрёки мелки,
Как, может быть, наверно, и другие,
Поставленные Господу в вину.

Итак, взгляните. Мы живём меж скал.
Застывшее промеж мгновений время
Для нас облито словно на бегу
Внезапным kleем липкого рагу,
Изваренного из сухого семя
Полей, в которых Млечный Путь скакал.

На острие стальной калёной мглы,
На самом кончике застывшей битвы,
Едва достигшей апогея в том,
Что называют всуе бардаком,
Мы поселились на разрезе бритвы
И обживаем острые углы.

* * *

Мой гордый фрегат
Мачты все поломал и предплечья,
Обвисли канаты
На сломанных рёбрах его.
В почтовой коробке
Не смог избежать онувечья,
Ну лучше уж так,
Чем совсем не дошло б ничего.

Я долго читал
Книгу скользкую в суперобложке,
Но вдруг я сорвал её,
Сунув безжалостно в печь.
Маньяк Макьявелли
Над «и» все расставил мне точки,
И чудо-фрегату
На почте проделали течь.

Сегодня не чистил
Нам двор от огрубшего снега
Сосед, что когда-то
У нас пару ёлок спилил.
Отчалил фрегат мой

От старого, бренного брега,
А к новому берегу
Пока так и не прирулил.

* * *

Песнь мельниц ветряных —
Былина полевая
Беспечных и иных
Оскалистых ветров,
Хмельные кубки нам
Свободой наполняя,
В них подсыпает сны
Сервантес-суеслов.
Кольчугою моей
Не уберечь от смерти
Ни страстности огня,
Ни алчности побед.
Постылый суховей
Житейской круговерти
Не выслушит меня
В моём рассвете лет.
Размеренным в моём
Немереном скитанье

Лишь будет стук копыт
Да отблески костра,

Поношенным копьём
Срываю одеянье,
Зовущееся быт,
Вновь станет жизнь остра.
Кочующих племён
Издёрганный наследник,
Растративший свою
Озnobшую изнань,

Я средь больных времён
Уверовал не в бредни,
А в вечную струю,
Стирающую грань.
И шлем свой очертя,
Без хладного расчета
Ищу я одного –
Источник тот добра,

Который, говорят,
Избавит мир от чёрта,
Я б капельку его
Хоть горстью подобрал.
Пусть мельницы дрожат,

Исчадие драконье,
Я вырву в крыльях их
Последнее перо.

Какой же аромат
Имеет беззаконье,
Когда законов смрад
Не знает естество!
В седло манит меня
Душа моя испанца
Из тёмных крепостей,
Где несвободы сонь,

Седлай скорей коня,
Мой верный Санчо Пансо,
На волю поскорей
Неси меня, мой конь.
Манит в седло меня
Душа моя — калека
По разным пустякам,
На разных берегах.

Пусть конь, во тьму неся
Безмерность человека,
Развеет по бокам
Его безмерный страх.

Амстердам

В молоко онемелого неба
Слилась высь без высотного страха,
Где бы я после этого ни был,
Колокольня звонила мне Баха.

Среди крыш с чернотою каналов,
Средь широких, невдумчивых окон
Эта музыка не остывала,
Не давая мне быть одиноким.

Я гулял, представляясь Спинозой,
Я вникал в шум речного трамвая...
Этот город щемящей занозой
Влёк меня, ничего не скрывая.

Я пил воздух коктейлем креветок,
Брал рукой холод столбиков чёрных,
И с сетями обглоданных веток
Плыли прошлого барки и чёлны.

Лондон

Настоящие камни тротуаров,
Настоящая зелень садов.
Здесь себя я почувствовал старым
И немного родившимся вновь.

Я носился с вселенской идеей,
Ел сосиски и пил чёрный эль,
Был в тени Трафальгарской помпеи,
Где на Christmass норвежская ель

Украшает несбывшийся праздник,
Где толпятся чужие мозги.
Я в плаще посещал место казней
У холодной селёдки-реки.

Я немного остался задавлен
Этой мощью имперской стопы...
Закрывал свои медные ставни
Город в гуще несмелой толпы.

* * *

Это как-то непатриотично
Или даже вовсе непрактично,
Засидевшись с поздними гостями,
Вещи я свои раздал горстями.

Это как во сне неоткровенном
Или в откровенье внутривенном,
Утешая боль свою обманом,
Я раздал всё местным наркоманам.

Где же ты, Иисуси, милый парень?
Я уже во вкусе — скарб раздарен,
Но молчит ловитель человеков,
И в окно протяжно воет Мекка.

Мы пошли б с тобою по дорогам,
Ты б глаголил, я писал немного,
А потом увёл тебя случайно
От вечери в неумытой чайной.

Мы бы пели песни, пили колу,
И детей не посылали в школу,
И садились в поезд на вокзале

В мире, где тебя не распинали.

Эта жизнь — как ложечка от чая.
И несёт вагон нас, чай качая,
Подстаканник с дрожью меж зубами
Расставляет вечность между нами.

Я не знаю, сколько мне осталось,
Я не знаю, что со мноюсталось,
И бегу я снова, как ошпарен.
Где же ты, Исуси, милый парень?

2 декабря 2000 г.

* * *

Нас разбудил раскатов ярых гром,
Так грохотало, что держись за сердце,
Какой на небе выдался погром,
Всплеск бесшабашья среди молний терций!

Так грохотало, что держи стекло,
Так лило наземь, что скользнут копыта,
И гром на небе так поволокло,

Что над Землею треснуло корыто.

В такой вот шторм не дай боже попасть,
Над бурной бездной маясь, как букашка.
Что ж, насладилася природа всласть,
Своей грозой нам пригрозя не пачкать!

Я не заснул уж больше, вниз пошел,
Сынишка плакал, дочке что-то снилось,
И не иссякнув, ливень не ушел,
Пока по крыше его злоба билась.

Тебе приснился полувещий сон,
Листок из книги, сон от Серафима,
И струи пели пулям в унисон
И обрывали узкие стропила.

Какая злоба в этих небесах!
Какая лживость в здешних покаяньях!
И мы, уже запутавшись в грехах,
Не знаем сами выход из блужданья.

Я ненавижу бури страх и пыл,
Я забираюсь в глубь своих беспечий.
Покуда я свой гений не отрыл,
Я буду жить, как отпрыск человечий,

Есть эскимо и шуриться на дым,
Пить винограда лоскуты и запах,
И провожать свой томный остров Крым,
Плыvущий в синь, откуда нет возврата.

* * *

Мы селились вдали
От весёлой толпы,
Оставляя в пыли
Груды фотоальбомов,

И как будто нашли
В шатком облике мглы
Мерный маятник дней
Без возни и уронов.

Это сладко так знать,
Что просторы вокруг —
И вглуби, и снаружи,
И сверху, и снизу.

Лес, как древняя знать,

Провожает в пургу
Свои грозные ружья
Нестойких карнизов.

Современная суть
Своевременных слов,
Возникая из тьмы
Отдалённых пределов,

Окружает наш путь
Средь помятых стволов,
Отживая броски
Генетических стрелок.

Время пущено вспять
И пылает, томясь,
Чуть зажатое вновь
Обращёнными снами.

Это славно так знать,
Что лесистая вязь
Окружает, как ноль,
Нас, оставленных с нами.

И волнуясь, мы врозь
Отживаем рассвет,

Опалённый внутри,
Но не выжженный вовсе.

Скоро дождики вкось,
Тарабаня секрет,
Нам на кручах земли
Расклонируют осень.

Ту же самую, что
Посещала порты
Ещё тонкой волной
Омываемых ставней.

И дождей решето
Распечатаете ты,
Как в конверте со мной
Письма радости давней.

* * *

Там, в созвездье искомом
Мир нам кажется домом,
Я «Британики» томом
Отворяю строку.

Там я маленьkim гномом
Поселился в знакомом
Окружении буквы
Под названием Q.

Я поставил кроватку
На изгибе покатом,
Буквы лесенку-хвостик
На ночь я подогнул.

Не узнал я отгадку
Кто был Понтий Пилатом.
Я не звал его в гости,
Потому что уснул.

Я вообще нелюдимый,
Потому что сплю зимы.
Мне на уровне буквы
Дела нет до людей.

Пусть они много скажут,
Быются, плачут, судачат, —
Мне мой морсик из клюквы
Лучше всех новостей.

* * *

Едва в Рёльсоссен
Приходит осень,
И все норвежцы
Ложатся спать, —
Средь мрачных сосен
Наш домик постен,
Но мы так любим
В нём зимовать.

Кружат над Гломмой
Снежинки-гномы,
Свет невесомый
Льёт Млечный Путь...
Наш дом укромный,
В снегах бездонных
Наш дух бездомный
Ты приголубь.

Едва весны же
Полог бесстыжий
Покроет грыжи
Болотных чащ,

Мы спрячем лыжи,
И станет рыжим
На горизонте
Хребета хрящ.

Пифагору о переселении душ

Семя вздрогнуло и взмыло ввысь росток,
Раздвигая комья пыльной сушки.
По утрам растенья на восток
Навостряют солнцелюбы-уши.

В этом семени родился Пифагор.
Много лет душа бродила в козах.
А теперь среди поросших гор
Застывает мой мыслитель в позах.

Так вкушает каждый чашу ту,
Что в своих мытарствах уготовил.
Знать, не всякую свою мечту
Стоит нам замешивать на крови.

* * *

Вчера внимательно осматривал я глобус,
Земля мне показалась очень рыжей.
Я не имел в виду её утробу,
А я имел в виду, что шар напыжен.

Уж очень он не входит в список тем,
Где я имел бы дело с колыбелью
Всего того, что — я, и чем дышу, и ем,
Где я грущу и предаюсь веселью.

* * *

В дождь Милан нам судьба показала
С белогрудой громадой собора,
Все строения в стиле вокзала
И шатание всякого сброва.

А зонты, словно чёрные банты,
Огибали промокшие двери.
Мы бродили по улице Данте,
Того самого, Алигьери.

Хоть Милану толпа и постыла,

Сам погряз он в толпе, как мошенник.
Ни кола, ни двора, ни стропила,
Только маме купили передник.

* * *

Я в Норвегии пожил —
И попал вдруг домой я.
Всё знакомые рожи,
Только нету запоя.
Море гордые фьорды
Обрамляют опрятно.
Всё знакомые морды —
Говорят непонятно.

Принес:

Что же мы все пегие?
Хуже мы Норвегии?
Вроде тоже водку пьют,
А как чистенько живут!

Тут родные берёзы
Вдоль уральских опушек,
И крутые морозы

Оставляют без ушек.
Тот же лес, те же горы
И такие же дымки;
Только нету ни сора,
Ни мытарств, ни дубинки.

Препев.

Я крутил головою
И мечтал всё с упрёком,
Чтоб Россия такою
Стала вдруг ненароком.
Но не станет уж, видно,
Всё ей вечно не ладно.
За Россию обидно,
За себя мне досадно.

* * *

Перелётные птицы уже собирались —
Уложили платки да сорочки.
И неспешным конклавом в упругую высь
Потянули пернатые строчки.

Значит, скоро и нам собираться на юг —
Тихо тают недели-пропажи...
От январских белёсых, простуженных выног
Улетим налегке, без поклажи.
Встретит нас испещрённый морщинами край,
Весь в морях, словно в горькой подливке;
Залистает, закружит опять календарь
Наших жизней сухие отрывки.

* * *

Я покупал себе свободу
По пять копеек килограмм.
Садился я на хлеб и воду
И всё бросал к её ногам.

Теперь свободен я. Жирею.
Хандрю и плачу обо всём.
Продал родную Иудею;
Купил в Норвегии я дом.

И вот теперь, чего же боле,
Свободен я, но глух и нем,

Хромаю, корчусь я от боли,
Соплю, коплю и тупо ем.

22 августа 2000 г.

Норвежские мирные инициативы

Я был викингом,
Плавал по морю,
Алый цвет любил,
Он ведь яростный!
Не одно пустил
Село по миру,
Не одно сгубил
Судно с парусом...

Кушал мясо я
Крупным прикусом,
Облизав персты,
Словно дикий зверь.
Фляжкой лязгая,
Дрых под фикусом
И дожил до ста,
Хочешь, верь не верь!

А теперь норвег

Очень мирный я.

И давно за так

Отдал палицы.

Миру мир навек,

Воевать нельзя,

И не надо так

Злобно пялиться.

21 АПРЕЛЯ 2002 Г.

* * *

Всё, что было у нас, мы отдали врагу,

Предаваясь любви и коврижкам,

И упрямую боль затаив на бегу,

Разбежались по тёмным подмышкам.

А врагом оказался сосед по ручью,

Он не ел, не любил он, не спал он

И почти как и мы, пав в неравном бою,

Убегал по затравленным шпалам.

Солнце билось в висках наших чуждых мозгов
И кровило небесной отрыжкой.
Оставляли с врагом мы страну для врагов,
Разбегаясь по тёмным подмышкам.

* * *

На столе лежала помидора,
Красная, как знамя коммуниста,
Словно от обеда до забора
Вымыта моя судьба нечисто.

Жаль, что я непризнанный вельможа
И недообученный растёпа,
Жаль, что не раскидывал я ложа
В выемках Всемирного потопа.

Жизнь проходит в истовом сопенье,
Хрюканье и сонном ожиданье.
Лучшее из всех моих умений —
Это всласть мечтать про берег дальний.

Пробуждение

Мои мысли — мои сторожа.
Ими брежу, но правды не режу.
Из чердачного этажа
Открываются окна всё те же.

Как ты мил, Соломоновый мир,
Где что было, опять то и будет,
Где признанья надтреснутых лир
Неподвластны ни Торе, ни Будде.

Дураки мы с тобой, Соломон.
Что ж, прotrём запотевшие уши
И на стыке истёртых времён
Встанем мы умываться и кушать.

Не кончается эта потеха,
Ещё много чертовских проказ!
Если б мог от себя я уехать,
Я б уехал ещё много раз...

* * *

Нам не нужно друзей —
Это слишком накладно и нудно.
Лучше дней карусель
Проводить без излишних хлопот:
Приготовить кисель,
Скушать с кашей, взошедши на судно;
Переправить постель
На качаемый волнами плот.

Что желают друзья:
Лишь несчастий нам всяческих много.
Что живём, как князья,
Не простят нам они ни за что.

Если даже нельзя,
Я спрошу разрешенья у Бога —
Пусть мне, пальцем грозя,
Всё ж позволит забиться на дно.
Нам так много понять
Ещё нужно, но сыплется время
Перетёртым песком,
Словно ядом, песочных часов.
Как тоску мне унять,

Не приходит мне радужно в темя,
И селюсь я леском,
Попрочнее повыверив кров.

* * *

Лет в двенадцать решил я железно,
Что в Венецию мне не попасть.
К недоступному же, как известно,
Разбухает огромная страсть.

И теперь, очутившись в Милане,
От неё километрах в трёхстах,
Я взбурлил, словно буря в стакане,
Расстоянье читая с листа.

В обветшалой лагуне, как в тесте,
Вязнул город моих юных грёз,
Гондольер нас надул тыщ на двести
И по грязной канаве повёз.

Мимо нас проплывали гондолы,
Мы качались средь песен и лиц
Вместе с банками от кока-колы

И останками умерших птиц.

А на площади Бедного Марка,
Средь фасадов на грязных столбах,
Мы сидели, и нам было жарко
В Адриатики душных ветрах.

Мы решили, уехав из рая,
На трамвае речном тря зады,
Что Венеция — тот же Израиль,
Только с явным избытком воды.

16 февраля 2001 г.

* * *

Мне ночью снился старый Нотр-Дам,
Но с колокольней правой больше левой.
Асимметричность, видно, — признак Девы,
В чью честь соорудили этот храм.

Наискосок, на острове Сите,
Приснилась мне, представьте, синагога.
Когда-нибудь мне б не забыть у Бога

Спросить, что означали грёзы те.

Там было много книг. Через окно
Я наблюдал за сном библиотеки,
А Сена, как и все другие реки,
Несла вокруг присутствие своё.

Такие сны обычно снятся днём,
Они глухи, как высохшая флейта.
Я не прошу больного старца Фрейда
Копаться в подсознании моём.

Зачем? Не нужно выцветших причин,
Чтоб ощутить присутствие невроза.
Обычно исключительная проза
Ютится в подсознании мужчин.

Я буду думать лучше: этим сном
Ниспослан мне какой-то символ свыше:
В нем Нотр-Дама арчатые крыши
И синагоги окна за углом.

Я там брожу, классический изгой,
Которого не любят и не гонят,
Которому всех храмов башни звонят,
Который всюду свой, хоть и чужой.

Канадский лес

Сладковатый запах хвои
Резкий, пыльный, едкий, колкий.
Словно древние секвойи,
Раскидали ветки ёлки.

Вверх взлохмаченные кроны,
Как кустарник, жмутся чащи,
Этот лес нам незнакомый,
Этот лес ненастоящий.

Мы пройдёмся до опушки
Вдоль немеющего свода.
Что за странные игрушки
Напридумала природа?

Как в загуле, словно спьяну,
Или вовсе сбившись с толку,
По ту сторону океана
Позабыв, как делать ёлку.

7 июня 2001 г.

* * *

Коль на дверях родной Европы
Для нас повешена печать,
Индейца с перьями до жопы
Хочу в Канаде повстречать.

Сюда приехали мы поздно:
Индейцев нет, одно жульё
Снуёт и шмыгает гриппозно,
Жаль, не дают купить ружьё.

Нам не дадут земли бесплатно
И не оплатят пароход...
Ну не тащиться же обратно?
И не тащиться же вперед?

* * *

Лес зелёный — стеной за окном
Манит нас немигающим оком,
Как легко в окруженье таком
Убаюкаться ливня потоком.

Как уютно средь крошечных стен
Предаваться неспешному чтиву
И боязнь больших перемен
Унимать болтовнёй торопливой.

И от этих избыточных слов
Уноситься в мирские мгновенья,
В лес поваленных чудо-стволов,
В лес тишайшего самозабвенья.

* * *

Я молюсь на белый снег,
Как на средство от аптек,
Как на звёздную метель,
Как на всё простиивший хмель.

Я мечусь среди границ,
Как под Курском взятый фриц,
Я боюсь свою страну,
Хоть не выбрал ни одну.

Я уже иссяк на третью,
Мне не страшно умереть,
Но скрипит в висках качель
Беспрестанных мелочей.

Что за ясный всплеск ума
Жизнь ещё явить должна,
Чтоб средь яви грозовой,
Я обрёл души покой?

* * *

Старый Кембридж, крупица добра,
В разлинованной сетке квартала.
Если истина смертным дана,
То её здесь окажется мало...
Средь напыщенных временем лиц,

Средь прыщавых судеб и обетов,
Сколько вспыхло и гасло зарниц
Чушь несущих университетов?
Сколько блажи и глупых вершин
Покоряли всемудрые старцы
И последствия ложных причин
Помещали в учебника карцер.
Генри с ножкой от стула не зря,
Хоть восьмой он по счету, но первый
Покровительствует, покоря
Веру старую новою стервой.
Город милый, титан и гротеск!
В сорок вёсел ударить — и скрыться,
Чтоб твой шарм в подсознанье не лез,
Чтоб не лязгал твой сказочный рыцарь.
Где-то здесь, в глубине твоих стен,
Расплывается время, как лава,
Только здесь, в сочлененье измен
Зарождается вечная слава.
Только здесь, средь истёртого тла
Выпадает по малым крупицам
То, о чём шепчут колокола
В предрассветном тумане зарницы.
То, зачем, может, стоило пить
Этот воздух и шурить на солнце, —
То догадки бессмертия нить,

Достающая душу до донца...

Июль 2001 г.

* * *

Я на фоне Млечного Пути
Протираю старые калоши,
В ресторане прежнем у «Кати»
Мой десерт, заждясь, переполошен!

На сухих проблесках Луны
Нам не жать лихие урожай,
В тоскованном отблеске вины
Нам едва ль привидится Израиль...

Что ни день, то днище иль костёр,
Что ни час, то острие кинжала, —
Я забился в собственный шатёр,
Чтобы мне созвездие не жало.

Чтобы всем хватало пустяков
И нечаянных возгласов спросонья,
Чтоб на всех вселенских чудаков

Нам хватало дополна иронии.

И забывшись в пересвете звёзд,
В точечках туманных очертаний,
Мы построим через Землю мост
И уснём, как в зале ожиданья.

* * *

Я так привык к различной пустоте,
Что звук иль вещь меня страшат, а мысль
Кислит и жалит, как «Алиготе»
Или шампунь, когда едва помылся.

Несостоятельность моей тоски
Легко любым прибором измерима,
И не блестят у стен Иерусалима
Мои необлысевшие виски.

Расслабься, Бог! Мы выпали на землю,
Как из гнезда иль из суровых шахт,
Не я один тебе, увы, не внемлю,
Не я один тебе поставил шах.

Нас много, разных душенаселений,
Мы разрослись, как хлопья в январе,
И, копошась и возносясь на тлене,
Не я один шатаюсь в темноте.

Расслабься, Бог! Мы выпили всю воду
Из неподкупных небу родников.
Явись ко мне или явись народу,
Пока народ со мной не был таков.

Как неуютно в Земле Ханаанской,
Как неприютен Божий стан и кров,
И я кричу и корчуся по-вигвамски,
И выпиваю колу, словно кровь!

Не удержать бубенец с колокольцем,
Не увести издёрганных коней,
И я брожу под нелюдимым солнцем
С неистребимым прозвищем «еврей».

26 августа 2001 г.

* * *

На выцветшем узоре
Цветов и стёкол
Я вижу города,
Я вижу острова,
И вижу там себя,
И языком я цокал,
Упавши с фонаря.
Как старая метель,
Внезапна и вольна,
Вдруг поглощает душу,
И я совсем не там,
Я покидаю мир,
Я покидаю сушу,
Я покидаю всё,
В чём плещет океан.
В науке покидать
Есть правило простое,
И каждый может взять
На выучку его.
И тело не моё —
Такое полостное,
Что душу удержать

Не терпится ему.
И хочется душе
Нестись над островами,
И как-то непонятно,
К чему она ему,
И мысли излагать
Несложными словами,
И больше не желать
Вопросов «почему».
Наталкиваясь вширь
На тесноту вопроса,
Топчась на том же месте
И вовсе уж толпясь,
Я различаю жизнь
Не ясно и не просто,
А как тугих молитв
Невыцветшую вязь.

* * *

В уютных рассуждениях с Платоном,
Смакуя запах типографских строк,
Я растерял прозренья по перронам
И загрустил, как истинный пророк.

Отбросив стыд, как корку апельсина,
Мой новый глобус мордой стал к стене,
Океаном Тихим повернувши спину
Своей морскою задницей ко мне.

Теперь я здесь, на Новом Континенте.
Мне по себе? Не знаю. Вряд ли так.
Тут на недвижном зиждется цементе
Неистребимый отголосок драк!

Я созерцаю, внемля перегуду
То ль сквозняков, то ль чёрт-те знать кого,
И машинально всё рисую Будду,
И ненарочно всё гляжу в окно.

Там льёт мгновений неизбытный шорох,
То шелестит, то сыплятся листвой,
И я сушу в пороховницах порох,
Изрядно поднамоченный судьбой.

Моя отчизна — там, где дней не мерят,
Где нет огня, где шорохов не ждут,
Где любят, помнят и немного верят,
И где мои межстишия живут.

* * *

Сквозная дань моей пустой тоске —
Извечный смрад тугого беспокойства.
Из всех фигур, застывших на доске,
Не выживает пешечное войско.

Из всех брошюр, пролистанных войной,
Из всех туманов, выпитых до точки,
Не выживает никогда покой,
А выживают сорные цветочки.

Из всех небес и в них забытых ран
Болит одна, которая всех тише,
За каждой печкой буйствует тиран,
В очередной раз начитавшись Ницше!

И за окном ворочается быль,
Не протянувши к нам причинных нитей,
И адрес свой я полностью забыл,
Чтобы себя не выдать в тайной прыти!

Я закрываю окна и сижу
Впотьмах, и снююсь себе почти без страха,

И разгребаю точки на пляжу
В рубахе моря жуткого размаха.

Я сообщаю всем под Новый год,
Что есть ещё немногого в колыбели,
Которых окончательно не съели,
И чей черёд когда-нибудь придёт.

18 сентября 2001 г.

* * *

Мы своё отскорбели —
И по снежной постели,
И по звукам свирели
Незаконченных выюг.

Всё, что можно, мы взяли
Из поруганной дали,
Ну а что растеряли, —
Только гнев да испуг.

Это кажется только,
Что веселия полька,

Растворяет всю боль, как
Опальгина глоток.

Это кажется — где-то
Средь озношего лета
Выпускает планета
Свой несмелый росток.

Бьётся вверх он сквозь комья,
Поколения помня
Тех, кто был ему ровня
Среди прежних эпох,

И сквозь хлопья тумана,
Ему машет упрямо
Неуёмный, как мама,
Упоительный Бог.

* * *

Я потерялся средь знакомых звёзд
И начертил все заново созвездья,
Вообще я так давно страшусь возмездья,
Что мне уже не страшно наперёд.

Я тренирую страхи по утрам
И вечерами долгих нетерпений,
Из всех молитв и благозвучных пений
Я заучил одно: «Но пасаран!»

В конце концов, нам всё всегда не так,
Мы только думаем, что все мы вместе,
А между тем и на одном насесте
Не всем птенцам достанется червяк.

В конце концов, нам всем отмерен час
Иль полчаса вселенского забвенья,
Зачем же эти жалостные пени
Нам разбивать на десять тысяч раз?

Мой бедный Йорик, где твой аппетит?
Где простота бесхитростной сатиры?
Увы, но двух своих глазниц квартиры
Мы заселяем временно в кредит.

Какие сны, сам Гамлет, видишь ты?
Я без тебя который век тоскую
И сочиняю песни вхолостую,
Не разрушая голосом мосты,

Не совершая подвигов без слов,

Не раздвигая море, словно студень,
И средь внезапно перезревших буден
Не загребая горстью жизнь, как плов.

Моя весна дошла уже до дна
И там нашла не то, чего искала,
И чтобы как-то избежать скандала,
Решила по-английски всплыть одна.

Она устала там, на вечном дне,
Где кочергами выстроились годы,
И я морочу голову Природы,
Ища прохлады в пепле и огне.

Сегодня нет, а завтра, может, вновь
Случится то, чего не замечают,
И солнечным затменьем величают
Очередную высохшую кровь.

* * *

Любовь — это точно,
Большая загадка...
Какие бы вам

Ни встречались миры,
То там, а то сям,
В силу миропорядка,
Растут своестрочья
Любовной поры...

И не в размноженье,
Поверьте же, дело,
И не в целованье
Да кой в чём ещё...
А дело в сложенье
Немого напева,
В самом напеванье
И в мысли: «Прощён...»

* * *

Если только шипенье в углах
Вы считаете праздничной песней,
Если только в погубленных строках
Вы не видите воя тоски,
То на самых пронзённых шипах,
На волнующих возгласах: «Тресни!»
Развевайте стихов моих прах,

Как Малевича чёрным мазки!

Дайте света хоть малость,
Продраться сквозь синюю повесть,
Как мне сладко страдалось
И как задыхался, готовясь
К остальному прыжку —
В два прыжка через пропасть,
Косолапя по полу в надежде
На искренний вопль:
«Подожди! Не ходи туда! Там высоко!»

Несмотря на мою шестипалость,
Хоть считал я их часто,
Обычно их пять, но мне кажется — шесть,
Как мне славно страдалось...
Не услышите: «Баста!»,
Если даже та пропасть —
Это всё, что мне было, и будет, и есть...

ЗОЛОТЫЕ ПОКРОВЫ ЛЮБВИ

* * *

Раскаяньем коря, я сетую на время
И в поиске тупом расходую себя,
А время всё течёт, и снова, всё объемля,
Спускаются на дно глухие якоря.

Я проверяю жизнь упругостью вопроса,
Но сколько ни томлюсь — ответа не найти.
Моей любви к тебе как будто нет износа,
И словно в жизни нет иного мне пути.

И словно в жизни нет иной мне подоплёки,
Как только выверять в мерцании сердец
Невольные твои, несмелые намёки, —
Невольные мои намёки на конец.

И словно в жизни нет иной мне подоплёки —
По тоненькой струне струиться, как строка,
Как будто бы меня в молоденькой субботе
Отправили с тобой гулять по облакам.

И, пригубив вино из жаркого бокала,
Мы танцевали вальс на тонких облаках,

И провожали дни от старого причала,
И унимали боль, бессмертие и страх.

Мы знали всё о всех, но это было мало —
Мы знать хотели то, чем славятся миры.
Вино сочилось к нам из жаркого бокала.
Мы забывали сны. Мы вспоминали сны.
А там, на той Земле, которая в пылище, —
Уборщице не даст себя очистить, жаль, —
Нам стало ясно то, когда мы стали чище,
Когда ещё верней нам стало видно даль.

* * *

Я точным инструментом измерял
Всё то, что измеренью подлежало,
Всё то, что можно точно разложить
В объёме, сумме и углу расхожем.
И то, что мне казалось непохожим,
Я всё старался заново прожить,
И страсть точил, как остирё кинжала,
И страсть сверкала, словно твой кинжал...
Но я напрасно сумму обнажал
Своих хлопот и думаний извечных,
Мой грозный Бог склонил меня решить:

Что ни на есть — всё к лучшему, а жить
Вполне возможно и вполне невечно.
И я, увы, бороться с Ним устал.

* * *

Ища покровительства рифм
В сетях молчаливого танца,
В глубинах рояльного глянца
Мы видим кружение нимф.

И прелесть далеких Тулуз,
Скорее, придуманных вовсе,
Мы всласть сфантазируем после
С участием опытных муз.

Не чтя уже выцветший шарм
По сущности дикой Европы,
На тонких папирусах что-то
Оставило время не нам.

И травами словно целясь,
Отварами редких растений,
Селю я тебя в средостенье,

И плача, и тихо молясь.

Молясь, чтобы что-то понять,
Молясь, чтобы выгадать время,
Немыми молитвами теми
Хоть как-то рассудок занять.

Клянясь, что протиснусь я сам,
Где сходятся жизни и лица,
Но нам мировая столица
Всегда была где-то не там.

Но нам был не там даже храм,
Но нам всё хотелось по-своему.
И мир нас в тугую обойму
Впихнул, лишь сложив пополам.

И ставя превыше всего
Значение слов и сюжетов,
Нас вечность поглотит за это,
Так и не сказав ничего.

* * *

Со дня творенья ласковый кристалл
Твоих зрачков, не ведая подвоха,
Меня в себе послушно отражал,
Что ж, отраженье — разве это плохо?

Я там, селясь, разведывал углы,
И разносил по комнатам предметы,
И составлял грузинские столы,
Чиня застолья для немого света!

Ты провожала птиц за облака, —
Куда ещё податься бедным птицам? —
А я лежал и мирно мял бока,
Своим недонаписанным страницам...

И разнеся по всей твоей земле
Причины слез, как прах твоих пернатых
С прозваньем Феникс, я таил в себе
Твоих зрачков бездонные караты!

* * *

Рунических знаков глухое звучанье
Забытых стихов и заброшенных мыслей.
На самом краю твоего окончанья,
На самом краю твоей ласковой выси
Я тихо дотронусь до кончиков пальцев,
До самых несмелых твоих ноготочков,
Ведь именно там начиналось, сознайся,
Всё то, что останется в нас в многоточьях...
Всё то, что ни время, ни руки, ни смерти
Отнять у живущих не в силах, не вправе,
Всё то, что в дешёвом открытом конверте
На серой таможне у нас не украли...
Там то, что мы знаем по стуку мгновений
И что наполняет межзвёздность пустую,
Там тихих дыханий твоих дуновенья,
Там ласковый шёпот моих поцелуев...

* * *

Снизойди до меня,
До не очень простого примата,
Примотай мне крылища,
И я полечу, как Икар!
Я как будто не стар
И как будто бы не виноватый,
Что обычную пищу
Варю с примененем огня.

Прометеем меня
Удивил бы, но есть зажигалка,
Удиви-ка ты лучше
Какой-нибудь песней стиха,
Сниспошли в потроха
Мне, где вечная, вечная свалка,
Что-нибудь, что покруче,
Чем просто даренье огня!

Потускли свою лампу,
Огромное чудо-светило,
Расскажи мне о мире
Иль просто со мной посиди,

А когда я усну, то поспи
Рядом вместе, и в тихой квартире
Вопреки Прометею
Все лампы мои погаси...

* * *

Я люблю тебя, как дымку над холмами,
Я люблю тебя, как воздух над рекой,
И хоть мало расстоянья между нами,
Но не смею я дотронуться рукой!

Я люблю тебя, как солнечные блики
На воскресных полуснежных облаках,
Я люблю тебя, как радостные крики
Лебедей, несущих сказку на руках!

Я люблю тебя, как озеро дневное,
Заполняющее впадины земли,
И во мне клокочет бурное, живое
Слово: «Милая, меня ты полюби!»

* * *

Дождь, следуя примеру палачей,
Считал листву простреленою жертвой.
В жилище тёплом громкий треск печей
Подтрунивал над юностью мольбера.

А по углам ворчала тишина,
Что вечно нет покоя ей от треска.
И льдистых окон чудо-пелена
Застыла, как мифическая фреска.

Всё это было рядом, не во сне,
Не где-то в неизведенном столетье,
И снова жизнь вилась в печном огне,
И снова тень писала на мольберте.

И тёмный лес не ухал, не пугал,
А просто оставался между нами.
Сынишке он по азбуке читал,
Дочурку он баюкал пустяками.
А я с тобой по призрачной заре
Бродил и мял ковер из мшистых веток,
И не найдя в усохшем словаре,
Слова мы ткали из немого света.

* * *

Умирают только за то,
ради чего стоит жить.

Антуан де Сент-Экзюпери

Меж созвездий немого оскала,
Средь пустыни и звёздного сна
Я рисую, рисую удава,
Проглотившего сдуру слона.

И стоит предо мной человечек,
Потонувший в широком плаще,
И рисую ему я овечек
И каких-то зверюшек вообще.

Говорит мне мальчионка с зевотой,
Обронив как бы вскользь, невзначай:
«Если ты приручаешь кого-то —
То навеки его приручай».

* * *

Заворожённый творогом,
Нежным творогом зим,
Всё, что было мне дорого,
Растерял и забыл.

Всё, что было мне значимо,
Важно больше не мне,
И в чертах обозначенных
Календарь на стене.

Расколоченным омутом
Бьётся сердце забот,
И каким-то поломанным
Выдаётся восход.

И каким-то невыданным
Замуж или врагу,
Возникает предвиденье
Острой боли в боку.

Не витаю в сознании,
Как в пергаментах грёз,
А хромаю в старании

Урезонить невроз.

И брожу, незамеченный,
Средь творожности зим,
Как больной, обесцвеченный,
Лишь с тобой не один.

* * *

Мотылёк, как вспыхнувший огонь
Неурочной чудо-зажигалки.
Снова вечер — сквозь лесную сонь
Облепил немого леса палки.

Ты грустишь и плачешь иногда,
Затопляют глаз твоих слезинки,
И герань, прижившись у окна,
Прячет тельце в норочке корзинки.

Ты не плачь. Нам рано горевать.
Я тебя люблю сильней, чем прежде.
Отнесу тебя я на кровать,
И заснёшь ты, кутаясь в одежде.

* * *

Собирая лесную малину,
Мы бродили вдоль тихих небес,
И ловил нас в ветвей паутину
Необъятный, чуть пасмурный лес.

Комарьё, всё жужжа, словно бредя,
Пожирало нас всласть вчетвером.
Не боялись мы даже медведя,
Хоть он жил в двух шагах, за ручьём.

И лилась, словно давняя песня,
В тихих вздохах несмелая тишина.
Я молчал, отчего — неизвестно,
Удивляясь, зачем ты молчишь.

2000

* * *

Всей семьёй мы лепили пельмени,
Только я их опять не лепил.
Во дворе удлинялися тени
От дощатых неровных перил.

«Почему ты не лепишь пельмени? —
Ты спросила меня невзначай. —
Неужели от матушки-лени,
Неужель оттого, что лентяй?»

Не сердись на моё поведенье —

Ни при чём тут коварная лень.
Я в стихи, словно в тесто пельменье,
Заверну этот свет, эту тень.

* * *

Поросёнка бы с хреном, сметаной,
Бок бараний бы с гречневой кашей.
Мы с мечтой о таком пропитанье
Проживали, как в веке вчерашнем.
Мы на зиму дрова запасали
И, купив кочергу с поддувалом,
Всё топили и всласть засыпали
Под пуховым норвежским одыялом.
А потом, в полнозвёздную темень,
Век грядущий стал серою былью,
Только мы оставались всё теми,
Что и прошлый не переварили.

* * *

Ты — моё сарафанное счастье,
Ты — мой самый незыблемый друг.
Даже если бушует ненастье

Никудышно задуманных выюг.

Даже если сидишь ты с печенькой,
Не оставив мне крошки потом,
Ты родная моя деревенька,
Ты мой милый, единственный дом.

Ну а если оставишь мне крошку,
То подагра меня посетит.
Я не буду гонять твою кошку,
Пусть она по углам пыльно спит.

* * *

Если б ты была не так мила,
Мы бы всё толпились у аптеки,
Словно отставные ацтеки,
Исчерпав фантазию дотла.

Если б ты была не так умна,
Мы бы не селились между сосен,
Наш союз был приторен и постен,
С истиной, отжатой из вина.

Если б ты была не та совсем,
Что меня внезапно полюбила,
Я б взорвался тыщёй тонн тротила,
Расплескав в пространстве белый крем.

Если б ты осталась не со мной,
Я бы всё равно приплёлся после
И нудил, как выпоротый ослик,
Что мне нужно быть с тобой одной.

Если б мы забыли этот мир,
Променяв его на плошку риса,
Я бы звал и плакал, как актриса,
Или как простуженный вампир.

Если всё свершилось — мы вдвоём,
Так убьём дурное слово «если»,
Это слово выбросим из песни
И своих «друзей» переживём.

* * *

По утрам пишу стихи,
Не почистив зубы.
Поскорей с себя стряхни
Мантию простуды.

Если нечего мне ждать
От грядущей почты,
Лучше будешь поражать
Вдохновеньем ночь ты.

Я войду к тебе в трико
И скажу, наверно,
Как мне жалко Сулико,
Ну, да я не первый...

Мы пойдём с тобой на суд,
Как на развлеченье.
Нас присяжные поймут,
Подкуп взяв печеньем.

Ну а после, за столом
В звонком ресторане,

Будем кушать суп с котом
И с шампанью в ванне.

* * *

Мы жили на озере просто без имени,
На карте кругом было много озёр.
И лес отражался изломанной линией,
Красуясь в воде, как заправский позёр.

И так всё кругом не имело названия,
Как будто географу горький упрёк,
Без точного адреса, без описания
Кручинился запад, резвился восток.

И чайки и сосны сжились, не прописаны,
На тесно поросших листвой берегах,
Как дорого стоят простейшие истины,
Когда растолкованы нам в именах.

* * *

Я счастлив с тобой в нищете,
Я счастлив с тобой в изобилие,
Тебе я несу на щите
Свои размышления гориллы.

С тобой пью я горький коктейль
Из трав рокового топаза
И жизни своей карусель
Верчу взад-вперёд до отказа.

То плача навзрыд, то смеясь,
То в бешенстве, то в недопитье,
Струится, сплетается вязь
Волнений, судеб и событий.

* * *

Сиреневые краски бытия,
В них тонкие мгновенья ожиданья...
Счастливец я? Могу ль не быть им я!

«Счастливец!» — шепчут мне мои гаданья.

Я шёл меж струй, я вновь меж них иду,
Как меж колонн иль среди стеблей лилий,
И повторяю музыку в бреду,
Как randevu двух параллельных линий.

Я сочиняю суть своей души,
Как непослушный ритм граммофона,
И расставанье шапками кишит,
Как злобный улей грязного перрона.

Я средь свечей впиваюсь в темноту
И мажу ею свои черные квадраты,
И разгребаю павшую листву,
Мой старый двор устлавшую когда-то.

Я обхожу крамолу фонарей,
Таюсь от ликов и от их оттений,
И средь закрытых накрепко дверей
Ищу свои, уже чужие, сени.

Моя любовь! Как сладок этот мир
Забытых дней и сутолки неспешной,
Как сочлененье ласковых рапир,
Скостились ветви нашей грусти грешной!

Какой простор сулила нам она,
И, поливая щедро из ушата,
Нассыпала златая листва,
Мой старый двор устлавшая когда-то...

1 сентября 2001 г.

* * *

Под сенью крыш небесных поселений
Мы очутимся мирно, невзначай.
Без праздных слов, без громких сожалений
Мы будем тихо пить вприкуску чай.

Ты скажешь мне, что всё не так уж страшно,
А я и сам давно уж так решил,
И ждёт меня заброшенная пашня,
Чтоб хлеб растил и больше не грешил.

Чтоб в торжествах средь полусонных буден
Я подрезал колосья и молол,
Ты хлеб пекла, и затевала студень,
И собирала вечером на стол.

А я садился бы, зудя плечами,
Всё рассуждал о плугах да кряжах,
И на густой квашне из расставаний
Мы никогда б не поселяли страх.

Я прикрепил бы над дверьми подкову
От сглаза всех знакомых и подруг.
Мы не считали б труд за катастрофу,
Усталость не считая за недуг.

Я знал бы точно, в чем предназначенье
Моё с тобой, среди молвы мирской, —
Без торопливой скуки и мученья
Жить тихой жизнью, мирной и простой.

Что нас страшит — возмездье ли, награда,
Когда взираем в черноты проём?
Мы все подспудно знаем, как жить надо,
Но все не так, совсем не так живем.

* * *

Я не давал тебе пронзительных имён,
Ты не плыла ко мне в наряде подвенечном,
Но если суть вещей таится в чём-то вечном,
То это вечное разделим мы вдвоём.

Мы невесомы, словно пара голубей,
Мы состоим из полуправильных концепций,
И каждый миг, добавив бренность в наше сердце,
В нём оставляет только нить своих идей.

Мы замещаем неумелые слова
На ёщё менее изысканные мысли,
И наши сны над этой данностью зависли,
И наши дни крошатся сладко, как халва.

Мы не находим в постепенстве перемен
Ни одного из нам знакомых знаков,
И каждый день в нас длится одинаков,
Как будто этот самый день нетлен.

Но наступая, стужа за окном
Покроет сном наследство листопада,

И к нам ворвётся звонкая прохлада
Внезапно белым ласковым конём...

* * *

Ты нарисуй мои мечты
В мазках незримого касанья,
Как отплеск ветреной звезды
Над гулкой чашей мирозданья.

Ты посели нас тихо так
В ненаступающую осень,
Пусть листопады вертят в такт
Свои исписанные оси.

Средь неподеленных границ,
Среди застывшего заката,
Ты посели нас меж страниц,
Тобой раскрашенных когда-то.

* * *

Две трети жизни прячясь от судьбы,
Мы третью её спасаем от мытарства,
Отдав себя во власть иного царства
Меж снов чужих, где бродят наши сны.

Так, отживая в области ничьей,
Листая многоточия пророчеств,
Из дождевой палитры одиночеств
Мы выбираем одиночество ночей.

Мы выбираем одиночество любви,
Где вопреки всему рождается чудо,
И это значит — я с тобою буду
И никогда не дам себе уйти.

21 марта 2002 г.

* * *

Сон земной, как серое пятно,
Блеск сухого старого паркета.
Я твержу заученно одно —
Что люблю я жизнь не за это.

Не за власть не ведать ни о чём,
Не за грубость ворсяного кроя,
А за свет фальшивый за окном,
Растворённый в запахе прибоя.

За суровый оттиск на губах
Разносортных обликов апреля,
За восторг, за смерть, за свет, за страх,
За любовь и вкус пьянящий хмеля.

За разрывы в тучных облаках,
За распад немыслимый, но скорый,
За рассвет, несомый на руках
Босоногой девочки Авроры.

За печати умственных вестей,
Упреждённых кодами созвездий,

За кровавый плен земных страстей,
И за блеск стальных свободы лезвий.

За расстриженные острова
На далеких, суженных озёрах,
За глотки, которыми трава
Напояет своей влагой взоры.

За восторг неведомых скачков
По полям иссущенным, но свежим.
За лесистый отблеск от очков,
Не надетых на глазах всё тех же.

За пору, которую отнять
Не смогла бы адская недвижность,
За способность тихо отживать
Отголоски слов, рождённых выжить.

* * *

За тонкою завесой остроумья
Мы — два измученных клубочка бытия,
И извлекая вкус копчёных мумий,
Мы пиво пьём, как мухи, — ты и я.

Скрывая всё, что может стать раздором,
Ища напрасно примененья сил,
Мы изменяем собственным укорам
И уповаляем, чтобы нас простили

Тот, кто затеял этот танец странный
В чередованье снов и полуснов.
И не меняясь, мы меняем страны,
Как лес меняет лиственный покров.

Мы ожидаем, словно на вокзале
Или на почте, позабыв конверт,
Чтобы нам дали или показали,
В какие дали наш уводит след.

* * *

На скатертях из травянистой глади,
Пугая пух ветвистых тополей,
В твои глаза немой украдкой глядя,
Я становлюсь счастливей и хмельней.

И в волшебстве такого окруженья,
Распорядившись правилом земным,
Едва касаюсь кончиков движенья
Холодных пальцев, становясь немым.

Я излучаю строгие сонеты
В неразрыхлённых рифмах бытия
И сочиняю в воздухе нагретом
Намётки формул в стиле: «Ты и я».

И возвышаясь до верхушек стеблей,
И отливаясь в облике небес,
Нам всё сулит, сулит покой целебный
Так и не взятый нами тихий лес.

* * *

На чеширских устах
Ухмыляясь и прячась,
Весь мурлыча, в усах
И в доверчивых снах, —
Из мудрейших котов,
Различающих запах,
К всякой нечисти мне
Убаюкал ты страх.

Хэллоуин на дворе.
В неразрезанных тыквах
Ни глазниц, ни свечей, —
Это кажется лишь
Расписной детворе,
Что к их шуткам привык ты,
И что любишь детей,
И преследуешь мышь.

А на самом-то дне
Своей сонной природы
Ты и сам не способен
Сказать — почему
Тебя тянет вовне

Улучшенье породы
Средь неслыханных ровень
В чуланную тьму?

* * *

Вот бы книжки твои были только о нас,
Чтобы ты не желала иного блаженства,
Как, открыв переплёта тугое главенство,
Обнаружить смеющийся взгляд моих глаз.

Вот бы думы мои были лишь о тебе, —
Я б не знал источающей яды кручины,
Не найдя ей ни дна, ни окна, ни причины,
Оставлял бы всё-всё, что не ты, я вовне.

Вот бы стали мы вместе бродить по векам,
Обучая ловцов человеков несмелых,
Что не надо ловить никого, даже белок,
Просто надо оставить в покое нас — нам.

* * *

От сладости обид до сладости прощенья,
Внезапных поездов и мыслей натощак,
Мы первый поцелуй, как средство от смущенья,
Не можем ни забыть, ни выбросить никак.

Мы копим про себя неслышные обиды —
Когда-нибудь потом поплакать и забыть.
Но только не для нас случаются порывы,
Имеющие суть примерной простоты.

Не ждать, благодаря Всевышнего и маму,
Не ждать благодаренья ближнего и тех,
Кто знает, отчего мы все стремимся в яму
И где найдём мы дол тургеневских утех.

* * *

Снег отжил,
Невольником растаяв
Своих структур,
Белея так несчастно...
Я любил,
О том едва ли зная,

Что могу растаять

Ежечасно.

Но теперь, когда уже на воле

Вод весенних

Всюду слышен гомон,

Я опять как будто словно болен,

Я опять к тебе одной прикован.

* * *

Если бы ты сравнила меня

С опоздавшей росой или ветром, —

Я б гордился.

Если б ты сравнила уста

Мои с книгой иль лучше с пророком, —

Я бы прожил счастливую жизнь,

Был бы мудр, боролся с пороком,

Но не дожил до ста,

Потому что разбился бы

О глухую решётку рассвета,

Так летая, касаясь огня!

Ты ж назвала меня

Своим плюшевым мишкой,
И этим
Сохранила во мне
Всё, что требует сей славный чин.
Я волную тебя
Шебуршаньем и ласковым светом,
Грозным страусом я
Не летаю по небу один!

* * *

Что за теснением прямых,
Что за пространством червоточин
Хранится с грозной простотой
В сокрытых кладовых от глаз?
Я не был поводырь слепых,
Ведь я не знал созвездий точно,
Их ослеплённый пестротой,
Я сам бродил слепым не раз.

Я возникал из пустоты
И уходил туда же точно,
Откуда теплились мечты
И где ворочались волхвы,

И, как положено волхвам,
Я сам бродил и кровоточил, —
На самом кончике остры
Любые отголоски фраз.

Я сочинял себе любовь,
И сочинял себе расправу,
И благодарность сочинял,
И даже вечность предвкусили,
Но кровь сочилась из меня,
Напоминая мне приправу,
Которой сам я отмерял
Оттенок вкуса своих сил.

И я нарочно не принял
Того, что все назвали благом,
Хотя потом того желал,
Но было поздно, и зачем
Расписываться в небытии,
И всё мигать незрячим глазом
В тягучем обществе светил
И прочих непонятных тел?..

* * *

Если я был бы Бог,
Я б не стал вспоминать о себе,
Повторяя в беззвёздном звучанье,
Что нельзя расставаться с собой
Во Вселенной пустой, где всего
Проживаю лишь я
И не знаю себе примененья.
Хотя, впрочем, я создал бы свет,
Лишь затем, чтобы было светло
Или просто светлее.
Я бы вспомнил свечу,
Ту, что создал, и тут
Я бы создал тебя,
Ну, и мир для тебя,
Чтоб тебе веселее
Было дни коротать,
Тихо книжки читать,
Ни о чём не жалея!

* * *

У меня слишком мало союзников,
Тех, что просто пошли бы за мной
На вершинах, опавших до бездны,
Расстилать золотые покровы любви...
Или просто ворчать по углам
О таких расточённых вещах,
Коих нет в сокровенных подвалах
Наших судеб и душ,
Унесённых на край естества...
У меня есть одна только ты,
И зачем мне считать откровенья,
Разлохмаченные островами
В галактическом сонме свечей?
Если б ты оказалась ничьей,
Я бы не жил, я б не был словами
На застывших в усмешке устах...
Хватит плакать... Отброшенный страх
Пусть навеки расстанется с нами...

* * *

Оставь мне сил
На самое большое,
Что мне свершить дано.
Я верю, что могу,
Я верю, что достоин,
Пусть я тебе не мил —
Я верю всё равно.
Я верю в то, что есть.
Моё предназначенье —
В безумии людей
Найти тот островок
Несспешного огня,
Немого очертанья
И тихого меня.
И розовый восток,
И тонкую струю
Меж хрупкого сознанья,
Несущую стихи
И мысли натощак.
Неясные мои
Былые очертанья

Мне кажутся теперь,
Как рухнувший маяк,
Как рухнувшая боль
С тутого пьедестала,
Рассыпавшая вдруг
Неловкую печаль...
Ты рядышком со мной
Лежала и писала,
Мои слова за мной
Записывая в даль.

* * *

Ты — часть моей мечты,
Ты — часть моей вселенной,
Разорванной на части
И склеенной опять.
И скучные мои
Отжившие колена
Грозят мне кулаком,
И можно их понять.
А мы уйдём с тобой
За самое простое,
Что может оградить

Нас от калёных чащ.
И будем мы мостить
Холодной мостовою
Земли совсем чужой
Едва припухший хрящ.
И будем мы любить
В любом ничтожном вздохе
Немного пыльный запах,
Как прежде, душных снов.
И вознесясь над всем,
Гореть нам будет запад
В обилии несмелых,
Но преданных богов.

* * *

Искомую науку возвращений
Я изучал по старым витражам,
По непрочтённым всхлипам за спиною...
Я возвращаюсь, позванный тобою,
Как возвращаются в забытый храм
Немые тени ласковых прощений.

И напоследок горько устыдясь
Тому, что ты звала меня, и снова

Я должен был карабкаться наверх,
Где нет циклонов, значит, нет помех
Для провожанья, праздника и слова,
Которое есть Бог, коль в нем, вместишь,

Могла застыть озябшая бесслезность
Тугих созвездий, смотрящих кино
Из непростых простительных сюжетов.
Но ты звала, любя меня за это,
Что я не прожил вспять, как колесо,
Едва сорвавшись, держится за бездну...

* * *

Избавьте Соломона-многожёнца
От скорбного признанья тупика
Мир — очень неустойчивое донце
Сосуда, не разбитого пока.

Мир — очень незастенчивое действие
Всего, что управляется извне.
Оставьте чародеям чародейство
Отдушиной в проветренном окне.

Ну а для тех, кто этим миром болен
И в глухоте забылся, сгоряча,
Я «Лунную сонату», как Бетховен,
Безмолвно отстучу по кирпичам...

МНЕ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБ НЕ КОНЧАЛАСЬ ЖИЗНЬ...

* * *

Астероид под именем Эрос
Оказался простой каменюкой.
И учёные, силами мерясь,
Не смогли совладать с ним наукой.

Астероид под именем Дельта
Оказался булыжником просто.
Вроде тех, что забытые кельты
Применяли в сравнении роста.

Так и мы ждём, чего — неизвестно,
А дождёмся — всё пальцами тычем.
Ты не плачь. Жизнь отчасти прелестна.
И булыжник весьма симпатичен...

* * *

Повторив частицу «бы»,
Не уйти мне от судьбы.
Затвердив частицу «ни»,
Не уйти нам от войны.

Облобызав частицу «не»,
Отлежаться ли на дне?
Полюбив частицу «либо»,
Не понять, что дело гибло.
А частицею «-нибудь»
Не прикрыть от пули грудь.
А с тупым союзом «если»
Не уснуть в удобном кресле.
Со словечком «или... или...»
Мне едва ль остаться в силе.
Вспомогательное слово
Полюбил я бестолково.
Мне лихие части речи
Изуродовали печень.
А сиротские причастя
Не прибавили мне счастья,
И безумные наречья
Не укрыли от увечья.
А с похмелия глаголы
Не налили мне рассола.
Их любя я и спрягая,
Не отведал каравая.
Где ж та дерзкая частица,
Что не даст немым родиться?
Где ж то правильное слово,
Что поймёт меня такого?

Пусть немые окончанья
Нас избавят от молчанья,
Если слово — это Бог,
Знать, и Он молчать не мог.

* * *

Не всё ль одно, тациты ли, платоны.
Мой грозный рок — следить ваш важный ум,
Любить любовь, а нежить макароны
И подвергать подсчету уймы сумм.

Цедить вино, которое испито,
И в Млечный Путь без спросу не ходить,
Рождать идеи от палеолита
И козырей любою мастью крыть.

Мне всё дано, почти всё то, что взято,
И в равновесье пребывая сём,
Мне очень нравится моя лопата,
Мой лес, мой дом, а также всё, что в нём.

* * *

Мы как-то вспыхах
Детей своих рожали,
И как-то невзначай
Ушли от нас они.
И как-то невсерьёз
На скачках кони ржали,
И как-то насовсем
Остались мы одни.

Какая в жизни хворь
Нагрянет то и дело,
Какой ночной порой
Рассыплется рассвет,
И как-то вовсе вскорь
Иссякнет «Кампанелла»,
И как-то ни к чему
Явились мы на свет...

Огонь зажгу свечи,
Ты сядешь с книгой тихо,
Опять живем в бреду,
Опять пора в кровать.
Ты только не молчи
Фигурою триптиха,

Я бренность изведу,
И станем пировать!

* * *

Шекспир созвучен нам по духу,
Он покупал поля и дом,
И разгонял тугую скуку
Тем, что любил водить пером.

Глумясь, надутые британцы
Корили сына скорняка,
А он пускал в немые танцы
Огрызок старого пера.

И наконец, устав от вони
Толпы непрошеных гостей,
Уехал в Стратфорд-на-Эйвоне,
Сказав: «Не трожь моих костей!»

Сей эпитафией закончил
Усталый Вильям бренный путь.
Давайте скажем так же точно
И мы, уйдя когда-нибудь.

* * *

Из римских недобрых декад
Писал себе письма Сенека,
И в них, своей мудрости рад,
Бродил всё от века до века.
И надо ж, к исходу среды
Дошли до меня без конверта
Его небоязнь беды,
Его нестрашение жертвы.
И мир засиял, как венец,
От томной крупицы восторга,
Постиг я тогда наконец
Свою небоязнь острога,
Хворобы, долгов, нищеты,
Друзей ядо-лживого жала,
Свою небоязнь судьбы,
Свое неприястье Державы.
Напрасно шипели клопы,
Что трахнутий я неврастеник.
И он сторонился толпы,
И он там прослыл как бездельник.
Но вены безропотно вскрыл
Сенека по просьбе Нерона,

И голос его отступил,
Как эхо немого перрона.
И я, словно старый сундук,
Вобрав в себя вирши и саги,
Надулся и злюсь, как индюк,
От бликов вчерашней отваги.

16 февраля 2001 г.

* * *

Нет мессий безвременных визитов.
Понапрасну хворью не болей!
Поселился мелкий инквизитор
В каждом из известных нам людей.

В суете подвыпившего хлева,
В сонме простодушных поросят
Мы не ели от чужого хлеба,
Ну а если ели — нам простят.

Мы не пили молока парного
От святых коричневых коров.
И когда пробило полвторого,

Мир был прежним — весел и здоров.

И напрасно по-мужичьи плакал
В Дельфах средь осколков и костей
Старый перепрятанный оракул,
Ожидая скверных новостей.

Можно мерить сапоги и клипсы,
Ибо в суматохе перемен
Заменили нам Апокалипсис
На уже привычный Happy End.

16 февраля 2001 г.

* * *

Сбросив старую власть с башни вниз,
Мы успели вздохнуть
И решили: пусть рок нас рассудит.
Тот станет великим,
Чей заржёт первым конь
Пред рассветом кроваво-безлиkim, —
Тот и будет царить,
Воцаряться и царствовать тут.

Растворяя белёсую явь я
В белёсую быль,
Принимая за правду
Скупые слова Геродота,
Лёгкий путь к обладанью
Привычно немого народа
Я, как Дарий, ищу
В примененье коней и кобыл.

Я стежками по серой траве
Разметаю ковыль,
Пусть завоет в горах,
Поперхнувшись огрызком, гиена,
Мне не страшен ни рок,
Ни порок, ни курок, ни измена,
Если правильно знать
Примененье коней и кобыл.

Старый конюх не спит,
Он колдует у призрачных стойл.
Я послал его с умыслом смутным,
Но к праздничной цели —
Первым конь мой заржёт,
Едва в сёдла соперники сели,
И недаром мне конь этот

Бешено дорого стоил.

Нету Дария, нет ни коня,
Ни останков его,
Но, как прежде, суём мы коням
В морду запах кобылий,
Потому что мы Дария опыт
Едва ли забыли —
Что царит только тот,
Кто надул всех вокруг для того.

Сбросив старую власть с башни вниз,
Спешно вытерев кровь,
Мы не стали вступать
В переплеты своих межусобиц.
Просто конь мой заржал...
Геродот написал свою повесть...
Я же буду царить,
Воцаряться и царствовать вновь.

* * *

По озеру проплыл бобёр,
И на меня взглянул он косо,

Как будто я бревнишко спёр,
Не дав обгрызть под знак вопроса.

А к вечеру пришёл енот
И всё зачем-то лез на крышу,
Наверно, умер в нём пилот,
А то бы смог забраться выше.

Потом подкралась к нам лиса
И всё ждала от нас подвоха.
И я за эти полчаса
Решил о людях думать плохо.

Ещё весь день был страшный шум,
На озере всё кто-то ухал,
И я решил: лохнесский бум —
Не только плод нелепых слухов.

Охота на земноводных

Убежав от улиц модных,
Не вставая спозаранку,
Мы ловили земноводных

И сажали дружно в банку.

Две несчастные лягушки,
Позабыв, как нужно квакать,
По стеклу метали тушки
И моргали нам двояко.

Разглядев все их присоски,
Брюшки, лапки, глазки, спинки,
Отнесли их к глади плоской
Озерка — как грампластинки.

* * *

Мой сын всё ругает французов
За то, что едят, мол, лягушек.
Мол, мало им, что ль, кукурузы?
Иль лучше ловили бы мушек.
Мне снился какой-то кабак.
Хозяин болтал по-французски.
И всё как-то было не так,
И день был какой-то весь тусклый.
К чему мне его колбаса?
Опять наедаться до грыжи?

Сказал я, вздохнув: «Се па са»*,
И враз в раздражении вышел.
То был не Париж, не Квебек,
А так, междорожье странствий.
Заезженный я человек
И ас в воздвижение препятствий.

* * *

Если ночь беременна стихами,
Уговорами её ты не уймёшь.
И к утру родятся строчки сами,
Даже если вовсе спать уйдёшь.

В ритме рифм есть вечная повинность
Ритму звёзд и маленьких мирков,
Без стихов я вовсе, видно, сдвинусь,
Не прожить мне, в общем, без стихов.

Даже допотопный птеродактиль,
Каркая и хлопая крылом,
Проявлял ритмический характер,
Что с натяжкой можно звать стихом.

* Се па са — это не то (*đp,*)

* * *

За памяти своей дрянной пергамент
Я Дарвина припомнил дурно мать.
Своими обезьяньими мозгами
Мне трудно мыслить, трудно понимать.

Животное в себе я ощущаю,
Не то чтобы рогатым иль с клыком.
Я ближнего не ем, но не прощаю,
И сам хожу с паршивым ярлыком.

Живёт моя звериная повинность,
Паслась бы по пампасам, я б молчал.
За что ж меня мытарит постижимость
Моей непостижимости начал?

К чему не отдыхаю я на ветке,
Качая усыпительно хвостом?
Зачем меня Завет волнует Ветхий
Своим недонаписанным концом?

Я жил по норам, и живу понуро,
Мне надо пищи, зрелищ и повысь.

Зачем твержу я строчки Эпикура?
Ужель без Эпикура не прожить?

Сородичей мне слышно всхлипов эхо,
Сегодня нам добычи не поймать,
И средь дурного нелюдского смеха
Я Дарвина припомню тихо мать...

* * *

Богу больше не с кем говорить,
Кончились пророки да предтечи.
А Того, кого велел любить,
Люди пригвоздили за предплечья.
Бог шептал вполголоса, кричал,
Пробовал и так, и эдак, бедный,
А людишки брались за кинжал,
Выходя пограбить из таверны.
Бог потратил целый капитал
На свои немые телеграммы.
Он и плакал, и стонал, и звал,
Выводя морзянки злые гаммы.
А людишки брались за перо
Писчее, а чаще — воровское,

И сажали жертву на него,
Как на вертел адское жаркое.
И устал от этой жизни Бог,
Улетел на суперзвездолёте.
Даже если кто-то заорёт,
Вы его уже не дозовётесь.

* * *

Всё бурлило и плавилось, кроме
Чуть припудренных инеем грив,
В двухкупейном своем фаэтоне
Ты был весел и шумно игрив.

Громко чокаясь, били копыта
И чеканили буквы на снег,
Словно новая книга раскрыта,
Чудо-тройки вместившая бег.

Оставляя в несчётных подранках
Всю дорогу рапирных острот,
Ты гримасами на полустанках
Теребил суетливый народ.

Кому пел ты — Лукавому, Богу ль?
Что палил ты в нервозном чаду?
Я люблю тебя, пакостник-Гоголь,
И чего-то по-прежнему жду...

* * *

Останки собора
В Гластонберри
Глядели сурово:
Мол, всё бери!
Ни стен, только рёбра,
И те без крыш,
Торчали недобро:
Мол, что молчишь?
Артура могила
Зелёная вся,
А небо — нет силы
Опомниться!
И верно, в селении
Должен храм
Быть лишь обрамлением
Небесам.
Не то, возвышая

Свой грузный вес,
Собой заменяет
Он смысл небес.

* * *

Удивительно тонко умею скулить и страдать я
По любой ерунде, распаляясь и пыша, как печь,
Поглотила Канада меня в свои жара объятья,
И как только мне хочется встать, тут же хочется лечь.

Тряпку мокрую на лоб да выбросить рабскую тщетность,
И пойти по траве иль по илистым днам босиком.
Что за в псевдокостюм повсеместно и робко одет я?
Что за шишка на лбу, словно лоб я ушиб косяком?

Мы уткнулись в жару, словно в жёсткую, злую подушку,
От неё нет убежищ ни в роще, ни в тёмных углах,
По всему узнаю нашу давнюю стерву-подружку,
Полусонную Хворь, подогретую в душных коврах.

Спёртый воздух течет, словно масла растопленный камень,
Я забыться хочу, я мечусь в полуутрезвом бреду,
Где наш ласковый лёд, — звон в прозрачном лесу

колоколен?

Где наш тихий полет сквозь туманный ручей и листву?

Всё сожрало в своём неизбывном радении лето!

Раскалило дотла, отупило и бросило прочь,

Мы, как прежде, вдвоём, и спасибо Вседержцу за это.

Потерпи — сдохнет день и наступит прохладная ночь.

* * *

Висячая объёмность Естества,

Где всё в одном, и бдит Одновременность.

Здесь без пол-литра иль без колдовства

Любой сошел с ума бы непременно.

Рябится снов исчёрканный разлив,

Развится звуков хриплое вниманье,

И не найдя иных альтернатив,

Течёт и убывает Мирозданье.

И Совершенству вырвав приговор

Из палачовых щупалец Момента,

Я прячу Вечность, как последний вор,

Укравший рупь у выпившего мента.

21 июля 2001 г.

Канада

* * *

Я устроил себе день поэзии,
На записи свои сам ответствовал,
А жарища была, как в Родезии,
В солнце я б вольфрамовую ветвь порвал!

Обещал тебе я вынести мусору,
Мыть шампунем голову и стричь усы.
Интернет же мне, простому юзеру,
Сделал явное расстройство личности.

Так и стал немым я отступником,
В пересудах жил всё неведомых.
И мочился, метя под кустиком,
Чтоб никто наш двор не наведывал.

* * *

Я на фоне Млечного Пути
Протираю старые калоши,
В ресторане прежнем у «Кати»
Мой десерт, заждясь, переполошен!

На сухих проблесках Луны
Нам не жать лихие урожаи,
В тосковучном отблеске вины
Нам едва ль привидится Израиль...

Что ни день, то днище иль костёр,
Что ни час, то острие кинжала, —
Я забился в собственный шатёр,
Чтобы мне созвездие не жало.

Чтобы всем хватало пустяков
И нечайных возгласов спросонья,
Чтоб на всех вселенских чудаков
Нам хватало дополнна иронии.

И забывшись в пересвете звёзд,
В точечках туманных очертаний,
Мы построим через Землю мост

И уснём, как в зале ожиданья.

* * *

Луна — как блин, и я её гурман,
Как Аладдин без лампы, но с тарелкой,
Я предвкушаю истинный обман
Моей луны, с её морями мелкой.

Как много света может дать она,
Борясь со сном моим и строя рожки,
Когда восходит бледная луна
И размечает лунные дорожки.

Её сонаты лунной храма свод
Меня влечёт и чествует, как брата,
И я не верю в собственный уход,
Дождливым днем нашёптанный когда-то.

И я вкусить стремлюсь когда-нибудь,
Хоть за пределом жизни или смерти,
Луны моей проблеско-рябый рупь,
Едва отъетый кем-то на десерте.

* * *

Ах! Наслаждайтесь грубо,
С забвеньем в голове
Селёдкою под шубой,
Салатом «оливье».

На глади майонезной,
Как в дебрях ледника,
Не станет нам полезной
Нежадная рука!

Еда и наслажденье
Повенчаны давно,
Как льнёт от охлажденья
Прозрачное вино!

Как вертится не в яви
Во рту наверняка
Конфет изящных гравий
В глоточке коньяка!

Не так уж много в мире
Негрешных есть утех.
Живя в своей квартире,

Наешься ведь не грех!

И, обручась с обманом
И шуток колесом,
Не грех прослыть гурманом
С замасленным лицом!

* * *

Нам часто так мешает голова!
Она наш страж и стержень несклонимый!
И мы падём, рассудками косимы,
И нас заменит сочная трава!

Когда б я мог прокрасться меж десниц
Внезапным страхом опоённых стражей,
Я б крал себя, восторженный пропажей
Своих незаменимых всуе лиц!

Я б убегал на край солёных лет,
Где нет просвета в злаковом старенье,
И расставлял б слова в стихотворенье,
И рассуждал б с Всевышним, как поэт!

Я б брал с собой несущее звено

Каких-нибудь невнятных поцелуев
И поминал всё то святое всуе,
Что поминать нам всуе не дано!

Я б приносил на жертвенник любви
Такое удивительное семя,
Что, не родившись, умирало б время
И растворялось медленно в крови!

* * *

В падении к кластеру Вирго,
Как диска огромная туша,
Галактика наша поникла
И тихо сочилась из душа.

А там умывалась иная
Соседней вселенной девица,
Во всю эту сложность вникая.
Так что же теперь, не помыться?

Галактики лились, как капли
Сквозь дыры гигантского душа,
А мы в телескопы, как цапли,

Вонзали глаза, да и уши.

Страшась в трепетании пикнуть,
Считая века, как мгновенья,
Всё силились, бедные, вникнуть
В вселенной своей назначенье.

* * *

Напрасно Пушкина сгубило сладострастье,
Он так страдал от похоти земной
И, исторгая перлы разной масти,
Искал, несчастный, волю и покой.

Мой милый Пушкин, что ж ты сквернословиши?
Ужель нельзя изъять из слов порок?
Ужель тебя, усталого, в любови
Волнуют только страсть и курок?

Ужель сквозь снег и толщу неприятья
В долгах- соплях свой завершая век,
Весь смысл жизни — жаркие объятья,
Весь смысл смерти — мёртвый человек?

* * *

Мне Коперник — не соперник,
Средь дырявых звёзд углов
Колют звёзды, словно терни
Из остывшей плазмы слов.

Сколько я брожу в потемьях
И тяну свой срок не срок,
Проживая в разных семьях
И содружествах сорок!

Сколько стёжек безвременья
Да шипов лихих в аршин
Размещает на ступенях
Злое воинство вершин!

Сколько складок, в самом деле,
Уместит записок скоп,
Где их прячет Марк Аврелий
Для заждавшихся Европ.

Я участлив иль безверен,
Счастлив или совестлив,
В сладких яблонях затерян
Привкус горестных олив.

Всё не спится мне, неймётся,
Всё воротит от души,
В грязном ворохе эмоций —
Темнота и камыши.

Не забуду ль, не упомню,
Не прощу ль, не отпущу...
Мудрым лбам тупому сонму,
Я б расставил по прыщу!

Пусть мерцают звёзды в черни
И горят прыщи во лбах,
Мне Коперник — не соперник,
Сам пусть мается в углах.

* * *

Если долго провожать — он уйдёт,
Страх незваный в доме запертых ставней.
Если б был бы я совсем идиот,
Было б легче и немного забавней.

Но я маюсь, как червяк на скале,
Где нет лаза и не выроешь нору,
И по самой, даже скромной, шкале
Мне в блаженные податься не впору.

Но блаженны те, кто ведает сны
И не знает ядовитых сомнений,
Но блаженны, кто в стеблях весны
Не узрит приближения тени!

Сокрушительно воют сердца
Тех, кто верен какой-нибудь блажи,
И судьбою своей подлеца
Не гнашаются блаженные даже.

Они ждут приближения лет,
Как достойной бессмертья награды,
И когда произносится «нет»,
Они даже по-своему рады.

Но я маюсь, как трезвый индюк,
Не доросший до собственной жизни,
И внимаю усердью услуг
Всех, кто верен себе и отчизне.

Боже мой, как несчастны они,

Но как счастливы их междуглазья,
Ты блаженность мне чудом верни,
Чтоб я стал веселей и проказней.

Чтоб я пасся со всеми в лугах,
Чтоб питался дурманами в травах,
Забывая, как пишется «страх»
Рукавами пустого причала.

Если горесть моя не полна,
Если стыд мой не спрятан в матрёшку,
Тихо звякни мне в колокола,
Не набатом — а так, понарошку.

* * *

По статистическим мерилам бытия
Шанс невелик найти вторую половину,
Платонов миф укутан в старую перину
Из недомолвок, склок и страха небытья.

Но бродим мы, и раны жгут, как прут,
Отполовиненные чьей-то ловкой саблей,

И наши нити вовсе не ослабли —
Соединенья, как прощенья, ждут.

И вопреки всех океанических мерил
Мы сочленяем несроднимые предметы,
И разрывают воздух пьяный, как кометы,
Две тени наши, маясь в проблесках перил.

Дневники Чайковского

Я дневники читаю. Стыдно, но не смять
Желанье знать, как думалось великим,
И жду найти прозренье многоликим,
Как отблеск счастья обладанья буквой «ять».

Но там одно: «Проснулся, завтрак, снова пьян,
Сидел и тренъкал на трескучем фортепьяно,
Но выходило грустно и неладно,
Как я устал от этих фортепьян».

Я не оставлю дневников, — зачем клубить
Вслед за собою разочарованье?
Не лучше ль тратить время на питанье,

А свой дневник ещё в мозгу убить?

* * *

Мне нравится отверстие окна
И проблески меж серо-голых веток,
Весёлый бриз, забытый вкус креветок
И запах перетёртого зерна.

Мне хочется, чтоб не кончалась жизнь,
Чтоб было много мыслей и рассветов,
И я готов Вселенную за это
Расцеловать в скопленья звёздных брызг.

Мне думается снова о тебе,
И мы с тобою бродим и не злимся
На недостаток дней в календаре,
И без причины тихо веселимся.

Я знать хочу, зачем такой тоской
Приправлено меню на пире жизни?
И нам подав на сладкое покой,
Не обвинит нас повар в атеизме.

Я променял свой разум на восторг,
На шум небес, на разнобой синичий,
И обожал, как истинный лесничий,
Я каждый день, как маленький листок.

Я променял тоску на сон ночей,
Где беспросыпно нежится побудка,
И не нашлось такого бы приблудка,
Которому я не отлил бы щей.

Я мыл бездомных кошек и собак
И накормил бы досыта всех мышек.
Не зря из всех знакомых мне мальчишек
Я был всегда отъявленный чудак.

Но я сижу и мыслю о вещах,
Которых нет на дне консервной банки.
И вслед за мной не тянутся подранки
Закутавшись в дарёных мнойных мной плащах.

СЛОВ ВОЛШЕБНЫХ СВИРЕЛИ

* * *

Я хотел называться Блоком,
Но боялся — выйдет боком.
Стал бы я домашний Блок,
А стихов писать не смог.

И подумал я, однако,
Что не хуже Пастернака,
У меня ведь то и дело
На столе свеча горела.

И не зря свой стих уродский
Я уродовал, как Бродский.
Обо мне забывших вовсе
Можно ведь составить волость.

Я, в плечо уткнувшись няне,
Выл, как Игорь Северянин.
Я ведь тоже в мыльной пене
Всем доказывал свой гений.

А проснувшись в воскресенье,
Я подрался, как Есенин.
И моей рябины куст

Был и холoden, и пуст.

Не страшася жизни плотской,
Водку пил я, как Высоцкий.
Удержав коней, как дни,
Я орал: «Повремени!»

Не боясь прикрыться штампом,
Я рядился Мандельштамом,
И меня хромые кони ж
Поутру везли в Воронеж.

И амур, тупой малыш,
Всё казал мне грязный шиш.
Но когда устал от фиги,
Понял я, что просто Кригер.

Дожди

Средь мостов и прочих наслоений
На ландшафтах юных городов
Наступает вечер в моросенье
Водяных запутанных узлов.

Сочленяя чёрные ограды
И скрывая гладь своих озёр,
Мимо нас проносятся парады
Тонких льдинок, штопаясь в узор.

Это есть не что иное, точно,
Как простое счастье, — средь дерев
Наблюдать живое войско кочек,
Поглотивших струй живых посев.

Как сырое наважденье — Время
Убывает вспять, себя не зля,
И тугую сеть из воскресений
Суетится снять с себя земля.

И в неспешном рокоте глубоком
Вод из бездн, разливов и дождей
Распивает, наполняясь соком,
Разнополый ветер-брадобрей.

Всё, что было, затаилось рядом,
И пусть стынет в таинстве земном,
Прикрываясь выцветшим нарядом,
Старый день за вымытым окном.

Музыка Шопена

Средь узоров неспешных и тонких
Звук сочился из клавиш на свет
И едва всполоша перепонки,
Оставлял в нашей памяти след.

Высь сонаты прозрачно-немая
Заполняла себя дополна.
И сама себе тихо внимая,
Рвала в ключья свои клапана.

Отголоском забытых наречий
Вавилонскую башню томя,
В этих звуках язык Междуречья
Сквозь межлетья струился в меня.

В этом шёпоте смысла мирского
Первозданный язык бытия
Растворял между нами оковы
И срывал наших лет якоря.

Мы ныряли в нём, словно в нирване,

В этом говоре древнем, земном,
Щеголяя не в лоске, не в рвани,
А в просторном звучанье одном.

Вот оно, то нетленное слово,
Чем в Евангелье числится Бог,
И кружится средь вихря незлого
В дивной музыке жизни восторг.

* * *

Потомки разбойничьих стад
Ворочатся в нас и поныне,
Сменив торжество на унынье,
И кличи — на притчи ягнят!

Препев:

Средь гуннов и прочих громил,
Снующих и пьющих, как рыбы,
Не выжили если бы вы бы,
То кто бы нас всех породил?

Вы там выживали не вдруг

Среди отмороженных воинств,
Из всех своих дедов достоинств
Привив нам врожденный испуг.

Препев:

Средь гуннов и прочих громил,
Жирнющих и пьющих, как свиньи,
Когда б вы почили в унынье,
То кто бы нас всех породил?

Я кланяться вам аж вспотел
За то, что в своём безвременье
Успели вы бросить каменья
В тех, кто в вас попасть не сумел.

Препев:

Средь гуннов и прочих громил,
Поющих и пьющих, как кони,
Когда б хоть один из вас помер,
То кто бы нас всех породил?

* * *

Мои стихи не требуют сивилл
Для нитевидных сутей толкованья,
И многовед не выбьется из сил,
Ища вотще намёки и киванья.

Для арамейских древних запятых
Немало есть удобных переплётов,
На мёртвых языках и на живых
Настругано немало анекдотов!

Мои стихи затем, чтоб, видит Бог,
Не в настоящем сыпаться звучанье,
Они едва ли сотканы из слов,
А просто существуют изначально.

Они во мне и в ком-нибудь ещё,
Они под лампой вьются и не тлеют,
От них едва ли станет хорошо
Тем, кто несчастен или же болеет.

Они приходят странной чередой,
Не замечая лет и неудобства,

Они сверлят и мечутся икрой
На неприличном ложе чадородства.

Они простят меня за суету
И, пролежав без мысли больше века,
Уснут во мне, как спит язык во рту,
Когда не знает верного ответа.

* * *

Сон земной, как серое пятно,
Блеск сухого старого паркета.
Я твержу заученно одно —
Что люблю я жизнь не за это.

Не за власть не ведать ни о чём,
Не за грубость ворсяного кроя,
А за свет фальшивый за окном,
Растворённый в запахе прибоя.

За суровый оттиск на губах
Разносортных обличков апреля,
За восторг, за смерть, за свет, за страх,
За любовь и вкус пьянящий хмеля.

За разрывы в тучных облаках,
За распад немыслимый, но скорый,
За рассвет, несомый на руках
Босоногой девочки Авроры.

За печати умственных вестей,
Упреждённых кодами созвездий,
За кровавый плен земных страстей,
И за блеск стальных свободы лезвий.

За расстриженные острова
На далеких, суженных озёрах,
За глотки, которыми трава
Напояет своей влагой взоры.

За восторг неведомых скачков
По полям иссущенным, но свежим.
За лесистый отблеск от очков,
Не надетых на глазах всё тех же.

За пору, которую отнять
Не смогла бы адская недвижность,
За способность тихо отживать
Отголоски слов, рождённых выжить.

Покой

Сердцевина ствала —
Беззащитная ткань.
Ей кручина мала,
Ей не грезится лань.
Перегретая тень
Непомятых дерев.
Ей не нужен олень,
Ей не кажется лев.
Не желает ветвей
Непомерная сеть
В синем мраке теплей
Мох зелёный одеть.
Не волнуется гладь
Чуть припухших озёр,
Им не страшно проспать,
Им не чудится вор.

* * *

Ливнями умытая,
В джунглях перегретая,

Золотом покрытая,
В золото одетая,
Пагубная пагода
Странным изваянием,
Разлагает радуга
Свет в твоём сиянии.
Пагода с погодою
Породнилась точно,
И восточной модою
Нас влечет заочно.
Разменявша пристально
Вавилоны-Мекки,
Пагода здесь присно и,
Может быть, вовеки.
Только смерч проносится
Да жаре неймется.
Сколько смертных просится
Прикоснуться, трётся, —
Ты их всех, недвижная,
Встретишь, недотрога,
На ступенях выжженных
Твоего порога.
В колдовстве мистическом,
В ворожбе дремучей,
Сколько перед лицом
Твоим бродят тучи.

Сколько пред знамением
Вороны и совы
Затворяют времени
Скользкие засовы.

* * *

O. Рывкину

Я не знаю вас, друг,
Вы в забытой дали
Отживаете век
Наш — и скорый, и зябкий.
Я и сам впереди,
С жестом скрещенных рук,
Вижу: ждут корабли,
Корабли без оглядки...

Но как здорово, что
Среди сонной молвы,
Тихо вняв волшеству
Неприметного слова,
В нём стихов вещество

Различаете вы,
Как живую листву —
Ту, что жизни основа.

Можем мы постареть
Или вовсе уйти,
Можем мы не допеть
То, что нам не допели,
Но не властны ни смерть,
Ни молва, ни долги
В наших судьбах стереть
Слов волшебных свирели.

* * *

И. Динесу

За строчками узкими с вихрями вензелей,
За старым пергаментным кровом вещей
Скупая судьба нам не станет болезнее,
А станет забытей, скорей и прочней.

За сложными знаками солнечных выбросов,

За тёмным пространством ненайденных звёзд
Уютную келью у Господа выпросим,
Коль скоро он нас в эту жизнь занёс.

Упрятать себя в кропотливую ижицу,
Унять в себе страх неприметного дня,
Над всеми слегка с полусмешкою пыжиться,
От страшной кручины себя схороня.

* * *

Отдаваясь немому и юному соло
Побелевшего неба в расщельях домов,
По привычке взгрустнув по кресту и рассолу,
Мы внезапно постигнем нелепое: Он —
Тот, которого ждали по ветреным стойлам
Позабытых, но вряд ли прощённых эпох,
Тот, который, любя, терпким потчевал пойлом,
Охраняя всю жизнь каждый стебель, чтоб не сдох,
Тот, которого нам выдавали по каплям
Нерешённые скопом загадки времён,
Тот, за кем мы ступали по пяткам, по пяткам,
Пятась вспять, понимая, что это не он,
Тот, с которым мы пели, мучительно тужась,

Выводя ту небесную скатерть хоров,
Тот, которому следовал, следовал ужас
Вслед за томною вязью волхвов и даров,
За которым вполне, сколько следует нищим —
То ли духом, то ль именно нищим вообще, —
Мы царапали камни израненным днищем
Скорбных дней и не дней распылённым вотще,
Тот, за кем мы успели едва ли, увы ли,
Тот, о ком мы не плакали даже крестясь,
Тот, о ком мы по рытвинам жалостно выли,
Вынимая руками из рытвины грязь,
Он, пришедший, молчит среди нас не нарочно,
Не припрятанный вящею библией слов,
Он реальный, живой, так, что сладко и тошно,
Проживает средь нас, как в пучине веков.
Не ищите, не ждите: что надо — свершилось,
Только крепче сомните свои голоса,
Эта правда придёт сквозь мирскую замшелость,
Эта правда придёт, о себе говося!

Хорошо быть...

1

Хорошо быть небесным телом —
Можно просто шататься по небу.
Это всё, что твоя шестерёнка
Позволяет тебе в продолженье
Суэты повседневного вальса.

Хорошо быть горами на сухе, —
Потому что извечная сухость
Позволяет вкусить непременно
Обдувание редкого ветра.

Хорошо быть простором Вселенной,
Потому что отсутствие места
Не является больше помехой
Для удобного расположения
Гор сухих и прозрачного ветра,
Тел небесных, каким я являюсь.

2

Хорошо быть незрячею флейтой,
Или просто глухим барабаном,

Или даже сучком испещрённым,
Громко треснувшим в знак ожиданья.

Хорошо быть немеркнущим звуком,
Волновать водяные пределы,
Так, без смысла, неясным звучаньем,
Не словами, а просто волненьем.

Хорошо быть оттеньем иль цветом,
Оттеняющим тонкие пальцы
Розовато-наивной природы,
Хорошо быть невольным страдальцем,
Позабыв ненарочные роды,
Вслед которым явилось сознанье
И осталось, покуда не отжил.

3

Хорошо возникать не из яви,
Не из тонких стручков наслажденья,
Не из вязких сложений предмета,
Сочетающего проявленье
Разграниченней сути стакана...

Хорошо умирать постоянно,
Оттого превращая явленье,
Столь недоброе нашему слуху,

В повседневный процесс наслажденья,
В повседневную сладкую муку
Тел небесных и прочих объектов,
Населяющих нашу поспешность.

* * *

Сиди и слушай:
В это же мгновенье
Родится слово,
Словно бы струя
Родиться может
Из всего простого,
Из тесной связки
Листьев словаря.
Сиди и знай:
Я знаю, что ты можешь
Меня понять.
Но хочешь ли?
Едва ль.
Я сам себя,
Увы, понять не мог бы,
Когда б хотел, –
Но не хотел. А жаль.

И разложив на стол
Огня все элементы,
И расструив в себе
Беззвёздную любовь,
Мы будем проводить
Несспешные моменты
И будем провожать
Мелодию богов.
Мелодия богов —
Созвездие слепое
Из звуков, мыслей, слов
И шелеста ветвей.
Я провожаю жизнь
В невечную поруку
Каких-то тихих снов
Беззвучных кораблей.

Маленький намёк большой головоломки

Силком едва клоняясь,
Сгибаясь и струяясь,
Я собираю суть,
Я выбираю нить,
И вовсе не таясь,

Пульсируя, как ртуть,
Я продолжаю жить,
Я продолжаю жить...

Зачем мне, сторонясь,
Искать чужую тень,
Зачем мне, изменяясь,
Влачить свои забвенья?
И по уклону грязь
Сливается. Молясь,
Я не забуду слов,
Что нашептал мне гений.

Я слышу его зов.
Кто он, Творец ли? Бог?
А может быть, опять
Порвало перепонки?
Я возникаю вновь,
Я возникаю вновь,
Как маленький намёк
Большой головоломки.

Нет истины во мне,
Нет истины во снах,
Галактик ли, чудес,
Безверий ли, обманов...

Но светится во мне
Созвездие в цветах,
Созвездие небес
В немых оконных рамках.

И заслоняя свет,
Как горлышко, звеня,
Бутылочная высь
Зовёт и манит взглядом,
В бездущие планет
Угрюмого меня
Ведёт немая мысль
Своим усердным рядом.

И заслоня костёр,
Как тёмная спина,
Как серая обида,
Как синяя простуда,
Внезапный ветер стёр
Воздействие вина,
Воздействие молитв
И скучных пересудов...

* * *

Мы покинули мир этих звуков...
Шум костров, тихий поскрип счастей,
Кап свечи, шелест писем и перьев,
Треск каминов, молчание звёзд,
Звон подков, шпор и звон колоколен...
Боже мой, я признаться не волен,
Как тоскую я в россыпи грёз
По скромному звучанью поверий,
По тяжёлому грому страстей,
По отсутствию призрачных луков...

По охотничьим кличам,
Лаю псов и студёному лесу,
Разметанию листьев и пыли,
По стучанью колёс, колыбелей
И двоящихся в мире зеркал.
Где созвездий беззубый оскал?
Где мой шелест счастей корабельных?
Не познав, этот звук мы забыли,
Как ложбинку на милом носу,
Как голов старых сосен киванье...

Дружный гомон стучащихся ложек,

Скрип саней и оглобельный грохот,
Цоканье полостной мостовой.
Восклицание: «Мой милый сударь!»
Иль: «Сударыня!» Где же та удаль?
Где мой старый уснул домовой?
Где восторг, заменяющий похоть,
В отношенье танцующих ножек...

Где размытые спазмы дуэлей?
Где разнужданный гомон студентов?
Где яичница с хрустом и салом?
Где бледнеющий лик дуэлянтов?
Где тот шарм разодевшихся франтов, —
Не фантомов, а тех, что и в малом
Находили изыскность моментов?
Где пустые позывы метелей?

Так цените простые звучанья:
Звон тарелок в убогой столовой,
Скрежет вилок по ломким тарелкам,
Как соитие стали и стёкол,
Красноту и обилие свёкл, —
Пусть оно нам не кажется мелким,
Небольшим, негустым, бестолковым.
Лучше всё — тишины наказанья...

Сонмы

Сонмы.

Каждый знает куда,

Каждый ведает суть.

Тёмный,

Заструяясь в никуда,

Змейкой нитится путь.

Помня,

Как сияет вода

И игривится ртуть,

Сонно,

Раздвигая рода,

Ты не дай мне уснуть.

Страха

Переносица жмёт

И кромешит мозги.

Мама

Непременно придёт

И не даст мне уйти.

Сонмы,
Я настаивать буду,
Что я не из них...

Тёмный
Небосвод ниоткуда
Диктует мне стих.

Бог с ним,
Пусть заветно
И стильно темнит.

Вёсны
Незаметно
Уходят в зенит.

Старый
И почти покорённый
Букварь

Старость
Насыщает солёным
И сыплется в гарь...

Светится ли высь звездою в окне Super Nova?

Касаются клавиши пальцев,
Они избегают звучанья,
Расстеленные по небрежно
Взбелённой тропинке молчанья,
Издёрганные от незнанья,
Какая последует нота.

У каждого идиота
Есть малая доля исканья
Такого — иного — страданья,
Что, кажется, неизбежно
Вселенная не без рыданья
Встречает такого страдальца...

Есть давняя мысль о сути,
Гонимая мышкой экрана,
И кликнуть её невозможно:
То поздно, то слишком рано.
Но кажется свежею рана,
И кажется истиной поиск,

И кажется искренней совесть,

Почти как позывы иканья,
Почти как урчание крана.
Но следует быть осторожным:
Не всё, что считается странным,
Является залпом орудий.

Не всё, что мы мыслим неверным,
Является сказанным словом,
И даже не всё, что мы мыслим,
Есть то, что искало бы крова.
И суть непонятная снова
Манит и мигает, как символ.

И лишь размыщая за сим, вол
Влачит, как простая корова,
Телегу с волхвами второго
Пришествия, светится высь ли
Звездою в окне Super Nova,
Так верно заснятая первым?

* * *

Ревниво наблюдая
За каждым пересмешком,

За каждой невозможной
Наклонностью над полом,
Бредут мои колени
По краешку поспешно,
И ночью внутрикожной
Ползут мои подолы.

Я развлекал немногих
Своим существованьем,
Своими непростыми
И скучными речами.
Сначала я родился
По паспорту евреем,
Потом так и остался,
Как кто-то англичанин.

А что? Бывает хуже.
Хотя по измеренью
Ни верха нет, ни низа.
Я отмечаю верно
Движение карниза,
Лишь только понимая,
Что сила притяженья
Есть массовая блажность
И новшество паденья.

* * *

Мы говорили долго,
Оттеняя приливы вкуса,
Смысла, знаков, силы
Былинных ипостасей
И невежеств.
Мы поминали Бога,
Акварели и винный уксус
И делили с ними
Свои напасти
И дела всё те же.

И длились ночи,
Сочленялись сутки,
Крошились годы,
Сыпались разлуки,
И нам не очень
Уж казалось жутким
Читать народы,
Как чужие руки.

И отражая их,
Как суеверье,

Как простоту
Варяжского слова,
Мы пили дни,
Как голые деревья
Пьют пустоту,
Не требуя покрова.

* * *

Мои стихи не нравятся поэтам...
Поэты много ль ведают в стихах?
Они, как слабенькие сигареты,
Крошатся пеплом на твоих устах.

Мои стихи не нравятся прохожим...
Прохожимечно надо проходить.
Они бурчат под нос одно и то же
И, как всегда, всё на один мотив.

Мои стихи не нравятся калекам, —
Они калечат больше, чем табак.
Коль хочешь быть здоровым человеком,
Мои стихи нельзя читать никак.

Тебе одной пусть служат мои музы,
Пусть невпопад, — тем лучше, тем верней,
Мы род людской избавим от обузы
И сохраним здоровье людей.

Мои стихи не нравятся поэтам!
Мне, может, стоит поменять язык?
И поменять Вселенную при этом,
Хоть, впрочем, к этой я уже привык.

* * *

Илюше Динесу — поэту средневековья посвящается...

На серой кожице удобного зверя
(Я, разумеется, имел в виду пергамент)
По-детски крупные выводят письмена
Средневековые потресканные гаммы.

Я в замках жил, в каминах жёг стволы,
Я проводил субботний вечер с менестрелем,
А по ночам гнул манускриптные углы,
Закладки делая, чтоб почитать в постели.

Из бестиариев^{*} я комнатных зверьков
Всё разводил, кормя их сеном, то и дело
Единорогов прятал на ночь под полог,
Чтобы случайно им на рог не села

Обильным задом грузная зима,
Когда в снегах костры, а дома скверно,
Когда к обедне уж свеча нужна,
Да и к заутрене нужна, наверно.

В драконов верить я не стал, увы,
Хотя они снижали урожай,
Волхвов не жёг я на кострах, — волхвы
Меня за это очень уважали.

Ты приезжай ко мне на Рождество
И не смотри, что далеко, — попробуй!
Мы будем мясо есть и пить вино, —
Когда ещё нам ублажать утробу?

И не смотри на глупый календарь,
Я знаю, что прошло веков уж восемь.
Уж лучше Рождество встречать, как в старь,

^{*} Бестиарии (от лат. bestia — зверь) — средневековые нравоучительные трактаты с картинками, которые на примере мнимых и реальных животных рассматривали различные христианские понятия.

Чем провожать теперешнюю осень...

* * *

Как, вы не слышали?
Как, не позволили
Молоточкам по струнам в рояле
Стучать, летая?
Летя, набрасываться
На изветвлённый
Карниз небес?

Как, вы не знаете,
Куда заброшены
Мы с вами,
Аисты и атеисты?
И очень простенькие
Из нас не скисли
Лишь потому, что
Процессу скисленья
Тоже требуется
Какой-то вес...

* * *

Если только писать
По прозрачному снегу,
По серебряной вышке
Бездланного неба,
По зачищенной ране
Дождевого вулкана —
По омытой в фонтане
Статуе великана...

Если только писать
По немыслимым сеймам
Разнополых ворон
И расплощенных чаек.
Если только молиться
Губами пророков
И записывать мысли
На палочках судеб,
Вот тогда и приходит,
То, что мы называем
Гениальным твореньем
Искомого смысла...

* * *

По странной аномалии, Руссо, Жан-Жак который,
Был совсем не русским.

Хотя его позицию я принял,
Как стержень в отношениях с государством,
И государство тычет мне напрасно...

Ведь человек рождается свободным,
И в этом есть какое-то везенье,
Ведь если б он рождался недотёпой,
То не было б французских революций

И я бы до сих пор сидел в России...
Но человек рождается свободным,

И в самом древнем из извечных обществ —
В Семье — не гасят света до рассвета,
Поскольку принимают снова роды,
Младенца, что рождается свободным,
И по законам самосохраненья
Отец устало выпивает водки,

Чтоб подлечить тугие нервы-плётки.
Но человек рождается свободным,
И водка здесь, пожалуй, ни при чём.
И то, что мать, томясь в бездонных муках,
Не знает имени того младенца,

Неважно. Важно то, что на сегодня,
До регистрации в районном загсе,
В столе смертей, чего-то там и родов,
Сей человек пока ещё свободен.
И возлагает первые заботы
На тех, кто несвободен стать свободным,
Поскольку нет свободы без Руссо,
А он давно расставлен по прилавкам,
По полкам и немыслимым советам,
Что мне уже не надо быть свободным...

* * *

Не боится кожа моя
Обезвоживанья,
Не боится старения,
Потому что сирени я
Отдаю свой поклон,
То ли сам, то ли клон...
Берегаясь разорения,
Ублажаю растения.
Опасаясь безбрачия,
Не напрасно ишачу я,
Разминаю, как сталь,

Непонятную даль...
Кораблями плыву
И мотаю канву,
Потому что времён,
Ну а также имён
Не бывает достаточно,
Чтобы выразить ваточность
Наших шумных потех,
Не хвативших на всех,
Забывая их в прачечной,
Мы уходим наверх...

* * *

Я помню, как-то в тесных Альпах
Мы въехали в длинный туннель.
Сначала казалось — туннель как туннель,
Потом невероятно долго текли минуты,
Ещё, и ещё, и несмотря на скорость машины
Туннель не кончался. И когда казалось,
Что ну не может быть,
Должен же он когда-нибудь кончиться? —
Он всё равно не кончался.
И тогда я подумал, что это и есть наша жизнь.

Или, может быть, наша смерть...
Потом туннель закончился, конечно.
Разом вспыхнули белые вершины
И чёрные мокрые скалы.
Были после и праздники, и не очень,
Но мне так и кажется: что-то
В этом туннеле было слишком уж долгое...
Может быть, я всё ещё в нём?

* * *

Был этот лист живым,
А вот теперь он мёртв.
И в смерти он красив,
Но мы не видим смерти!

Со смертью мы на «вы»,
Она, как сизый фьорд,
Иных альтернатив
Не ищет нам, поверьте...

Мы провожаем вспять
Известный листопад
Из буровок дневных,

Что крутятся по крыше,

И с Дождеством опять
Поздравьте невпопад
Знакомых и родных,
А также тех, кто ближе.

* * *

Стихи — это слепки души,
Отлитые страстью и болью,
Как капли каких-то посулов,
Как мысли каких-то песков —
Я сыплю и сыплю слова
Средь звонкого, бренного гула,
Я сыплю и сыплю себя,
Как семя. А может, как кровь.
А может, как часть той Вселенной,
Которую я так берёг бы,
Когда бы хоть кто-то шепнул мне,
Что стоит её поберечь.
И хрупкие руша законы,
И сквозь вековое терпенье
Струится наружу моя

Немного невнятная речь.
И в яростном шуме опять,
В движении гулких вагонов,
И в жёсткости выцветших рельсов,
И в силе тупого огня
Я жажду опять полюбить,
Как прежде. Как прежде. Как прежде.
Я жажду опять отыскать
Тебя — чтоб любила меня.

КАК НЕБО СРЕДЬ ОСКОЛКОВ ТАЕТ

* * *

Вечного нет под бездонной искомостью неба.
Сколько ты видело в прахе немых Атлантид?
Сколько империй великих горело и тлело,
Сколько ещё их бездарно-бесследно сгорит?

Идолам клонимся, толку-то что, не идёт
Впрок нам сурое это ученье-мученье,
То, что со временем времени горе-теченье
Всё, что ни есть в этом мире, увы, но пожрёт.

Слава царей, свитки разума библиотек,
Грозные стены дворцов и изысканных храмов,
Всё, что ни есть, ух, не строил, не строил бы я бы,
Просто сидел бы, мечтал или ел чебурек.

* * *

Я подошёл к Пизанской башне,
Она отвесила поклон,
И, отживая день вчерашний,
Клоняясь, колонился балкон.

Он говорил мне итальянским,
Немного сладким языком
О всех, кого считал я близким
В вчерашнем веке отжитом.

Ну а вокруг ворчала Пиза
С названьем резким для ушей,
И с ненадёжного карниза
Сдувало напрочь голубей.

В наклонной матрице ступеней,
Спеша, споткнулся Галилей,
С тех пор почти что каждый гений
Спешит сюда, как дуралей.

* * *

О том, как я тебя люблю,
Я никому не разболтаю,
Как небо средь осколков тает,
И я летаю наяву.
О том, как ты во мне нашла
В глубинах снежных лютик талый,

Ты никому не разболтала
И сквозь молву не пронесла.
И тем, которым всё равно,
Мы ничего не нарисуем,
Про то, как любим Бога всуе
И рассуждаем про кино.
И тех, кому важней успех
Невразумительного танца,
Мы не покроем коркой глянца
И не дадим погрызть орех.
И для того, который нам
Не позволял учить прелюдий,
Мы не пойдём селиться в люди
И не раздарим милый хлам.

* * *

Есть времена расхристанно любить,
Не замечая крыш, текущих на пол,
И красотой поверженный оракул
Нам не посмеет судьбы изменить.

Есть времена, простуженные в страх,
Когда заставить слушать невозможно
Ни всплеск Гомера вёсел осторожных,

Ни ямб весёлый на моих устах.

Есть время петь, и есть — повременить,
Есть время дарствий, и есть время кражи,
Есть время слов, молчания — и даже
Есть время это время пережить!

* * *

Предаваться унынию грешно,
Но грустить никогда не грешно,
И о том, что казалось, конечно,
Всем вокруг хорошо и смешно,
И о том, что селилось под крышей
Неопрятных, но милых домов,
И о том, чем смеешься и дышишь
Меж промасленных серых годов.
Даже ложечкой тусклого чая
Утоляя стремленье к морям,
Не пристало кричать: «Я отчаян!»
Так не принято у северян!
Надо знать свое место и веру,
Провожать без ужалий плоты,

Где сидят разномастные меры
Этой жизни простой красоты.

КОГДА РАСТАЮТ ШАПКИ ЛЕДНИКОВ

* * *

Что стоят все великие идеи?
У истины есть твёрдая цена.
Ведь стольким за неё сломали шеи
И стольких заклеймили имена.

Довольны компромисса дешевизной,
Мы следуем исхоженной тропой
И топчем обветшалый коврик жизни,
Опрятно окаймлённый пустотой.

Но это чудо, если на мгновенье
В глубинах летаргического сна
Пробудится частица вдохновенья,
Надежд безумство, свежести весна!

1987

* * *

Головой мы упёрлись в сырой потолок,
Гробовой создающий уют.
Саркофаги квартир заготовлены впрок,

И со временем нас погребут.

Мы усердно жуём колбасу с огурцом,
Хоть идём на оправданный риск.
Но над вдрызг пронитраенным нашим нутром
Не поставит никто обелиск.

Нас взнудали подпругой поборов, мытарств.
А не хочешь быть трупом — молчи.
Нас от нам же прописанных пресных лекарств
Обнищалые лечат врачи.

Нет теснее сплоченья взбешённых телес,
Чем автобусно-людный брикет
Из престижно оскаленных грудью принцесс
И скандальных старух средних лет.

Но блокадно-талонный замызганно тих
Серый город, засаливший высь.
Магазинно-пустынnyй, шаром покати,
И рублём хоть поди подотрись.

Ну а если душа, так смешают с дерьмом
И приставят к виску пистолет.
И пристрелят, конечно, зато ты потом
Сразу станешь пророк и поэт.

Да, немало успешно наломано дров.
Всё кромешней развал и бардак.
Но до рвоты родная страна дураков
Оптимизмом убогим горда.

1988

Смутное время

Усоп наместник Бога на земле.
На темя шапочка легла неловко.
Гремят соборы. Зычная торговка
Дерёт с сограждан в аховой цене.
А в акведуке римском нет воды —
Их управдом десятый век в запое.
И в этом есть какое-то простое
Желанье выйти с вечностью на «ты».
Конклав смущён. Да, папу в кардиналах
Искать несладко, даже мудрено.
Монахи пьют церковное вино —
Их тешить инквизиция устала,
И в Колизее спешно жгут досье.
Да шутка ли? — брак в судопроизводстве!

Доносчикам, в почтительном юродстве,

Раздали по коробке монпансье.

Вот результат — уже масонов ложи

Затеяли вселенский кавардак.

Ну, не со зла, наверное, положим,

Скорей всего от скуки, просто так.

Ужели воля Божья подкачала?

Vox populi — vox Dei, — что за бред?

Вот папа даст безбрачия обет

И всё вернёт на прежние начала...

* * *

Надменный шёлк простуженных знамён

Нагую душу кутает в исподнее.

На жизнь в раю кромешном обречён,

Я отлучён от блага преисподней.

К вершинам совершенства бытия

Нас гонят потихоньку, по этапу.

В чём разница: Лубянка ли, гестапо?

Везде решётки прочного литья.

Заложники гигантских авантюр,

Безликий смрад октябрьской отрыжки,
Мы трупы обесцененных купюр
Упрямо тянем в кошельки-кубышки.

Иллюзий броских потускневший лоск
Не ослепляет. Но имеет бивни!
Безверием растоптан мозг,
Томится впроголодь и гибнет...

За полчаса до конца света

Я не здоров идеями, и демон
С печальным пониманием глядит.
Всё под замком, а у ворот Эдема
Торгуют абрикосами в кредит.

Осталось полчаса до конца света.
Присяжные готовы присягать;
И катится изящная карета,
И в ней расселась чинно Божья мать.

Сынок её давно уже на месте —
Шушукается с судьями: кого
Ему велеть запечь на пасху в тесте,

Кого засунуть по уши в говно.

Моей вы биографии не троньте —
Я чист пока, как новое биде.
Кто ж виноват, что был товарищ Понтий
Пилат сотрудником НКВД?

Поверьте мне: в моём тщедушном тельце
Не так уж много набралось грешков.
Я не «святой», как Троцкий или Ельцин;
Я не тупой, как наш премьер Рыжков.

А посему на сём великом месте
С титанами тягаться мне вотще.
Вы лучше не скупитесь и отвесьте
Мне полкило отборных овощей.

И я пойду дорогой раскалённой,
И будет путь мне тягостен и мил,
И на развилке, где резвятся клёны,
Вкусу редису. И пополню сил.

* * *

Сопрано истомные ноты
Вгрызались в немой потолок,
И в недрах словесной икоты
Таилось соцветие строк.

Но чувственной робости сила
Гасила порыва огни.
Прости, ты напрасно просила
Транжирить прогорклые дни.

Я скуп до презревших рок оргий,
И строго взирает запрет
На бунты кипящей подкорки
И скопища рифм-непосед.

Пускай осенённый не столь я
Десницею Божьей. Увы,
От скученной скуки застолья
Уйти б мне. Но нет, не уйти!

И веют густые метели
Не к месту поставленных слов,

И приторный запах веселья,
И радужный отблеск очков.

А после ночной утроба,
Заснеженных улиц гурьба
Поглотит из спрятого зоба
Тягучим сиропом слова.

Их втянет и скованно сцепит
Сугроба бугристая гладь;
Предчувствий фатальные цепи
И томная мысль: «Бежать!»

28 декабря 1988 г.

Осень

Ядовитая ткань покрывала
Теплогубой ухмылкой полна.
Для любви разве этого мало?
Разве этого много для сна?

Захлебнувшись обилием влаги,
Изумлением млея, кровят

Подозрительно трезвые маки
Средь банально увядших оград.

Бунт цветов, благодатное тленье,
Увяданьем уйми и раздень,
Окунувшись ветвистою тенью
В осенённую осенью сень.

В мутных кельях застенков-подполий,
Спёртый воздух и смрад — шансов нет!
В кулуарах шептанья доколе
Будет томно хрипеть шансонье?

Но тугие обозы идиллий
Одурманят упрямую боль.
Непристойно застойный цвет лилий
Над преступно доступной водой...

28–29 декабря 1988 г.

Зазеркалье

Транзитно-растранжиренные троны
Зеркально-алебастровых эпох...

И с антикварно-подлинной иконы
Взирает веско инфантильный Бог.

Там непреложных истин рулевые
Курс держат в царство света и ума,
И многократно битые святые
Безвинных бесов холят задарма.

Там символ зла-блаженного уродства —
Распятые проклятием родства,
И самый верный признак благородства —
Наличие безвестного конца...

Там шум фанфар побед людского улья,
И гулок одиночных камер тон,
Там струны, обрывающие пули,
Сверяют ежечасно камертон.

Canzone

Хозяин плоти, научи
Меня служить стеченью фраз
Иль череп развенчай свинцом.
Тот звук, распахнутый в ночи,

Увидит всё совсем в ином
Контексте, как не станет нас.
Застынут скатерти цветов,
И значит, станется таков
Исход наш. Плачте, палачи!

1988

* * *

Я знаю этот запах неприятия,
Струящийся от лиц и горьких снов.
Какие ясновучные проклятия
Распрыскивать в пространство я готов!

Что проку? Холостую перестрелку
Я оправдать формально не могу,
Уж лучше просто передвинуть стрелку, —
Кукушка прокукует мне «ку-ку».

1988

* * *

Я устал от тебя, ты уйди.
Знаешь, хочется побыть одному.
Всё закончилось, и на полпути
Я тебя уже никак не верну.

У нас разные с тобой поезда,
И поверь, не стоит трогать стоп-кран.
Пусть летят в окошках мутных леса
В разноветрии озябших полян.

Видно, нет у нас иного пути,
Как расстаться без обид и без сцен.
Видно, не было меж нами любви;
Ну а если просто так, то зачем?

Без того на свете столько лгунов,
Так не будем умножать их число.
Если было что у нас, кроме слов,
Так уже давно следы замело.

Зима

Полудрёмно не вейся, не майся
Ожиданьем в истошной золе!
В разлохмаченном омуте вальса
Бьются искры бенгальских огней.

Прочь сомненья; ушла пора мыслей;
Пуст эфир позывных огоньков,
И висит на немом коромысле
Обесструненной скрипки остов.

Снег, как простынь, — помятый и белый,
Раскалённый морозом песок,
И плывут по нему каравеллы
Вереницей озябших лесов.

Мёртвой хваткой сцепил ветер уши
И неистовой болью дерёт,
Зыбко зябнут ознобшие души
И врастают под каменный лёд.

6 января 1989 г.

* * *

Что за закрытыми дверьми
Вполголоса таится?
Ну что ж, корми меня, корми
Догадкой-небылицей.

Ну что ж, мани меня, мани,
А после мерзлотою
Обдай бессонные огни...
Да, впрочем, бог с тобою!

Не лги, не лги! В последний раз
Мы вместе. Рифмы бредят.
Оставь, не нужно ломких фраз,
Молчи, моя миледи!

Когда-нибудь не я, так он
В хмельном чаду полночья
Развеет миф тугих корон,
А после — многоточье...

Пока мы кружим, пусть не в такт,
Не ощущая веса.
Ах, я опять сказал не так?

Прости, моя принцесса!

И не шепчи, что мир для нас, —
Пойми, как это глупо.
Пойми, что мы в последний раз,
И в танце кружат трупы!

Всё как во сне. И все правы
Без оправданий сажи.
И только мечутся ряды
Пустых замочных скважин...

20 января 1989 г.

* * *

Вглядись в тесноту своих сомкнутых век —
Что кроют безликие блики?
Судьбы предначертанной строгий разбег
Иль хаос безумный и дикий?

Не плачь, я же знаю — дни света близки,
И тлеет огонь предвкушений,
И давит неведомой силой виски,

Пульсируя кровью знамений.

Но снова кирпич, обветшалый подвал;
И вновь провиденья измена.
О, сколько я раз сам себя предавал!
К чему же дешёвые сцены?

Зачем же мне хаять дурную судьбу,
Коль скоро всё хаос да бредни?
Коль скоро по мне в час, когда я уйду,
Никто не закажет обедни?

Так будь же ты проклят, хромой хромосом,
Что дал мне напиться из блодца.
О, Боже! Всё это, быть может, лишь сон?
Но нет, мне уже не проснуться...

20–21 января 1989 г.

* * *

А пушечного мяса на Руси
Во все века хватало, и с избытком.

Крамола кромки льдов —
но занят приступ нами!
Простужен материк —
и хворь взяла своё, —
Полтонны мёрзлых туш
залиzano волнами,
А чистым весом душ —
всего на полкило.
Так хватит хныкать, брат, —
невелика потеря!
По Дарвину мы — скот.
Извольте ж на убой!
Мы, веришь, в аккурат
произошли от зверя.
Так пусть нас, сукин кот,
сожрёт морской прибой.
А ты, браток, представь,
что пудрит Дарвин мозги,

Что вот зальёт волна
и кончится метель...
Здесь — только кровь да грязь,
и душит мёрзлый воздух,
А там — покой и свет,
и тёплая постель...
И кто-то в синеве

войдёт — не станет боли,
И если не простит —
рассудит и поймёт.
Но как с ним говорить,
нас не учили в школе.
Зато смогли вдолбить —
рвать на огонь вперёд!
А если всё не так —
и мрак чернее сажи, —
Так вот, идёт волна,
и ты глаза закрой...
Пускай кудлатый мир
попробует докажет,
Что то не он, а мы
исчезли под волной!

29–30 января 1989 г.

* * *

Чего хочу?
Уйти от пересказа
Чужих молитв
И верить самому.

И раствориться в недрах...

Но всё тщетно

Бьёт в висок

Песком былого света

Прозрение;

На россыпях обид

Влачит убогий день

Свой краткий шанс —

Предчувствие кончины,

Ему претит

Заката траурный кортеж...

* * *

Высоцкого я с водкой намешал;

И пил и слушал в едком упоенье

Его хрипящий истово кадык.

Но кто-то за спиною нам мешал

Сполня предаться пitiю и пенью.

Но мне ль роптать? Ведь я уже привык

Мириться с неудобством взгляда в спину.

На тряпице безделия постель,

И в ней почил мой херувим. Разврата

Не вынес, бедный. Захирел и сгинул.

А музы, напомадясь, на панель
Ушли. Пегас заржал угрюмо матом.
А за окном, всё нарастая, выл
Сирен огней сиреневых шакал,
И плыли звёзды запахом женьшена,
Не убывал ревущей стаи пыл,
И с репродукции стенной Шагал
Тренировал моё воображенье.

* * *

Я спокоен — что толку упрямиться,
Рифмострочья упорно стеречь?
Ждёт, любя, меня мёрзлая ямица
Или в кафеле траурном печь.
А стихи? Ну а что с ними станется? —
Отпоёт меня скромно родня,
И бумаги полночное таинство
Распахнёт в суесветии дня.
Пролистнут, после пола мытья,
Червоточинки точек-задир,
Грустно хмыкнут — мол, галиматья,
И снесут полунежно в сортир.
И, присыпан земельной крупицей,

Я все связи с землёй порублю,
А с сожительниц и сослуживцев
На поминки возьмут по рублю.

25 февраля 1989 г.

Музпак

Топко гудят баса —
Их перезвон невесел.
Трубные голоса
Бьют над рядами кресел.
Точные, как часы,
Такты. И трубы-дуры
По уши проросли
В линию партитуры.
Не отступясь ни на шаг,
Льются послушно в сердце
Литры культурных благ
И полузвезси терций.
Дремлет утробно зал,
К музыке непотребен.
Вот кабы залу «За!»

Вскинуть ручистый гребень.

Только жаль, не ясна

Линия партитуры;

Переварит со сна

Зал свой паёк культуры.

Ну, а в антракт в буфет

Жадной толпой взбешённой,

Чтоб поглотить котлет

Полумясных, тушёных.

А отзовёт финал —

И по зубам в гардеробе

Радостно даст нахал

Даме в вечерней робе.

* * *

Лукавить ли молитвою пустой

Пред Господом? Упругие сажени

Мы не отмерили, не встали на постой

У вечности. И нам самосожженье

Неведомо. На черновик взялись

Ошибками губить бумаги скатерь.

А набело наш испещрённый лист

Закончился! Куда, как не на паперть,

Молить повременить ещё чуток, —
Так малого ведь жаждет наш рассудок, —
Один глоток, всего один глоток!
Но безнадёжно пусто в том сосуде...

* * *

Лимонной кожицей над Лысою горой
Повисло полнолунье. У леших,
Как водится, случился выходной;
И траур у распятых и воскресших.
Сути времён нам не дано понять,
Как и момент для распродажи акций, —
Время, проклиная, распинать;
Время, распиная, поклоняться.
Парадоксы, все наперечёт,
Выстроились в дерзкую кривую.
Может быть, нас всех попутал чёрт
Жечь иконы? Право вхолостую
Жечь святых немой эквивалент,
Учиняя новые Голгофы;
Графов бить за графы, и за строфы,
И за исторический момент.

1 марта 1989 г.

* * *

Тело топнет вязко
В твоём халате...
Отчего развязка
Всегда некстати?
Отчего так: раз — и
Пришла обида,
Почему нюансы
Ушли из вида?
Где-то блещут Альпы
Чинно-жутки,
И срывают скальпы
Чингачгуки,
И лакают виски,
Носят блузки,
И берут сосиски
Без нагрузки.
А у нас, в России,
Всё без экзотик,
Мы давно сносили
Японский зонтик.
И до самых пенсий
Сидим в сортире,

Распеваем песни —
Три-четыре.

* * *

А кто-то, стукнув дверью, выйдет вон,
Не распростишись, не сказав спасибо,
И маxом перережет телефон,
Ну ладно, хоть не горло. Встанет либо
Из-за стола, или шмыгнет в постель,
И скажет: «Пас», когда игра в разгаре,
И настроит убогий пасквиль-хмель,
Подагрою ужа — занозной твари.
И всхлипнет свет в его чужом окне,
И за столом его иссякнет ужин,
И кожицею тень по всей длине
Стены сукровится свекольной лужей.
И будет прерван наш триумвират,
Где третий умер, и слова в рассрочку.
Подарит мне сорочку, как подстрочник,
Перед отъездом мой любезный брат...

* * *

Когда растают шапки ледников,
Мы перестанем верить в небылицы,
И воздух будет плавиться и биться
От плавных взмахов наших плавников.
А плотники сколотят нам плоты,
Но мы отбросим все приспособленья,
В пучину первозданного круженья,
Не ведая размеров глубины,
Мы канем, встретив радостным иканьем
Медузоиллюзорные миры,
И будем мы чешуйчато равны —
Да разве в обликах сокрыта сущность?
Отбросив всех сократов и научность,
Не ведая и толики вины,
Все книги, что нам дал безумный разум,
Испепелим как язву, как заразу, —
Никчёмных лет чахоточные сны.
Всё это будет так, и нет оков,
Которые удержат наши торсы.
Мы разорвём мучительные тросы,
Расправим жабры. Без обиняков
По веским векселям пора нам расплатиться...

Всё это неминуемо случится,
Едва растают шапки ледников...

* * *

Все кругом — избранники, но им
тоже когда-нибудь вынесут
приговор.

Альбер Камю. «Посторонний»

От клятв неумелых устав,
Я плюну в кортеж катафалков.
Мне ваш монастырский устав
Неблизок и приторно-жалок.

И видно, мне в храме ином
Давно уготованы сходни.
Я к вам не причастен вином
И хлебом от плоти Господней.

Я — смертник, увы, но не суть
В бледнеющей плахе рассвета.
Пускай же меня вознесут

Хотя бы лишь только за это.

Но небо пустует. И дни
Уже сочтены — и не нами.
А вздохи проклятьям сродни,
И полнятся сны именами.

И лишний для всех я. Не цо-
кают благозвучно копыта.
Моё, опустевши, лицо
Для оспенных струпьев открыто.

Пролистан и брошен Камю.
И маётся маятник мерно.
И всё так и нужно, наверно.
Так нужно. Вот только кому?

* * *

Безумье сумраком одело
В припадке судорог рассудок.
А тени, покидая тело,
Скользили в область пересудов.

Всё мне казалось так некстати,
И в окнах день распался вяло,
И гладь расстеленной кровати
Меня совсем не вдохновляла.

Там вились скатерти, но соты
Медовой сытостью не звали,
Ну что ты, спешная, ну что ты,
Ты мной насытившись едва ли.

Губами чуя привкус жести,
Мы знаем: рамки стали жёстче.
Причины оставаться вместе
Теперь найти гораздо проще.

1989

* * *

Не можем мы никак освободиться
От плена струн и магии смычка,
А звука разнопряная корица
Осыпалась. От тонкого клочка
Бумаги разлинованной воспряла.
Так снимем шляпы, сбросим одеяла —

Не время богохульствовать и спать!
Ах, впрочем, нам мучительны «Ла Скалы»
И как-то больше по сердцу вокзалы,
Милей виолончелей — рёв гудков.
От перетрелей флейт разит зевотой,
И ближе трупной партии фагота
Нам унисоны собственных зевков.

* * *

К нам входят неумелые мишени
И тянутся в гостиной на софе.
Мы любим торопливые сожженья
И обожаем аутодафе.

Они прекрасно знают, что нам надо,
И плавно у торшера гасят свет.
И пьют коньяк с бокалом лимонада,
Закусывая пригоршней конфет.

Они толкуют весело и пьяно,
Но приторно упрямы в мелочах.

И требуют игры на фортепьяно,
И слушают гитару при свечах.

Но это нам финала не испортит,
Мы подождём наивный полузнак...
Окурки тонут в разомлевшем торте
Шипящим кремом долговязых благ.

Прощай, оружие

Я ни на йоту не подвинусь
В лизольном мареве палат.
Что за почётная повинность?
Ведь я ни в чём не виноват!

И распластавшись, аж сам блея,
Ужом ползу из-под неё.
Ужо мне ваша ассамблея!
Я не сменю исподнеё.

На эшафот убойно боров
Взведён без шляпы ль, без плаща ли.
Клешнями рекрутских наборов
Меня любезно всхолощали.

Что, стоит переждать снаружи,
Чтоб укатил вагон телячий?
Прощай, немытое оружье!
Уплачено. Не надо сдачи.

* * *

Эта жизнь — суeta. Пусть на нас сэкономят патроны.
От сапёрных лопаток уже не болит голова.
Алый флаг — растоптать, но деръмо, расползаясь по тронам,
Будет снова трепать кровяные свои жернова.

Это место — притон, так не стоит менять декораций.
Нет фанфар, и при том наш суфлёр, как индюк, пропотел.
Только Гамлет вскричал: «Эй, послушай, любезный Горацио,
Что за старая блажь выводить мудрецов на расстрел?»

Нам не нужно свободы, — она, как публичная девка,
Так доступна для всех, только плата не по лечу.
Питекантропов рожи застыли у верного древка,
Им за нас стопку водки нальют, ну а прочее — чушь.

1989

* * *

Сказать по правде, мне ли быть фанатом?
Есть маленькие прелести во всём.
Земля кругла, и каждый божий атом
Себе под нос бормочет о своём.

Дурной сквозняк, облезлый подоконник, —
Нет лучше мест для философских вирш.
И я — бухой заведомый поклонник
Всего того, что ты мне говоришь.

А хочешь, подарю тебе канzonу,
Ты мне — сонет. Вот духа лабиринт!
И гений наш скandalально-невесомый
Над сочной плотью гулко воспарит.

Пусть в голове, как в улье опустелом, —
Ни то ни сё. Проклятый алкоголь.
Излечим души, ну, а после телом
Заняться можно, между делом, что ль.

* * *

Вчера был пьян. Какая чепуха!
Окно распахнуто, и я блюю на звёзды, —
Вот чистый вкус. Укутана в меха,
Плыёт луна в весьма занятной позе,
Раздвинув врость колени ли, лучи, —
Прости, родная, я внезапно занят;
Вот посмотри, опять разруха грянет
И оросит стенные кирпичи.
А позади потресканный Шопен
Несспешно повествует в хрип эфира.
Всё упрощая, музыка из вен
Готова литься. Дом времён ампира
Корит неслышно мой бухой порыв.
Он наш сосед — усталый и ворчливый.
Я помню: вместе в детстве ели сливы,
А вот теперь насупился, притих
И созерцает масс глухие всплески.
Мне грустно, но как будто по себе.
Мой силуэт, бесстыдно офицерский,
Ритмично пляшет в замкнутом окне.

* * *

Как вы таинственны и свежи,
Какой пьянящий аромат!
Проходят годы — вы всё те же:
Безмолвной грусти полный взгляд.

Поверьте, в редкие мгновенья
Я с удивленьем поражён:
Невольный жест, одно движенье —
И я томительно влюблён!

Но сброшен занавес иллюзий:
Безумный миг безмерно мал;
Исправно отдаваясь музе,
Иду искать свой идеал.

В глубинах неги первозданной
Как я желал бы вас любить,
Но слабый бред самообмана
Не явь, не явь, но... может быть?

* * *

Пустого внимания мину
Смахните устало с лица.
В пылающей бездне камина
Растаяли наши сердца.

За плотною тканью гардины
Разлит полумрак-полусон,
И веют чужие мотивы,
Поющие вам в унисон.

В безропотных недрах пространства
Изнежьтесь до боли в костях,
И росчерк изящного танца
Оставьте в его полостях.

Когда же придёт искушенье
Изведать щемящую грусть,
Я к вам неопознанной тенью
Нежданно, незвано вернусь!

* * *

Кому больше по сердцу наука;
Кто искусством прольёт в жизнь свет.
Но талант всё ж жестокая штука,
Он ведь так — либо есть, либо нет.

Хорошо быть владельцем таланта,
Чтобы был он всегда под рукой.
Я не прочь побеседовать с Кантом, —
Жаль, не стал бы он спорить со мной.

И срываюсь я, словно спросонья,
И в бессилии рву и мечу:
Сочинить бы хоть пару симфоний,
Как Бетховен, — я тоже хочу.

И, залившись потоком кофейным,
Задыхаясь в табачном дыму,
Просидеть пару ночек с Эйнштейном —
Растемяшить с ним, что там к чему.

И не то чтоб из злого тщеславья
Отмести всё, что сырое и серо,
Не боясь в подражанье поглязть.

Где же эта бесценная мера,
Чтоб понять, где алмаз, а где грязь?

Хоть ты тресни — нейдёт мне наука,
И в искусстве не видно просвета.
Да, талант — он жестокая штука,
Он ведь так — либо есть, либо нету.

И в отчаянье, приличья наруша,
Закричу я, безбожно греша:
«Кто здесь дьявол? Продам ему душу!»
Ведь на кой атеисту душа?

Пасхальное

Врозь локоны и локти. Прогрызём
Диктат цепей. Скользя поодиночке,
Вглубь — семь локтей. Дубовые сорочки
Ласкает благодарный чернозём.
Евангелья распахнут монолит.
Там танец снов о полночи весенней,
И таинство былого Воскресенья
Немое эхо гулко возродит.
А поутру наглаженный народ

Хромает к храмам штукатурных ликов,
Ликуя бранно, трётся губ клубника
И образа лобзает в полный рот.
Един для всех. Навязчиво-пусты
Движенья ряс и переливы пенья.
А луч увяз безмерьем преломленья
В условностях проекций на холсты.
Плоть идола под масляным мазком
Терзает зуд — недуг такой неловкий,
А Бог разут в скандальной потасовке
И шлёт пает по лужам босиком...

* * *

Венчайте мудростью глупцов,
Клеймите гениев безумьем
И в хижинах среди дворцов
Вершите трудовые будни.

Казните за разврат святых,
А деспотов — за добродетель,
Благодаря при жизни их,
Посмертно разорвав портреты.

В прозрениях не видя прок,
Вините в слепоте пророка,
И положась на волю рока,
Кляните самовластный рок.

В мельканье лиц, передовиц
Решайте, скромные герои,
Где сколько продано яиц
И как бы враз поднять удои.

Попутчик! Ты дави клопов —
Интеллигентское отродье.
Дух окрылённый, без оков,
У нас сам по себе пародия.

Век парадоксов. Век абсурда.
Но вот рукою лёгкой пудра
Замазала морщины щёк,
И кто-то с гордостью изрёк,

Что мы не те, умчались годы,
Воспрянь! От радости запой!
Как знать, хмельной глоток свободы
Сулит очередной запой.

Поблажка нам. Ну что ж — мерси!

Гротескна в сути время призма.
И вот читают мне в такси
Стихи про гидру большевизма.

* * *

Струился гибкий свод небес
Полуденным накалом.
И грязный диск, пурпурясь, влез
Над вечным пьедесталом.
А ветер, облака края,
Как пену, рвал громады
И перечёркивал края
Штрихом губной помады.
В тени беседки, среди книг,
Согбенно-горделивый,
Степенно ужинал старик,
Ел каравай и сливы.

* * *

Что ни скажи, нет безразличных к славе,
К ней долгий путь не лаврами увит.

Привет тебе, мой друг Иосиф Флавий,
Наивный лгун и маг-космополит.

Мы знаем силу слов, — неумолима
Она, как отцвет траурных попон.
Скажи, зачем у врат Иерусалима
Ликует чужекровный легион?

Молчишь! Так значит, храм почил в руинах
И не воспрянет в прежнем бытии?
Что ж, смена вер, как пересмена в винах,
Желательна и сбудется вполне.

И не постись. Но веруй — в бренном теле
Есть дивный дух, с которым незнаком
Народ-гурман крамольной Галилеи,
Что варит мясо вместе с молоком.

Ты заповеди, где не видишь прока,
Отбрось, как я, и плоти не томя,
Ведь писаны они не для пророка,
Так уж подавно и не для тебя.

* * *

Плотно сомкнуты створки, но где-то
Поистёrlась печати печаль,
Тетивою стрелы арбалета
Растревожена вещая даль.

Дремлют строки, сулящие кущи
Отрещенным от праздной молвы,
За знамением, властно влекущим,
Поспешают дорогой волхвы.

Не гнушаясь упряжкою бычьей,
Рвет бока оголтелая плеть.
Вороньё, упиваясь добычей,
Начинает восторженно петь.

Луч закатный ласкает им перья,
Призывая уснуть до зари.
Золочёная чудо-империя
Уготована им впереди.

От кровавых глотков губы алы,
Видно, вовсе уже рассвело...
Званых много, а избранных мало.

Места нет для чужих за столом.
В этом доме я лишний тем паче,
И за мной проскользает засов.
Я иду, и в целительном плаче

Благовестует скрежет зубов.

* * *

Ты прячешь платье в холодильник
Подчёркнуто неторопливо;
Кипит в кофейнике будильник,
Сопя без инициативы.

А на столе уже пол-литра
Откушана наполовину,
И на лице твоём палитра —
На нём румяна, как малина.

А где-то в море рвутся лодки;
Опять в Тбилиси перестрелка;
И не заштопаны колготки;
И полночи достигла стрелка.

* * *

Что ж ты водку лупишь,
Даже не бледнея?

Показал нам кукиш
Пригород Сиднея!

Он такой неблизкий,
Средь океанских лент,
Этот австралийский
Антиконтинент.

Там кроваво-алый
В бликах дня прилив,
И кроят кораллы
Острозубый риф.

И швыряет Тихий,
Окосевший вдрызг,
Бронзовые вихри
Толстогубых брызг.

Там зимы нет вовсе,
Не растёт сосна,
И когда здесь осень,
Там, у них, — весна!

А у Бори гены —
Больше по отцу.
Тамaborигены

Кушают мацу.

Надо ж, эка влип-то
Бог наш — старый врун,
Коль под эвкалиптом
Пляшут зайд гезунд.

Петербург

Город умер. Раздалось затишье.
Том растрёпан, и голос понур
Четвертумых четверостиший,
Абортивных аббревиатур.
Мозг расплющен. Он кажется плосче,
Замурованный в кафель строки.
Сотрясает Дворцовую площадь
Торжествующий вздор. Изреки!

Оправдайся! Не мы ли молили,
Став немыми, кусая губ синь
В кровь, — « In nomine Patris, et Filii,
et Spiritus Sancti... » — Аминь!

Прав лишь тот, кто грядёт. Разве тёмно

За решёткою пальцев пяты?
Но эффект от мостов разведённых
Порождает дурной аппетит.
Пятернями растерзанный саван,
И поруганный в белой ночи
Град Петра, городская канава —
Склеп достойный. Он умер. Молчи.

* * *

Да будет так: открыт ломбард.
Как круг монеты ломкой. Строгий
Квадрат лица. Сегодня строки
По матрицам перекроят.

Кустарь, и только. Можно ли
Уйти, едва отступят клёны?
Пусть разрумянят фонари
Мои следы клеймом калёным.

Уйти? Пусть разрядят наган
Салютом, молвив: «Умер? Странно...»
А месяц верным бумерангом
Воротится к моим ногам.

ТЫ ПРАВА, ТЫ, КОНЕЧНО, ПРАВА...

* * *

Ненавижу ту ткань, что крадёт остроту очертаний,
Пересмешливый гомон и долгую слякоть пути.
Я наивен, как Бог, без упрёков и тучных признаний,
Ты невинна, как свет, обещающий быть впереди.

Я боюсь потерять. Это словно становится болью.
Этот круг пустоты, для немого объятия век.
Всё, что может гореть, пересыпано радужной солью,
Что должно умереть, рассыпается в приторный снег.

Это правда, как сон. Я уже выбирать не свободен.
Всё предписано впрок, подытожено, словно печать.
Кто уплатит зарок? Или это подарок Господень?
И развеян порог. Значит, стоило было начать!

* * *

Озябший парк, пергамент мёртвых листьев
Скупого утра призрак разметал.
Спит старый пруд, и отблеск перламутра
Среди зеркал.

А розы мнут упрямо лепестки,
Дань сладострастья рамке ритуала.
На лёгкий бриз вчерашнего начала
Ложатся неприметные мазки...

1989

* * *

Ты меня изрыдала до мяса —
Я беру твою плоть, как добычу.
И от пиршества этого пляса
Отрыгается похотью бычьей.

Но разверзлось. Как истово мало.
Я убийца, я деспот, и полно...
Полотняный разлив покрывала
Очень старят морщины и волны.

Рим дрожит за своё семихолмье,
И скучает по богу Квирину.
Ты меня обязательно вспомни
В простодушных объятьях перины.

Даже в самом отчаянном скотстве
Не унять злую радость разгула.
Я утешусь изысканным сходством
Моей доли с судьбою Катулла.

Пусть стыдятся искусные боги
Повторенья дряхлеющей пытки.
Для забвенья в конечном итоге
Есть пространство и время в избытке.

Ты ж расхлестни об угол оковы
Да измажь себя падалью густо;
Ну, а после веди меня снова
На Голгофу вселенского буйства.

* * *

Я по-волчьи взбешусь и завою тоскливою нотой,
Или вовсе уймусь, подведя безысходно черту.
Всё уходит? И пусть. Мне до этого нету заботы.
Только вялая грусть, словно горечи привкус во рту.

Мне не надобно ждать переливов церковного хора.
Что могу я сказать перед Господом и пред тобой?
Мои губы ласкать жаждут больше, чем верного слова,
Упиваясь, сгорать неуёмным касаньем рукой.

Но развеется бред, страж дремучего, древнего танца.
И воротится свет, знак искомых и найденных слов.
Всё уходит? О нет! Так должно, так должно оставаться.
На вселенную лет, на безумное множество снов.

1990

* * *

Разлад умов оставил на потом,
По трепетной шкале отмеривая запах

Разбухших строк, найти дверной проём
И обомлеть: как чинно тлеет запад
За кольями домов. Какой холёный звук
Зачат сознаньем, но убит гортанью.
И молит лоб: «Подай на пропитанье!»,
А губы рвут последнее из рук.
А это значит — скучный твой супруг
Не променяет слух на добродетель.
И будут жадно дергать полы дети,
Вопросом пола озабочаясь вдруг.
А я уйду в распоряженье слуг
И буду сам копить себе монеты.
А после там, быть может, взвою: «Где ты?»
И тут почую: точно, скрипнул сук,
Скандально облохмаченный веревкой.
Ты никогда мне не казалась лёгкой.
И вот когда приблизился каюк,
Я вдруг постиг, что невесомость — это
Есть свойство всех, кто породнён петлёй.
И вот тогда захочется домой.
И очень жаль, что нету дома, нету...

1990

* * *

Сброшены оковы, но
Света не проси.
Солнце расфасовано
В гранулах росы.

В безудержной злобе ем
Камень. Вот наш кров —
За слепым подобием
Вкрадчивых углов.

Отопри же двери тем,
Кто подносит яд,
Трепетом доверия
Вздохи явь вскроят.

Станет невесомым весь
Нашей сути вес,
И сомкнётся занавес
Плюшевых небес.

1990

* * *

Всё закончится явно нелепо.
Мутный жемчуг пьянящей росы
Из бутона бетонного склепа
Выколачивать нет больше сил.

Но уйти от диктата привычки —
Значит сгинуть. Я силюсь понять
В резком воздухе анатомички
Неразъятую телом кровать.

Недомолвок раздутая проза
В многотомный прессуется пласт.
Эта женщина, кроме невроза,
Мне едва ли чего-нибудь даст.

Я не властвую вовсе над нею,
Её губ необъятна листва,
Но в подлунном зверинце роднее
Не отыщется мне существа.

Значит, вновь всё как прежде осталось,
И я даже пугаться готов

Тёмных окон щемящую малость
И обширность удушливых снов.

1990

* * *

Ты права, ты, конечно, права.
Всё воротится волей небес,
Даже если пойдет на дрова
Наш волшебный и ласковый лес.

Вновь уткнусь я в колени твои,
Мокрым носом невнятно сопя
О своей непутёвой любви
Неуклюжие недослова.

В чёрной раме чужого окна
Вновь замрёт паутина ветвей,
И ворона, вниманья полна,
Станет аистом наших детей.

Грянет эхом пронзительно: «Кар-р!!!»
И сорвётся в фонтане росы
На задумчивый Мадагаскар,

Где так плюшево льются часы.

И у солнышка есть колыбель,
И тосклившись нету причин,
Ведь в соседстве сплошных кобелей
Проживал медвежонок один.

И воротится эта пора,
Несмотря на обилье широт.
Ты права, ты, конечно, права.
Никуда это всё не уйдёт.

1990

МЫ УШЛИ НЕ ПРОСТИВШИСЬ, НЕ ВЗЯВ АДРЕСОВ...

* * *

А может, хватит вошкаться,
Визжать и поросячиться?
Ведь даже, коль не хочется, —
Всё без толку артачиться.

А жизнь — штука вредная.
А жизнь — штука злобная.
Любая и, наверное,
Даже внутриутробная.

И что мы всё коряжимся,
Кряхтя от жизни бремени?
Ведь всё равно окажемся
Мы в мясорубке времени.

А может, хватит вошкаться,
Визжать и поросячиться?
Ведь даже, коль не хочется, —
Всё без толку артачиться.

1986

* * *

А в Кишинёве нету чемоданов.
Я шмотки по карманам рассовал.
Спешат. Спешат из-за океанов
Спасительные вызова.

Мой бедный брат, пора трубить тревогу.
Нам Яр с названьем женским ни к чему.
Не знаем мы, как ходят в синагогу,
Давай же просто плюнем за корму.

Опять совдепы вертят финт ушами,
Мол, на бекицер вам, но финт не нов.
Обчистят коль — расстанемся с грошами,
Сдерут штаны — уедем без штанов.

И ничего не скажем нашим детям,
Как душу здесь истёрли в порошок,
А мы, коль родились под небом этим,
Давай еще нальём на посошок.

1989

* * *

От судьбы не жди подарков —
Выйдет всё наоборот.
Просвещённого монарха
Ждёт измученный народ.

Чтобы было чин по чину,
Ну, как встарь,
Излечи нашу кручину,
Государь.

Нужен нам державный норов
Да кулак,
А то дальше разговоров
Ну никак.

Надоело БАМу шпалы
Нам исправно поставлять.
Где же ты, Орел Двуглавый,
Появись же, твою мать.

Ты, алмазно-невесомый,
Вспрыснешь новую зарю,
А то здесь жиды-масоны

Нас сгноили на корню.

Они каверзные сети
Расставляют много лет.
И у них грудные дети
Со сметаной на обед.

Мы на взводе. Им всё мало.
Государь, не будь пархат,
В мир гнилого капитала
Выкинь их пинком под зад!

На тебя лишь уповаляем.
Без тебя нельзя никак.
До свиданья, бедный Хаим,
Здравствуй, Ванюшка-дурак.

1989

* * *

Мигрень — бальзам для эмигранта.
Родная, брось лихой костыль!
Простимся сухо и галантно,

А после разом опостынь
И не всплывай, как труп усопшей,
Но привлекательной. Уймись.
Я перештопанной галошой
Лягну и брошу ёмко: «Брысь!»
А впереди маячит Хайфа —
Туда давно проторен путь.
Так значит, есть немало кайфа,
Когда кругом свои... Отнюдь!
Не та порода... Так неловко...
Я новой качки не снесу.
Родная зрит с немой издёвкой
И давит прыщик на носу...

* * *

Покрывает нас матом ли, воем ли
Под конец разгулявшийся век-удав.
Эх, упряжечка наша с оглоблями,
Поворачивать надо б, да некуда.

Променяли житьё наше с гоями,
Пусть гниёт за бетонными блоками,
На свободы колодец с обоями

В намалёванных выходах с окнами.

Разберусь я, где хала, а где маца,
И сальцо будет сниться мне реже всё,
Всё равно тут своим не заделаться,
Даже если по горло обрежешься.

Мне прямая дорога прислужником
Поустроиться поудачнее,
А мозги мои, видимо, здесь нужны,
Как кондитеру — вымя телячье.

1990

* * *

Мы ушли, не простившись, не взяв адресов.
Пряной сказкой нам даль померещилась верно.
И глаза застилал нам простор парусов
В соответствии с памятной книжкой Жюль Верна.

Это значит, что долго сидеть взаперти —
Есть единственный шанс оставаться ребенком,
Тем, которому вряд ли, едва ль запретишь
Недоступного жаждать особенно тонко.

Снится нам впопыхах отмежёванный край
В перемешку с чужим, тут уж некуда деться,
Видно, мир — это слишком крутой каравай
Из весьма однородного, пресного теста.

Этой истиной станем кормить мы детей,
Отобрав у них стопку заморских открыток,
Утаив, как впивались мы в море огней,
Засиявших в преддверье холодных открытий.

1990

* * *

Свойства вещей первозданно просты —
Без суеты, невзирая на лица,
Каждая вещь на клочке пустоты
Не унывает и даже плодится.

Но всё звучней Нострадамуса зов
Горько витийствует, требуя места,
Крошится в прах из песочных часов,
Месится в плоть из кровавого теста.

ТУДА, ГДЕ ВОЗДУХ РАЗРЕЖЕН И СВЕТЕЛ

* * *

Мой мрачный сан — сквозить в землистой тьме,
Не обретая дерзости покоя,
Не осязая мачты кораблей
В пучинах зыбкой памяти моей.
Как платье старомодного покроя,
Несспешный сон не вяжется ко мне.

И вечность оставляя, между тем
Я всё брошу по краю отголоска
И, не войдя в его живую сень,
Не различая розу и сирень,
Не вижу лоск напрягшегося воска
Скупой свечи, чей вечный голос нем.

Пустыня Иудейская

Голубизна обвыцветших небес
Не освежит нас влагою раскатов,
И мы уйдём, едва поманит бес,
Дождливым сном, нашептанным когда-то.

Нам не ужиться в душности оков,

Пропитан ею воздух с небесами.
Когда бы нам отшельников покров,
Тогда бы край сей выбрали мы сами.

* * *

В кратной сну перемене
Угловатых видений
Спешен веер осенний
Будущих мизансцен.

К ним бы внемлить иначе.
Жаль, что дар сей утрачен,
Как у слов своезначье
Обесцветил акцент.

Окровавленным светом
И недобрым наветом
Раскаляется лето
И не верит мольбе.

Время — пагубный сыщик,
Он нас верно отыщет

Даже в блеющей тыще
Неподобных себе.

В тесном воздухе спротом —
Облюбованный чёртом,
И жарой, и подсчётом
Опустынивший дом.

В нём воздушно и слабо
Сквозь извечное табу
Тянет жёлтую лапу
Мишка — плюшевый гном.

* * *

Известен страх вместимостью минут, —
Буксуют стрелки...
Меня опять, наверное, убьют
Не в перестрелке.

А расчесав гребёнкою мишень,
Побреют чисто.
И заскользит по клавишам из шей
Кисть пианиста.

А полировка неба неспроста
Истёрлась вроде, —
Там где-то бродит пришлая звезда,
Свербя в утробе.

И обувает наши черепа
Мешок набата...
А между окон звёздная тропа
Сверкнёт крылато.

1991

* * *

Вкус землицы — непраздная ноша
В тёртых чревах, вкушающих травы.
В их числе и последняя лошадь —
Грозный вестник весёлой расправы.
Ну а город, искомый святоша,
Вмиг насытил бисквитом растенья,
И в гористых санях запорошен,
Изменил своему назначению.
Я же болен. Мне сняться калоши,

Скрип сирени, ночные облавы;
Словно снова я самый хороший,
Словно ты меня поцеловала...

1991

* * *

Как скоро пеленают времена
Окрестности в надуманные роли!
Гнездятся в них чесоточные тролли,
Костыльные гортаня письмена.
Им побоку, как я на редкой воле
Смакую свой домашний алфавит,
И тихо отживаю без молитв
Блужданье дрём, отчаянья, застолья
Да игры в перезрелых медвежат.
Самодовольство, головные боли,
Долгов и дней бесчтные мозоли —
Есть верный признак ниспаданья в ад.
А знаешь ли, как я хочу домой?!
Туда, где воздух разрежен и светел,
Где колкий и окостенелый ветер
Не причиняет боли. Жест рукой —

И ты мою в кармане греешь руку.
Мы бродим по немому переулку,
И свитер мой весь плюшевый такой.
Или где ты, на стул забравшись с книжкой,
Зовёшь меня загадочным мальчишкой,
Хотя я увалень ещё какой!
Где эта святость горьких телеграмм,
Какой же демон между нами стрялся?
Как тот монах, запутавшийся в рясе,
Я нос расквасил перед входом в храм.

* * *

На балконе вон всякая всячина
В угол свалена. А ветчина
В холодильнике, та, что заначена,
Так шагренево обречена.
Я бы рвал свою дохлую задницу,
Кабы не было больно при том,
Иль зачислился душепродающим,
Раз уж вовсе не годен в притон.
Коли тень моя грузная высится
Мне в насмешку, в никчемье, в укор,
Я бы вырос из собственных виселиц,

Кабы знал, как устроен топор.
Но с вуалию в мелкую дырочку
Я по насморку сон устранию,
И как кошечка мочит опилочки,
Стану властно соплить в простыню.
И чем ближе к утру, тем натужнее
Моя сущность изыдет на пот.
Так является во всеоружии
Полугодье сквознячных хлопот.
Я не быдло, а так, переношенный,
Перезрелый бунтарь на осле.
От меня небеса не взъерошены
В идиотской своей глубизне.
Что ж, возрадуйтесь, суки-каналии,
Черти-молодцы знайных кулис:
Мятой картою шницель Австралии
Над простуженной кухней завис.

Я НЕ ВСТРЕЧАЛ СЕБЯ, ДАВНО УЖ НЕ ВСТРЕЧАЛ

* * *

Я покоряюсь тихо
Скандалльному стремлению
К робеющему утру,
К несмелому побегу.
И время многолико,
Как трапеза движенья,
И я не стану мудрым
Ни в альфу, ни в омегу...

Я покоряюсь, видно,
Природе непомерной,
Брюзгливой, но незлобной,
Игривой, но не терпкой.
Мне вовсе не обидно,
Что всё сказалось верно,
И нет больше загробной,
И мир не машет веткой.

По мелочи распавшись,
Примерив расстоянья,
Запивши без стакана,
Занюхавши привычным,

Не чтя природу старшей,
Скрутить бы в рог бараний,
И то не будет странным,
Смешным и неприличным.

* * *

Синхронная стая
На небе простывшем
Ушла, улетая
В полёте неслышном.
И голую палок
Обрезавши ломкость,
Ледок обуяло
Покусывал локоть.
Растянутым в вечность
И прибранным в малость
Казался мне путь мой
Среди постоянства.
И снова мечталось,
И снова игралось,
Как в выцветшем детстве,
Замылившем сладость...

Кручиня поспешно

И грезя с придыхом
О славных мириах
И нарезанном хлебе,
Мы точно взошли
На престол...
Только выход
Не в хлебе, не в думах,
Не в свете, не в теле.
А выход в неспешном
Заряде возврата
Туда, где нарочно
Задёрнуты шторы,
Туда, где мы вместе
Молчали когда-то,
А души вели
Вместо нас разговоры.

* * *

Эклера нутро, крем горами — верхами,
Электро-задёрнутый символ буржуя.
Мне нужно давно по делам, между нами,
Но я всё сижу и мечтаю, рисую...

За синим заслоном судьбы ли, молебна
Мы словно живём, одуваляем светом,
Не ярким — скорее, притупленным где-то,
Но только притупленность эта целебна.

От яркого всплеска, от силы разгула
Рассветов ли, праведных вспышек сверхновых
Храни ты нас, Бог, как хранишь ты посулы
Для страждущих вечно чего-то иного...

* * *

Уносимы на спинах чужих,
Ускользающих чудо-животных...
В сюрреально безликих ландшафтах,
Затерявшись в глубинной дали,
Вы, как в дерзких мотивах Дали,
Где на тоненьких ножечках ватных
Всё кочуют в болотных полотнах
Непричастные к делу слоны.

Ваши лошади движутся мерно,
Вроде быстро, хотя и неспешно,
Вроде вдоволь насытившись силой

Своевольных варяжских подков.
Как и принято у чудаков,
Семеню я за вами тоскливо,
Но отстану, вернувшись, конечно, —
Что и к лучшему будет, наверно.

* * *

Я калибрую память под бока
Несспешно наползающего времени,
На скорую, совсем чужую, руку
Свою кладу ракушки и значки
Из детства, что в карманы клал пока,
Всю жизнь свою беспамятством болея,
Грядущего не помня, но и с тем я
Когда-нибудь смирюсь наверняка.

От слова «детство» хочется мне выть!
И отрицать наличие такового,
Как отрицают микроорганизмы
Нас как людей, но любят как среду.
Я дням своим как будто счёт веду
И вижу свет сквозь замкнутую призму,
Что из луча бесцветного простого

Рождает гаммы световую нить.

* * *

Я не встречал себя,
Давно уж не встречал,
Я, видно, в суете
Забыл свой прежний адрес,
Я, видно, распустил
По дому злые слухи,
Что было бы мне лучше
Не видеться с собой.

Сухого ноября
Озябнувший причал
Приносит всё не те
Мне мысли, тихо маясь,
Он, видно, не простил
Октябрь листоухий,
Что тот не дал им дружно
Гонять по скользким лужам
Листву свою гурьбой.

* * *

Мои стихи пронизаны тобой,
Как веточки, пронизанные небом,
Как капельки, проникшие сквозь стёкла,
Пронизывают тонкий лёд стекла.
И дней моих нехитренъкий покрой
Весь из тебя. Укутавшись в нём, мне бы
Всё наблюдать, как утра гаснут блёкло
И как почти что вечность протекла...

* * *

В изогнутость свою
Упрятав число «пи»,
Разменная чекань, —
Я звонкая монета!
И вещи мне поют:
«Купи меня! Купи!»
А я звеню: «Отстань!
Считайте — меня нету!»

В глубинах кошельков
Мне душно и темно,

В брюхатистых карманах
Сестрицы меня ранят,
На разных языках
Зовут моё число,
И знают в разных странах,
Зачем меня чеканят.

Но вот в какой-то день
Неграмотный чудак
Швырнул меня в фонтан,
Чтоб, мол, ещё вернуться...
И я как чью-то тень
Сквозь воду вижу — так,
Мне кажется, что дан
Опять мне шанс проснуться.

Фонтанная вода,
Как жидкое стекло,
Как трепетная линза,
Весь мир мне искривляет,
Последний шанс не дан.
И время истекло,
И крошится капризно,
Струями излучая...

* * *

Задевая едва колебанья
Среди шёпота звуков лесных,
Образует воронки в пространстве
Каждый день, каждый час, каждый миг.
И я вроде как будто привык
Разбираясь в злосчастном шаманстве
Этих тиканий внеполосных
Без большого ущерба сознанью...
И как прежде, в упорстве бараньем
Я всё жгу понемногу мосты
В избежанье беспочвенных странствий,
И срываюсь на сдержаный крик,
Если кто-то мне скажет: «Старик,
Отчего ты в своём постоянстве
Видишь верх воплощенья мечты?»
Я б убил его утренней ранью!

* * *

Не надо быть слишком серьёзным,
К своим пустякам разморённым,
Не надо быть плоти послушным,

У плоти есть много задач...
Не следовать признакам грозным
В отчаянье лета спалённым,
Не маяться полдником душным
Средь сонного марева дач.

Не надо считать, что мотивы,
Бубнящие славные строки,
Отправлены к нам из вселенных,
Где звёзды чеканят стихи,
А надо быть просто игривым,
Немного забавить пороки,
Швыряя разменной монетой
И крупных купюр корешки.

* * *

Связь времен настолько сильна, что мне
кажется, параллельно с нами по шоссе
ходят динозавры.

Мой брат Миша

Связь времён — это грузная чаша,
Мы всё бродим среди параллелей,

В этом месте чудовища ели
То, что прятала страшная чаща.
И теперь здесь со мной в этом месте
Окровавленных скул колебанье,
Я лежу на потёром диване
С динозаврами хищными вместе.

Ведь у времени нет расстоянья
Меж событий, как нет перемены
В разлинованных судьбах столетий
И волнующих миллионлетий,
Здесь со мною в просторном экране
Не воздвигнуты чёткие стены
Между тем, кто уже неприметен,
И пока что приметными нами...

* * *

Любовь мрачна, как талые снега
Мрачнеют зябко, исчезая зыбко.
Любовь мрачна, когда она мертва,
Когда она нам кажется ошибкой.

Глаза ослепнут в сумраке ночей,
Уста устанут в сумраке молчанья.
Любовь мрачна, коль кажется грешней,
Чем смертный грех унылого отчаянья.

ПЕРЕВОДЫ СОНЕТОВ ШЕКСПИРА

1

В созданьях чудных отражая высь,
Живи, надежда, в нас, не умриай!
Пусть змеи смерти в нашу жизнь вплелись,
В своих потомках память сохраняй!
Но ты, влюбив себя в свои глаза,
С усердьем кормишь этот пламень всуе,
Творя разруху, где был сытый край,
Из родников ты похищаешь струи...
Когда в орнамент мира свежих лент
Вплетаешь ты банальности весны,
То знай, что твой надтреснут постамент,
Не расточай напрасно силы ты!

Мир пожалей! Не так себя люби,
И этот мир с собой не погуби!

2

Как сорок зим нам взбородят чело,
Тревожа гладь на пастбищах заката,
Так гордый стан, согнувшись о число,
Листвой пожухлой разменяет злато.
Где свежесть лет, низвергнутая в прах,
Где блеск похвал, где призрачность преграды?
Они в глазах, затопленных глазах,
Среди стыда, моленья и досады.
И тот лихой бесенок новизны,
Устав от нас, резвится в наших чадах.
О, как объятыя времени тесны.
Не нам ли новь уже иная рада?

Пусть кровь вскипает в жилах наших чад,
Когда уже привычнее нам хлад.

3

Ты, отражением своим любуясь,
Пока не веришь в близость листопада.
Но, вековой природе повинуясь,

Тебе свой след в миру оставить надо!
Ты деву ту, чей нецелован лоб,
Своим вниманьем нежным одари!
Ужель готов примерить тесный гроб
Ты, не увидев плод своей любви?
Так, отражая мать свою внутри
Бездонных глаз, апрель рождает май,
Ты в эти окна нежно посмотри
И все ее желанья угадай.

Коль не увидишь плод своей любви,
Грозит тебе забвенье впереди!

4

Ловя лениво наслажденья миг,
Ты не ведешь своим потратам счёта,
Но естество — холодный ростовщик,
Давать дающим — вот его забота.
Бездетный плут, зачем не передал
Дар жизни детям, сам упившись сладко,
Его проел, пропил, процеловал,
И сумму сумм растратил без остатка?
Ведя со смертью торг, один, как перст,
Ты сам себе не мил и не доходен,

И, оставляя солнце здешних мест,
Что ты предъявишь у полночных сходен?

Твой дар уйдет под камень гробовой,
Кто жизнь другим дал, будет тот живой.

5

Пружинки часового волшебства
То мастерят мелодию для взгляда,
То бьют, тираны, всласть в колокола,
Всё разметая до пустыни ада.
Без устали тугое время гнёт
Крутую спину вороного лета,
И в зимний погреб до поры кладёт
Его цветы и сны шального цвета.
И тот цветок, что заключен в стекло,
Последний луч померкнувшего солнца
Глотает жадно, чтоб не протекло
Ни капли жизни, выпитой до донца!

Так умирает сорванный цветок,
Оставив нам своей любви глоток.

6

Ты зимних мачт и их озябших рей
Не допускай в безбрежье летних сил.
Сосуд любви дыханьем отогрей,
Ведь ты его едва ли пригубил!
Ты, отбывая вечность взаперти,
Не посетил любви запретных стран,
Не отдавая долг свой до зари,
Себя в веках ты не умножил сам!
Когда, счастливый, среди старых карт
Ты все пути оставил позади,
Десятикратно, распалив азарт,
Ты сам себя в потомках воплоти!

Пускай погибель распускает веер,
Теперь тебе не страшен смерти север!

7

Когда восток младому солнцу рад,
Как верный пес, его он лижет край,

Так, приковав к себе всех смертных взгляд,
Ты — как светило в свитах птичьих стай.
Да и когда, уже в расцвете сил,
Напоминая всадника в седле,
Златое солнце расточает пыл,
Вновь обратятся взгляды все к тебе.
Но лишь полуденный ослабнет жар,
Поглотит запад солнце, как злодей.
Тебе же скажут: «Ты стал слишком стар»
И отвернутся от тебя скорей.

Тогда нам в царствах полуночных лун
Пусть станет утешеньем сын-шалун!

8

Как музыку твою заглушит вой ли, бред ли?
Не бьётся сладость ведь со сладостью войной!
Зачем мы любим тех, кто нам желает смерти,
И ненавидим тех, кто манит за собой?
Рукою зачерпнув скопленья звуков, пауз,
И пальцами едва затронув струны мира,
Внезапно мы поймём, что нам милее хаос,
Чем музыки любви гармония эфира!
Как чаду своему любая мама рада,

Как к матери своей любой стремится сын,
Так музыка любви, взрывая все преграды,
Желает лишь того, чтоб не был ты один!

Того, чья песня бессловесна, знаешь сам,
Ждёт впереди лишь небытъя капкан...

9

Из страха вдовьих слез ты не давай
Себя размножить от омег до альф!
Ты одиноким лучше умирай,
И мир накинет черную вуаль.
И мир начнет, как выпь, по-вдовьи выть,
Что, без наследника его ты оставляя,
Исчезнешь весь. Вдове — и той прожить
Ведь помогает дочка молодая!
Смотри ж! Ведь будет этот мир задет,
Что прожил жизнь ты, как лишайник жесткий,
Никто не сыщет в днях грядущих лет
Твоих потомков чудо-отголоски.

К другим в себе любви не сыщешь ты,
Коль миру прочиши вуаль вдовы.

НЕ Я ИЗБРАЛ ТЕБЯ, НО ТЫ МЕНЯ!

КТО ВИНОВАТ В ТОМ, ЧТО МЫ ОДИНОКИ?

В сопитии земли и неба
Рождаются зеркал крупицы,
Дождя угрюмая телега
Опять стремится сном забыться.

И непослушные аккорды
Дрожащих в неге струйных капель
Вдруг населяют словно орды
Пространства сероглазый кафель.

И растравив внезапно душу
Стремглав ревет безликий ливень,
И мертвой хваткой впившись в сушу
Безбрежных вод прилив обилен...

В движеньи их нет пищи мысле
Как нет в них жизни оправданья,
Над нами небеса зависли
Как ткань знакомого преданья.

Мы различаем в молний свете
Намеки, знаки, судьбы, сроки...

Но только сами мы в ответе,
За то что вечно одиноки...

В ХРАМ СПЕШИ...

Силой злаков
Древних знаков
Мы напрасно дорожим.

Пред судьбою
Мы с тобою,
Ни трепещим, ни дрожим.

Видно нет скорбей напрасных,
Видно нет напрасных ран,
И для нас тоской безгласной
Неспроста наполнен храм.

Суждено нам оставаться
В этой пристальной тоске,
Словно давний голос раций
Нам напомнил о войне.

Сколько соли и сомнений

Нам пришлось с тобой вкусить,
И в свои пустые сени
Вновь и вновь тоску пустить

Видно скорби нам даются
Лишь затем чтоб исцелить
Буйной страсти злого блюдца
Переполненную прыть

Но кричат мне: «Это – бредни!
Не узнать тебя теперь!»
Ну а я спешу к обедне
Отворяя настежь дверь.

В храм вхожу, таюсь, любуюсь
На безбрежный глас небес.
Мне ж кричат: «Не тренируясь
В небеса бы ты не лез!»

Потерявшийся в крапиве,
Заблудившийся в песках
Сам себе я стал противен
Как мозоли на руках.

Как разнузданные язвы
В потайных зрачках души,

Я измученный и грязный
В храм спешу и ты спеши.

* * *

Не я избрал Тебя, но Ты меня!
И я стремлюсь отправиться в дорогу,
Как пение седого соловья
Стремится ввысь к внимательному Богу.

И всякий град, что станет на пути,
Допустит путь меня в свою утробу.
И средь волков, как агнец средь толпы,
Я помолюсь внимательному Богу.

Пусть жатвы много, делателей — нет,
Пусть песнь поют тяжёлые колосья,
От них струятся как нетварный свет
Святых молитв живые отголосья!

Войдя же в дом, я пожелаю мир.
И мир почиет иль метнёт к порогу.
Как много званых на роскошный пир,
Но не спешат к внимательному Богу.

Пусть не приемлют нас, пусть гонят нас
И расточают собранное нами.
Пусть ждут знамений и суровый глас,
Гремящий с неба грозными словами.

Я буду верить, ждать без суеты,
Без буйных криков, без шаганья в ногу.
«Не я Тебя, но выбрал меня Ты», —
Я всё шепчу внимательному Богу.

* * *

Не верь уму. Ум слишком часто лжёт.
Ему привычны лживые советы.
А поступай всегда наоборот:
Ищи всегда Евангельского света.

И посетит Господь не раз тебя,
И исцелив, взглянет для беседы,
Ты драгоценным миром, не скорбя,
Омой Его и позабудь все беды.

Ведь нищих много, хватит им щедрот.
А Бог один, отдай Ему всё сразу.
И поступай всегда наоборот,

Чем поступать велит лукавый разум.

Мы верим странно, сторожась утрат,
Все подсчитав расчётливей Иуды.
Спешим к Каифе, не дождясь утра,
И не дождясь дождя, целуем в губы.

Наш ум — не светоч. Немощный маяк!
Не светит он, а лишь чадит и маёт,
И сам понять не может он никак,
Что ничего, увы, не понимает!

Итак, прошедших дней нам не вернуть,
Дней без молитв, растряченных напрасно.
И погребая веры нашей суть,
Мы погребаем Бога ежечасно.

Но каждый миг нам дан повторный шанс
И воскрешает в нас живого Бога
Живой молитвы непрестанной глас,
Живой молитвы до конца, до гроба!

* * *

Противоречья сути нашей
Лежат в основах бытия.
Души стремленье к манной каше
Порой мучительней огня.
И я – Весы по Зодиаку,
В метаньях сумрачных и я...
И для меня служенье Знаку
Порой мучительней огня.
Пусть нет покоя в нас и меры,
Хотя без них прожить ни дня...
Но жизнь без цели и без веры
Всегда мучительней огня!

* * *

Снова вязкая боль
Облегает как плед,
Как сыграть свою роль,
Не соскальзывать в бред?
Как на сонных просторах
Былых облаков,
Не страдать от укоров
Позабытых богов?
Как на крыльях весны
Без пурпурных тирад,

Научиться любить
Этот мир, этот ад...
Как без верных устоев
Спасительных юрт
На ветру обустроить
В этом аде уют?

* * *

Как трудно, мучительно трудно,
Отбросить и скомкать в ничто,
Всё, что проживает подспудно
В душе и кромсаёт её.
Родителей блеклые лики,
Грозящие нам из дали.
Мы все были равновелики
Пред детством лишённым любви...
Но нынче сменились эпохи,
Довольно в подвалах рыдать...
Ведь может не так уж и плохи
Отец и несчастная мать...
Не даром же нам «не судите...»
Распятый Господь прошептал...
И давних обид обличитель
Пусть канет в бездонный подвал.
Времён обмороженных выюжных
Не следует вновь воскрешать...
Душе ж для спасения нужно,
Её ежечасно спасать...

* * *

Брошенных проклятий
Мы не замечаем.
Мы ступаем твёрдо
По земле людей.
В безразличья вате
Греемся мы чаем,
Повседневность гордо
Правит бал чертей...
Заповеди-скрепки
В сути новомодной
Правят бал соитий
Призрачной любви...
Я не буду гордым
Истуканом в кепке,
Впрочем и без кепки,
Тоже не проси!
Я ни в мирный атом,
Ни в кошмар бездонный
Больше не поверю,
Не поверю! Всё!
Я рождён евреем,
Я ругался матом.
А теперь не стану
Больше ни за что.

* * *

Нашей жизни путь неровный
Не сравняется с прямой.
Нет молитвы нецерковной,
Нет молитвы неживой!
Губ истёртых содроганье
— не молитва и не мысль...
Выбрось идола с рогами,
Сердцем сломленным молись...
Каждым вздохом без отказа,
Каждой каплей своих сил,
Собирай себе алмазы
Средь небес, не средь могил!

НАТАЛЬЯ БОГУШЕВСКАЯ

АННА КРИГЕР

БОРИС КРИГЕР

АМВРОСИЙ

Поэма – Burime

- 1 -

Мы ненавидим повседневность,
Хоть, впрочем, не парим во снах.
И променяя любовь на ревность,
А веру на привычный страх, –
Мы обращаем жизни в прах.
Во всем том виноваты сами...
Стремимся грешными речами
Найти забвение в словах.
А слово – скверная порука...
Оно лишь эхо букв и черт.
Но нам привычна эта скука –
Нести повсюду гордый бред.
Так мы блистаем интеллектом,
И перебрав с десяток тем,
Бахвалимся умом при этом,
Хоть все кончается ничем...

- 2 -

Жениться нужно непременно,
(Я говорю это всерьёз.)
Ибо женившись, несомненно,
Скорей избавишься от грёз.
Мечты на мелкие желанья
Менялой пошлым разменяя,
Забудешь свой нескучный нрав,
И сладость самолюбованья.
Чем удивит нас напоследок
Семейный быт? Обильем яств?
Жить как петух среди наседок
Иль как павлин средь скучных пав?
От трудностей, что вы бежите,
Вы зря стараетесь бежать.
Живите, празднуйте, дышите,
Скорбей - тем побеждая рать!
Забудем всё, что нам мешает,
Отбросим всё, что нас гнетёт...
Ведь жизнь - не самый прочный плот!
Глядишь - а нас уже не станет...

- 3 -

На улице едва ль умытой,
В едва ль известном нам краю

Жил скромный житель, с виду – сытый.
Хоть не сказать, что жил в раю.
Он был ни стар, ни молод, статен.
А как иначе? Ведь герой,
Если не мудр и не знатен,
Обязан быть хорош собой.
Я имени не разглашал бы,
Но знаю, что боимся мы
И анонимности как жабы,
И откровенности как тьмы.
Итак, не смея на вопросы
О имени часы терять,
Признаюсь. Звать его – Амвросий.
Ну, так его назвала мать...
В честь одного того святого,
Что в прошлом веке старцем был.
Носитель имя непростого,
Однако ж старцев не любил...
Как не любил и все, что может
Простую жизнь осложнять.
Нам трудно это все понять...
Хотя понять это несложно.

- 4 -

Мы свято верим в суеву.
Мы верим, что спасёмся ею,
И беды все мы ей развеем,

И счастье схватим на лету.
Однако ж мир устроен как
Неодолимая удавка,
Её не сбросить, как ни гавкай,
Её не выкинуть никак...

Мы свято верим в простоту,
Что если всё отбросим сами,
Свободнее, конечно, станем,
Поймаем счастье на лету.
Однако ж мир нас гонит как
Коней закашлявшихся в пене,
В глазах от солнечных затмений
Уже не пропадает мрак.

Мы свято верим, что дойдём
До самой сути непреклонно,
И даже в шёпоте влюбленных
Мы видим праведность икон.
Однако ж мир нас всех сгноит,
Поодиночке распиная,
И эта истина простая
В конце концов нас усмирит...

- 5 -

Не нравится? А что поделать...

Как не споткнуться на пороге?
Вот были б сами мы как боги
Тогда б совсем другое дело...
Вот были б сами мы как птицы,
Не сеяли бы и не жали,
Тогда бы нам чужие дали
Открыли тайные границы...
Тогда б закаты и зарницы
Мы беззаботно провожали,
Не омрачали б наши лица
Неодолимые печали...
Но мы не можем, не дано
Нам жить без муки и без цели,
И нас не радует вино,
И нас не радуют постели...

- 6 -

Таким же был и наш герой.
Он жил в чаду суициdalном.
Он не мечтал про берег дальний
Вечерней призрачной порой.
И хоть он с виду был живой,
Давно в нем жизнь омертвела.
Душа не покидала тела,
Лишь от того, что ей домой
Еще не время возвращаться!

Так во вселенной нам вращаться
Стучась о стенки головой,
Бранясь, придется то и дело...
«Но это не меняет дело», -
Как говорит мой домовой,
Когда его не замечая,
Порой случайно наступлю
На его дряхлую метлу,
Или пролью полчашки чая...

- 7 -

Итак, Амвросий, что же он,
Как детство проводил—в бездельи?
Ну нет, трудягой был с измальства наш герой,
Хоть и совсем не жил он в келье.
Мамаша с именем Августа Валерьянна,
Папаша, Ричард Львович... Боже мой!
С таким имен набором нам уже как будто страшно,
И хочется, где был, стремглав бежать домой.
Но раз уж начали рассказ—
Деваться некуда нам боле,
Покуда утолим тотчас
Создателя имен благую волю.
И чтобы испугаться сразу до конца,
Добавим имена Амвросия дедов и бабок,
Которые, как строчка из письма,
Идет, как неотъемлемый добавок.

- 8 -

Изольда Казимировна, бабуля,
Из здравствующих бабушек она,
Дожив до ста пяти, играя в покер,
Искусствам, музыке и чтению отдана.
Одета, будто все еще млада:
И византийская тафта, и креп-жоржет для блузки.
Ни войны, ни пожары, ни вода,
Не повредили красоте и виду нашей андалузки.
Севилья и Гранада, Малага, Хаэн, Кордова...
Все праотцы и матеря ее оттуда родом сизошли.
Хоть Казимир Адамыч, батюшка,
мужчина из Варшавы,
Но первенцы испанки с Казимиром—
в России все произросли.

- 9 -

Испанский нрав цементом склеил
Изольды нежные черты.
Ее характер не елеем,
А серой мы назвать должны.
Всегда во всем имея мненье
Сродни железу и огню,
Не зная страха и сомненья,
Вела она свою семью.

Так рядом с каменной громадой
Скалы Изольдинах страстей,
Взросла Августа. В их ограде-
Серейшая из дочерей.
Из недр вулкана изверженным,
Мы можем быть лишь пеплом тленным...

- 10 -

Дочерний же муж происходил
Из несколько иных мерил:
Потомок Ривки и Исаака,
Но житель славного Торжка.
Его родителей тоска
По романтизму и скитанью,
В конечном счете привела
К Ричарда имяназыванью.
Так книжность кочевых племен
Зудит цветистостью имен.

- 11 -

Итак, намешано кровей
В герое нашем было много...
Он стал подобием итога
Бесчетных судеб давних дней...
Нередко так бывает в жизни,
Врожденный грех нас тяготит,

И к новому греху клонит,
И заставляет в пессимизме
Нас беспрестанно пребывать.
Такими нас родила мать,
Зачал отец... А что поделать?
Душа, как узница у тела,
Не знает, чем себя занять.

- 12 -

Амвросий женщин не любил.
Он в них не видел цели, смысла,
И в дебрях своего бесчинства
Пустых побед он груз копил.
Но, впрочем, не любя людей,
Терпел их сколько может птица
Терпеть отсутствие зарницы
Во мраке иступлённых дней.
А женщины его любили,
Как это водится у нас,
Любить всех тех, что нас губили,
И ненавидить в тот же час...

- 13 -

Еще два слова мы про предков,
Отца и мать, хочу сказать,
Должны немного дописать,

Покуда этот след и вправду крепкий.
Августа, серенькая мышь,
С испанско-польской кровью в теле,
Она была тиха в безделье,
А делом — вряд ли совратишь.
Сидела дома и вязала.
Обед готовив у плиты,
Она, как будто бы дремала,
Не видя супной красоты.
Работала и нет.
Жила и проживала.
Она, порой, как будто тосковала,
Но это не меняло качество котлет.

- 14 -

Папаша Ричард Львович — не дурак был выпить.
Он также не дурак был погулять.
Юнцом в Торжке не проходил он мимо драк,
А в детстве задирал в округе всех собак.
Поэтому был прозван «Львиным сердцем»
По папе и по выходкам своим.
(Ведь наш Исаак стал Львом Плисецким)
Да-да, об этом помним мы, хоть и молчим.
Поехав в Ленинград, в желаньи поучиться,
Плисецкий Ричард был не прочь жениться.
Августу встретив в булошной центральной,
Он тут же сделался совсем уже нахальный.

Навешав комплиментов,
Словно бубликов на связку,
Августу он в себя влюбил
Под самую завязку.
Изольда лихача такого
Взлюбила прямо как родного.
Сыграли свадьбу в граде на Неве,
Зачали первенца недели через две.
Амвросий летом появился.
Отец уже студентом был,
Работал сразу и учился,
Отличником-студентом слыл.

- 15 -

Пока маман супы варила,
А тятя юбки собирал,
Судьбы начальные горнила
Амвросий скромно прошагал.
Дет сад, школьство, пионэры,
Его, увы, не обошли.
И жизни средь людей примеры
Во кровь и плоть его вошли.
Там было все — компот в столовой
Сосед Василий - алконавт,
Учитель серый, бестолковый,
И том похабненький в стихах.
Коль никому мы не нужны,

То сами выживать должны...

- 16 -

Ах, школы, школы, кто же вас усеял
Детей невинными костями?...
Кто б, наконец, учесть затеял,
Мильоны зачумленных вами...
Распят, как меж двумя конями-
«Товарищами» и учителями,
Меж мук растянутых на век,
Глядишь — и сломан человек...
Терпел — кто муку сочетанья
Изгойства или изdevанья,
С тупой тоскою школьной дня,
Тот сразу же поймет меня...

- 17 -

Амвросий ж, узкий от рожденья,
Имел талант приспособленья.
Уроки стойко посещал,
С учителями не рядился,
Работы все всегда сдавал,
Хоть не отлично, но учился.
На переменах он скакал,
Кого послабже оседлая.
Так это ведь игра такая,

Ты что ж, приятель мой, не знал?
Об идеалах не мечтая,
Он дев доступных целовал,
Вино и пиво пил простые,
Беседы вёл всегда пустые,
О смысле жизни не страдал,
Не думал он - соображал.
Увы, «недуманье», мой друг,
Для нас - наука из наук...

- 18 -

Зачем, забыв свой школьный ад
Покорно шлём мы в школы чад?
Сей парадокс необъяснимый
Едва ль удастся объяснить.
Зачем от парты до могилы,
Вместо того, чтоб просто жить,
Мы, растеряв младые силы,
Берёмся за сизифов труд
Доказывать, что «не верблюд»
Стадам приурошных верблюдов,
Набивши шишек там и тут,
Идём учиться в институт.

- 19 -

Да, мрачно жизнь нарисовалась.

Но так не может быть совсем,
Чтоб с детства-юности осталось
НИЧТО с заглавной буквы Н.
Изольда Казимировна здесь приложила руку
И внука повела постигнуть музыки науку.
Сначала фортепьяно в детской семилетке.
Хотя пришлось ей пить сердешные таблетки.

И классе, эдак, в третьем наш Амвросий кучерявый,
Характер проявив достаточно упрямый,
Не зажелал стучать по клавишам пиано,
Увидев как-то сакс блестящий окаянно,
Он на концерте в музыкальке прозвучал,
И за живое Росю зацепил – за сердце взял.
А Росей – так звала его бабуля –
Любя, как бабки любят юных отпрысков своих.
Такая бабко-внучья доля –
Последняя любовь одной им достается на двоих.

- 20 -

Да, это верно, школа мучит.
Но как бы вышел толк тогда?
Ведь что-то нас и жизни учит,
Столкнув с обрыва, бросив у заросшего пруда.
Загнав на самую верхушку,
Откуда выход - только вниз свалиться.

Все так – мы можем насмерть расшибиться,
Но если выживем, то нам хвала, подружки,
И больше так вовеки не разбиться.

А вы представьте, если «под колпак» посадим,
Пылинки сдуем все со всех сторон,
Накормим щедро и одарим
Любовью, нежностью, заботой. Что потом?
Бактерицидная среда!
А мир бактерий полон,
Микробов зла и вирусов обиды.
И месть так кровожадна и, порой, сильна,
Не успокоится, коль не дойдет до дна.

И что тогда? Как жить подрощеному чуду?

Оно привыкло, что повсюду
Царит сплошное благоденство,
Которое не нарушало б счастья детства
Отрыжкой и гримасами злодейства.

Так погибает существо живое,
Иммунитет которого не развит.
В дистиллированой воде и самое простое
Творенье божье гаснет.

Увы, жизнь такова, как не желали б мы иного,
Чтоб из добра не вышло зла большого.

И нам помогут мудрость, ум, терпенье, воля.
Но не перемудрить – ума нужна лишь доля,
Терпеть, но волю не давать бесчинствам,
А силу воли проявлять хотя б по четным числам.

- 21 -

Отлитые по образу Творца,
Не в силах обрести Его подобья,
Мы тщетно сторим башни вавилоньи,
В предчувствии известного конца...

В мечтах рисуем райские картины,
Которых нет на белом свете краше,
Но ожидают жалкие руины
Сторителей величественных башень.

В разноязычье замкнутого круга
Рассеянные словно в наказанье,
Напрасно силимся понять друг друга,
Самих себя уже не понимая...
Забросив свои житницы и пашни,
Продав, что можно, или даже больше,
Мы покупаем, ждать не в силах дольше,
Последний камень Вавилонской башни.

Достроив свод её верховной арки,
В гордыне возвышая голоса,
Мы обращаем в жалкие огарки
Все то, что в нас стремилось в небеса.

Однако жажда творческого пыла
Гнетёт до смерти воспалённый ум,
Волнуя с колыбели до могилы
Несбыточностью непослушных дум...

Амвросий не был обделён талантом
Владел он кистью словно юный бог,
А потому, конечно, вряд ли мог
Он избежать известной в мире мантры,
Гласящей, что нельзя губить талант,
И это так, ведь всякий жалкий франт
Кичится славой чудо-модельера
«Хоть это не меняет дела» -
Как говорит мой домовой,
Когда он принимается за вой,
Едва в него ослабевает вера.

Однако мать Амвросия считала,
Художество - уделом маляров,
И как бы ни был приговор суров,
Оно ее сынишке не пристало.

Не избежав в том материнских пут,
Не стал, увы, художником Амвросий.
И после школы в первую же осень -
Пошёл в архитектурный институт.

- 22 -

И поступив легко в архитектурный,
Амвросий наш совсем не ожидал,
Что очень скоро попадет в аврал
Со множеством заданий конъюнктурных.
Коль хочешь тут в студентах состоять,
Тебе нужда за кульманом стоять.
Архитектурная учеба, брат, не шутка,
Не то, что саксофон—чего там, дудка!

Кой-как промучившись один семestr,
Амвросий чуть «на стену не полез».
«Нет, не хочу я эдак годы жизни...»
И он исполнил по архитектуре тризну.

Августа Валерьянна сильно так страдала:
Супы, котлеты и торты готовить перестала.
Ей не хотелось ничего другого,
Лишь сына—архитектора большого!
Она слегла и стала чахнуть на глазах.
Ах, все надежды и мечты—все тлен да прах!

В ту пору Ричард Львович, папа,
Добравшись до начальственных высот,
Его прозвали на работе «шляпа»,
Поскольку «шляпами» он называл народ.
Нет, не на улице людей простых и смертных,

А тех, что на работе у него,
Когда, случалось, в кабинет в обед их
Набыются-- потревожить ум его.
Один пожалуется, а другой с докладом,
Уж третий просит сроки оттянуть.
Иного хочется тяжеленьким прикладом
По маковке легонько звездануть.

А дом всегда был тылом и обедом знатно-сытным:
Августины борщи, карпачо и харчо,
Изольдины рассказы об античном,
Пасьянсы, музыка и гости-старичье.

И только отчего-то с сыном
Ничто их не сближало, никогда:
Ходили ли на даче с дрыном,
Спасаясь от соседского козла,
Рыбалку затевали ли с дружками
Или смеясь, давились вместе пирожками.

Увы, не стали ближе эти двое,
И домовой—хоть вой-не вой,
Хошь—протестуя, перейди жить в дом другой,
С верандой, вишнями, рекой.
Короче—начался августин вой.

Конфликты поколений неизбежны.
И нечего об этом слёзы лить...
Как только покидаем возраст нежный
Стремимся всё по-своему учинить.
Так и Амвросий принялся с дружками
Бесчётные попойки учинять,
И как его не усмиряла мать, —
Был вечно пьян, как мы бываем сами
Пьяны нечасто, с завистью слегка,
Ко всем, кто пьёт, плюя на повседневность,
Которую мы ненавидим с вами,
Но от неё, лелея нашу трезвость,
Всё не дерзём избавиться пока.

Амвросин саксофон немало весил.
И шею тёр. И своей жизнью жил.
Сварливым был, когда Амвросий весел,
Паясничал, когда был свет не мил.

И в этих звуках был протест открытый
Против всего, что кроется в грехе...
Что нас ведёт к расколатым корытам
И злато-рыбкам сваренным в ухе.

Ведь мы на всё способны, в том и дело...
И саксофон прекрасно это знал.
Жонглируя своей душой и телом,
Он то пронзительные ноты брал,

А то бывало квакал непомерно...
Ведь так не зря устроено, наверно,
Что прямо с корабля на бал
Мы попадаем. Нас еще качать
Не перестало меж огнём и раem.
На саксофонах мы своих играем
О том, что мы не в силах прокричать...

-24-

Конечно, пьянство—это как бы плохо,
Но кто через него не проходил?!
Особенно, когда студентом был,
Пил до бесчувственного вздоха.
Потом бросал, искал,
Метался отчего-то
И, наконец, порой внезапно находил,
Освободившись от того, что было неохота.

Опять же в те года, как нынче тоже:
Висел дамоклов меч военной службы. Молодцам,
Кто не учился в институте, тем не гоже
Не стать солдатом по армейским образцам.
Амвросий думать не желал об этом вовсе,
Не просыхая, отрывавшись тут и там,
Дудел на саксе джаз и рок и даже попсе

Давал он ход по кабакам все больше по ночам.

А мама, как она страдала!

Превозмогая боль и страх в душе совсем потухшой,

Задумавшись, она случалось забывала

То кран закрыть, то вылить суп протухший.

Отец командировками увлекся по стране:

Летал в Сибирь и на Урал, в Калининград и Сочи.

И не осталось у него ни капли мочи—

Хотел укрыться где-то в стороне.

Вот так бывает—все рассыпалось в песчинки в одночасье,

Когда в один из серых дней младой весны,

Внутри которой, как и вне, еще ненастье,

И птицы не поют, хотя уже давно должны.

У нас с весною нынче тоже как-то кисло—

Любви не получается совсем.

Дождями и туманами повисла,

Безлистными пейзажами сопрев,

Морочит холодом и ветром наши главы.

И, тучами пугая, гнусно солнце пряча,

Устраивает нам засады и облавы,

Долготерпенью человечьему, о Отче Наш!

Но не сдадимся ни за что—

Не дать благославенья,

И козни ейные уйдут в небытие, ничто—

Ей не видать поблажек снисхожденья.

-25-

Так что ж случилось в это однотасье?
Куда девалось прежде видимое счастье?
Хотя мы никогда его не ощущаем
И явно только в прошлом отмечаем.
Такая человеческая сущность. Ослепляясь,
Не ценим радость бытия обычно.
Лишь крохи горестей нам собирать привычно,
Клевать страданье, сим страданьем объедаясь.

Не хочется совсем писать про это однотасье:
Огонь потух, а газ она закрыть забыла.
Душа ее внутри скорбела, стыла, выла.
Ну в общем, приключилося несчастье...

-26-

Нам сиротеть не хочется, друзья...
Но сиротеть приходится, однако.
И мир совсем уже не одинаков,
Когда редеет чья-нибудь семья...

В конце-концов мы все туда уйдём,
Но вызывают грусть вопросы эти.
И мы боимся, ёжимся как дети,

Едва заглянем в пустоты проём.

Амвросий же не мог вообразить,
Что послужил причиной смерти мамы.
Ведь мы любые слушаем обманы,
Когда грех желает поглотить.

Возможно, там на склоне поздних лет
Когда-нибудь в приливе покаянья
Припомним мы все те горе-страданья,
Что причиняли тем, кого уж нет.

Амвросий молод был и не всплакнул.
Он только больше стал дружить с бутылкой,
Лишь сакса трелью заунывно-пылкой
Свою он маму дерзко помянул.

-27-

А Ричард Львович— тот страдал безмерно.
Любил Августу он, хотя не черезмерно.
И хоть интрижек множество имел,
Но, потеряв жену, он как-то сник, осел.
Наш Ричард был немножко фанфароном.
Надеюсь, не обидим мы его в столь скорбный час,
Назвав таким не самым лестным словом,
Амвросий же и вовсе— звал папашу Карабас.

Августа тихим взором, не ропща,
На мужа все года глядела.
Ей не было до дела никакого дела—
Лишь мужа накормить тарелочкой борща.
Мужчинам темперамента такого
Не требуется в женушке краса.
Еще— совсем не нужно им ума большого,
И чтоб носила с поволокою глаза.
Все, что желают эти лиходеи,
Смиренья, кротости и никакого мненья.
Тогда все их безумные идеи
Исполняются вне всякого сомненья.

И вот теперь— ушла жена.
Он как-то сразу осознал,
Что он ее совсем не знал,
Какая в сущности она.
Чего любила и желала
И знала ль про грешки его,
Какие книжки прочитала,
Имела ль думы про него.

И Ричард подошел к Изольде—
Она держалась молодцом.
«Не откажите мне, извольте—
Августа в возрасте младом,
Какой характер, увлеченья,
И был ли интерес в ученье?» —

Так Ричард к теще вопрошал.
И...очень тихо зарыдал.

-28-

Однако жить как на подлодке
Без женщин Ричард не умел,
Женился вскоре на молодке
И через годик околел.

Так бес в ребро нередко колет
То ль кочергой, то ль чем ещё...
И если молодость уходит —
В молодках не найти её.

Вредны молодки организму.
Уже и после сорока
Инфаркта мощная рука
Справляет по мужчине тризну...

Не знаю в чём зарыт секрет,
Но верь-не верь, свели в могилу
Ведь многих страстные ветрила
Беспечных юбок юных лет.

Амвросий юную вдовицу
Утешить лучше как не знал,
Носил ей фильмы, колу, пиццу

И на последок переспал.

А после, попросив прощенья,
Вернулся к жизни прежних дней,
Вдова всплакнула от смущенья,
И больше незачем о ней...

О люди, люди... Что вам спится
Со всеми, кто еще живой...
Орлы и гордые орлицы
Бескрайней битвы половой!

Как будто нет венца иного
Попойкам, вдовству и судьбе,
Как в пыле чада полового
Искать поклонников себе...

Гоните прочь тупые бденья,
Раздайте жалкие гроши...
Не нужен вам предмет души
Для непрестанного глумленья...

Живите словно невзначай...
Ищите истинного Слова!
В час ночи или в полвторого
Не ждите никого на чай...

Живите просто, без затмений,

Без истеричности идей.
Без похотливости и лени,
Без слёз и низменных страстей...

-29-

А что Амвросий, как с ним было?
Родную мать похоронив,
Загнав в бутылку юность, силу,
Ни как себя не проявив,
Он маялся. Когда с похмелья
Вставал — уж полдень на дворе.
И полуночное веселье,
И забытье лишь на заре —
Все стало в тягость, как обуза,
Ничтожного, пустого груза.

-30-

Бабуле в те поры уже за восемьдесят стало.
Друзей-подружек — никого — не стало.
Нет, все ж одна еще была жива —
Агнесса Карловна, полковника вдова.

Она к Изольде Казимировне любила
На чай с вареньем из вишни заходит.
Из «Севера» на Невском приносила
Эклеры свежие — ну как их не любить!

Всегда подтянуты и элегантны.
А мысли их, порой, экстравагантны.
Ничто в них жизни не сломило:
Ни война, ни мужнина могила,
Ни ранняя потеря дочерей,
Ни козни нынешних властей.
А Воркута и Круг Полярный,
Скорее, укрепили дух изрядно.

-31-

И вот во вторник, в день октябрьский
Повестку принесли. В призыв ноябрьский
Амвросия вызывал военкомат.
На пункт призыва в Ленинград
Явиться утром в полвосьмого
Рюкзак с вещами принести,
При паспорте и быть готовым
Военную службу, присягнув, нести.

Да, да, брат, армия — не шутка,
И шуток там никак не признают.
Приказ не выполнил — по шее надают,
Наряд дадут и на «губу» пошлют.

С тяжелым сердцем посмотрев на ксиву,
Амвросийшибко загрустил.

А чтоб бороться— нету сил.
Придется следовать императиву.

-32-

Вот тут и появляется Агнесса,
Та, что полковника вдова и Карла дочь.
Она зашла вернуть Изольде томик Гессе
И сразу вызвалась Амвросию помочь.

Служил полковник дирижером
Военного оркестра духовых,
Известен был в кругу чинов больших,
Поддерживал сердечно молодых.

И времени чтоб не терять ни капли,
Агнесса Карловна, ведь той еще закалки,
Из ридикюля записную книжку достает.
Амвросий аппарат ей подает.

Ну что ж, порой, случается везенье—
Амвросий попадает в музподразделенье.
И, прихватив свой горемычный саксофон,
Направлен он в ближайший «духов» гарнизон.

-33-

Амвросий сник. «Здесь целый день я

Лишь дурью маюсь... Тошно мне
Быть жалкой жертвой принужденья —
В больнице, в армии, в тюрьме...»

Так, к сожалению, стал выбор
Лишь меж больницей и тюрьмой.
Амвросий же хотел домой
И из-за этого весь сыр-бор
С психушкой он и учинил...
От армии не закосил
Он вовремя. Теперь же туда
Ему пришлось, и с перепугу
Он затвердил, что бесы дерзко,
Его судьбу терзают дескать,
Что наяву, как будто бы
Они выходят из трубы.

Начальство взяло инструменты
На экспертизу в тот же час,
Ведь так бывает, что у нас
И у начальства есть моменты
Затменья разума. Увы,
Как догадались, впрочем, Вы,
Неважно были бы вы кем бы,
В трубе бес обнаружен не был...

Итак, забыв армейский долг,
Амвросий под иной полог

Вступил, и проведя в психушке
Не меньше месяца с полушкой,
Из дома скорби он домой
Вернулся к бабушке живой.

-34-

Так, безусловно, быть могло бы,
Коли б он в танковых частях,
В пехоте, артиллерии расчетах,
В стройбате иль в саперах на полях
Служил бы, упиваясь тихой грустью,
В которой видел, будто сон, свою бабусю.
Но наш Амвросий музыку любил,
И повар полковой их вкусно так кормил,
А командир ценил их силу «духов»
И дарования их музыкальных слухов,
Что эту пару лет, служа под Ленинградом,
Не раз он проходил по Невскому парадом.
И увольнения нередко получал.
В одном из них и юну деву повстречал.

Итак, она звалась...Ириной.
С подружкой Верой как-то раз
Они пошли смотреть картину
В «Аврору» у Гостинного. Показ
Французской ленты Жана-Люк Годара—
Билеты им достались даром—

Привел подружек в восхищенье.
Амросий же почувствовал смущенье...

Я ПОКИДАЮ ДОМ...

Как легко разрушать,
Тем кто не строит.
Как легко угадать
Кто кого доит.
Выдоив до синяты.
Как разрушила ты,
То, что не строила?
Ведь строил все вроде я...
Медлительная мелодия
Похоронного марша,
Не сделала нас старше...
Уродливая колдобина
называемая пропастью
Поглотила все буквы
Обрюзгшие как брюквы...
Даже те что прописью
Буквы моих вирш.
Что молчишь?
Тонко возненавидила
Того, в ком души не чаяла.
Ты меня не обидела.
Ты меня не отчаяла.
А просто убила обухом.
Я теперь сансарю срок второй
Подрабатывая пьяным в пивной,
Или даже смертью с косой,

Той что совсем не выдумана,
А вполне осозаема...
Как семя извергаема
Душа на морозный бриз,
И даже стальной карниз
Не удержит знамени
Предназначеного к спуску.
Теперь я тоскую тускло.
Не ярко как наглая лампа,
Накаливания, а скромно,
как светлячек на выпасе...
А их светлячков сонмы...
Попробуй их всех выброси
Тоже под старую задницу
Как тебя угораздило?
Променяла меня на похлебку,
Да и та дразнится,
Что в ней мало навару,
И теперь нашу славную пару
Можно считать наёбкой.
Сюрприз за сюрпризом
А я всё не знаю
Откуда,мучаясь оптимизмом,
Полна жизнь неожиданностей...
Как гробница
костей...
Костям не больно.
Не материться

Помогает только
Присутствие адвоката
И слабость мата
На фоне воя...
Я приветствую
стоя
Руками-вЕтвями
Очевидные преимущества
первобытного строя.
Завалишь мамонта,
И никаких налогов,
Разводов, подвохов.
Разве это плохо?
А тут только срамота
Сработаная в мраморе,
Память истеричная
О прежней жизни,
Которой в сущности не было,
Если быть вполне критичным.
Сиплая отрава
Злого родника...
Не родной родник мне...
И наверняка
Знаю кто подсыпал
Яду в струи вод.
Я не идиот...
Из гнезда не выпал
В ловле червяка...

Хорошо не выпил
Я из родника...
Чудная досада,
Что нельзя понять
И чему ж ты рада,
Рада, твою мать?
Все ты истоптала
Истоптала ты,
А теперь в наряде
Супер правоты...

Мне подписали смертный приговор
Изящным росчерком помады на салфетке.
Тот кто всегда готов к внезапной смерти,
Поймёт о чём ведётся разговор.

Средь конфетти и мишуры беспечной,
И лицемерной вечной суэты,
Вдруг в спину нож. Ах, это Брут, и ты?
Кто избежал сей пытки бесконечной?
Быть преданным не зверем, не врагом,
А сыном, или верною супругой.
Мне ведь и раньше приходилось туда,
Но раньше, смерть оставив на потом,
Я был всего лишь предаваем другом.
А тут гораздо крепче припекло,

Как будто в спинубитое стекло
Они мне втёрли, торопя друг друга.

Прощаю, сам прошу прощенья я.
Убить ведь можно и без приговоров...
Без лезвий, бритв, химических растворов.
Убить ведь можно просто не любя!

Мы слушаем вполуха
О дарах Святого Духа.
Сами ж всё в конце
Смотрим и следим
Как нежно гуляет
По самому краю
Бестыжее солнце,
По краю седин...

Мы верим вполверы,
И любим вполсильы.
А чаще не любим,
Не верим совсем...
А солнце игриво
В слоях атмосферы
Рисует нам нимбы
С усмешкою всем.

Уйдем мы внезапно,
Как водится утром,
В безмолвную полночь
Наставшую днём.
И солнце на запад
Засядет сутуло,
Потом ляжет навзничь
Могильным холмом.

И что мы всё мучили
Жадно друг друга,
И что мы всё пили
Родимую кровь?
Вокруг вялой кучею
Теплится дымом
Убитая напрочь
Святая любовь.

Прошли мы по жизни
Как два пилигрима,
Без цели, без смысла,
С заходом в бордель...
И как наша жизнь
Всё это вместила?
Небесные ризы,
И пропасти щель!

ОДА ПРЕДАТЕЛЬСТВУ

Предательство. Излюбленный исход!

Как часто ты красуешься пред нами.

Простое, как обманутый народ,

И гордое, как брошенное знамя.

Предательство. Как весело звучит!

И хочется, не шевеля губами,

Бросаться на копьё, отбросив щит...

И на щиту быть принесённым к маме.

Предательство. Ты светоч и маяк.

Движение, доказанное прозой.

Нам без тебя прожить нельзя никак.

Отбросим стыд, прикрывшись мудрой позой!

Предательство. Как узок твой изгиб.

Как неподкупна ненависть измены.

И в тот момент, когда почти погиб,

Вдруг начинаешь верить в перемены.

Предательство. Как лицемерны те,

Кто не слогал в экстазе дифирамбы!

Я б волю дал твоей простой мечте:

Прорвать на свете все речные дамбы.

Предательство. Ты как ночной потоп.

Внезапно и бестыже, прямо в утро!
Увы, напрасно старый хитрый поп
Скрывал от нас, что быть Иудой - круто!

Предательство. Глоток вина - там яд.
Предательство. Нож в спину. Пли в затылок.
О как тебе я буду даже рад,
Когда войдешь без стука утром сивым.

Предательство. И я тебя предам!
И возведу порок в дурную степень.
Я - мертв, смержу, я - сцена не для дам.
Я - жук. Я - червь. Я - неотступный слепень.

Предательство. Смириться и забыть.
И Бог с ним. Не заметить поруганья.
Да! Как икон потресканная зыбь
Не замечает лживость покаянья.

Буду предельно ёмкий.
Есть если чем, то крой.
На ямы самой каёмке,
На самом краешке ямы,
В слепоте спеша,
Всё кругом круша,
В стену головой

Все стучимся - я, мы...

Как добро не сей,
Словно речку пей
От верхов до устья...
Господа и дамы
Не оценят мой
Жест, тупой как вой,
Как крутой ковбой
Бьюсь я головой,
Сам бы на постой
Не впустил себя бы.

Обо мне твердят
Что вдвойне урод
Делаю, что всё
Сзаду наперёд...
Что ищю детей
Всё ещё в капусте.
И живу скорбя
Там их не найдя...
Потеряв себя,
Светлого меня
В ломкости гроша...
В заунылой грусти...
В тьме зловонной ямы -
Где моя душа...

Не хватает воли как
У алкоголика.
Неужели сдохну
без наследника!
Не по крови, чтоб...
А по сути вточь...
Чтобы легче в гроб
Удалиться в ночь...
Или что там, после?
Хочется, чтоб стоп,
Седовласый поп
Обещал мне küщи...
А пока на стол
Шлют одни доносы...
Спасают наши души...
Наихудшим
из известных зол.
Считаю я вопросы:
Почему Бог зол?
С Богом без посредника?
Отрастите уши...
Хотя бы
Как у кошки,
Лучше, как у кролика.

Сутками
Считайте свои дни...
Ах, мы не одни?

Нет, мы не одни!
И не только
По могилам и колыбелям,
Но и в гиблых пробелах
Ветренной судьбы
Кишащих кобелями
И суками...

Что случилось с нами?
Да то же что и было...
По всюду то же быдло
И это не кажется жутким.
А раньше казалось...
Потому что быдло каялось.
И от этого покаяния
Нам до сих пор икается.
А теперь быдло вступило в право
И не то что не кланеется,
Даже не нагнётся
Поднять золотник.
Слишком мал им,
И страждущий лик не нравится!
Уже не тот накал им.
Нет былого дрожания в голосе
И щекотанья в подложечной области.
Теперь все сосредотачено
Уже не между ног.
И Фрейд им не помог.

Сексуальная революция
захлебнулась полюцией.
Теперь вся мразь зиждится в черепе.
Не в мозгах, а там где их не густо.
Там и гнездится
вялая жажда
Напиться
кислоты и щелочи.
Прав был отец.
Все люди - сволочи.
А тот кто не сволочь - того распяли.
А он им простил без злобы.
А они с головами воблы
До сих пор на это лыбятся...
Мол обманули Бога...

НА СМЕРТЬ ЕВГЕНИЯ ЕРМОЛАЕВА

Обыденность, дожившая до тризны,
Разверзлась, как внезапная могила!
Покончил с жизнью мой сосед по жизни,
Внезапно как-то, даже, торопливо...

Он был ершист, любил хамить до драки,
И не смотря на романтичность вкуса,
Водил туда нас, где зимуют раки,
И то считал вершиною искусства.

Как прошлое, как неприветлив день
сегодняшний, и тупо смотрит в вечность
Его едва отброшенная тень,
Собою очертивши бесконечность.

Улик довольно на протяжный суд.
Но смерть, увы, не требует улики.
Как на весах лежащий соли пуд,
Всех уровняет в кукол одноликих.

Где ж в амбразуре прОбитая брешь,
Что ж не помог тебе циничный юмор?
Китайской пыткой капал он на плешь,
Чтоб ты молчал и ни о чем не думал...

Уже ль за тем, чтоб в саван как в пальто
Одеть едва нагрянувшую зиму?
И заменяя храм на шапито,
Куда заходят, чтобы рот раззинуть...

Я помню шуток твоих острых рой..
Они еще во мне не охладели.
Убил и их ты. Подожди, постой!
Зачем убил ты каждый день недели?

Чтоб позабыть о сути и сойти
с ума, иль впрок набраться бреду,

Смотри, твой вторник гибнет от тоски,
Перетекая в призрачную среду...

Так умирает и твоя среда,
Не оглашая слов последней воли,
Не упредив дурного четверга
О жажде пятниц, ненасытных к крови.

Не пробудивши ветренных суббот,
Что накануне проиграли совесть.
Хотя про них совсем наоборот
В тупой тоске народ слогает повесть.

Не отвратим и неподкупен рок.
Прости мой друг и враг, един в двух лицах.
Лишь воскресенья ты убить не смог
Нет воскресенья для самоубийцы.

Им лишь тоска и вой полночных царств.
Тоска такая, что крушит железо,
До понедельника дожить не даст,
Да и зачем, чтобы себя зарезать?

Узнав, я словно проглотил весло,
Стою столбом, хотя слегка качаюсь.
Мне на тебя так крупно не везло.
Что за себя, я больше, не ручаюсь!

В норманском стиле
Церквушки облик,
Фигурки шахмат
Потусторонних...
А там могилы
Без слез, без боли,
И мшистый запах
И крик вороний.
Ладьи надгробий,
Застывших в пате,
Ферзи без силы,
И пешки в трансе,
В плену подобий
Фигур распятий
Так молчаливо
Скорбит пространство
Доски игральной
Больной эндшпилем,
Не воскрешенной
Моим христианством,
Играй финальной
Пронзенной шпилем
Среди могил
Застывших в танце.

ПРОЩАНИЕ С ДОМОМ В ХАНТСВИЛЛЕ

Я покидаю дом, как покидает тело
Уставшая душа от тяготы мирской.
Я покидаю дом, где ближе стало Небо,
но так и не нашёл в котором я покой.

Я покидаю дом, больной и безвозвратный,
Где восемнадцать лет ушли коту под хвост.
Я покидаю дом, и не вернуть обратно,
Как не вернуть родных, снесённых на погост.

Я покидаю дом, где каждая ступенька
Воспоминаний груз безропотно хранит.
Я покидаю дом, как призрак, или тень как
И дом мой как кулья назойливо болит.

Я покидаю дом, как будто в нём и не жил,
Как будто не звучал в нем звонкий детский крик.
Я покидаю дом, где как в углу медвежьем
Жила больная мать и мой отец-старик.

Я покидаю дом, напрасно разорённый,
С текущей вечно крышей и трещиной в стене.
Я покидаю дом, и я едва ли помню,
Чтоб так безумно больно когда-то было мне.

Я покидаю дом, где я едва ли ведал,
Что все мои тома -- "одна сплошная ложь".
Я покидаю дом и знаю тех, кто предал.
Но только вот зачем, едва ли их поймёшь.

КОФЕЙНОЕ ПЫЛАНИЕ
посвящается Т.Т.

Ты мне грезилась вновь.
Ночь кофейным барьером
Разделяла пространство
Между светом и тьмой
И запретной мечтой
Примирияла христианство
С дохристианскою верой
Узаконив любовь.

Ту, что все покрывает,
И не ищет наживы,
Ту, что ищут напрасно
В позолоченных снах.
Раздвигая пространство
Ночь кофейным приливом
Нам шептала: Вы живы!
И не ведом вам страх!

Страх потерь и предательств,
Страх смертей и измены,
Разоренья и жизни
Без надежд и мечты...
Ночь кофейным пыланьем
Укрывала изгибы
Этой сказочной сцены,
Где мне грезилась ты.

Ты сохраняешь все
Мои листочки
Где пляшут строчки
И тоскуют точки.

Ты сохраняешь все

Мои мечты
Затем, что в них
Обычно будешь ты.

Я сохраняю все

Твои желанья
Как суд земли,
Как верность предсказанья,
Как несказанность
Утренней мечты.

О забытом счастье не мечтая
Зарастая вихрем сорняков
Я не ждал такого урожая
И не верил в преданность Богов

Но античным утром в двери рая
Постучались мы, и вот наш кров,
Каждый раз рождаясь, умирая,
Мы растим несмелую любовь.

Я шел во тьме полей,
Когда луч света
Не кажется светлей,
Чем сигарета,
И в этой тьме,
В обилье темноты
Вдруг ты возникла
Воплощением мечты

И стало ясно мне теперь -
В горены - свет ты.
И я нашел во мраке дверь.
И мрак стал светлым.

Нас судили не строгие судьи,
Не привычный конclave палачей,
А родные друзья наши судьбы
Осудили на пламя печей.

Разобрав вереницу событий,
Разорвав связь забытых вещей,
Позабыли призыв “Не судите”,
Не судите вы жизни ничьей!

Отпустите нас, строгие судьи,
Мы уйдем на просторы любви.
Мы всего лишь несчастные люди,
Поддержавшие клич “Возлюби!”.

В чужих иллюзий коридорах истеричных
Я не желаю проводить свой скорбный век.
Как критик в ТЮЗе недостаточно критичный
Я просто серый и усталый человек.

Я не вращаю жерновища сфер небесных,
Не извлекаю золота из недр,
Я просто лишь мечтаю о покое, сне и пище,
Моя душа темна, как черный негр.

Но в этой тьме ли, черноте ли, вижу свет я,
И сочиняю рваный стих себе на слух
И в этой теме, в черном теле много лет я
Предельно тих, довольно слеп и прочно глух.

Неистовая нежность
А город гол, беря
Себе в накидку снежность
Ночного декабря.

И в ожиданье бури
Касанья губ
Он словно нервно курит
Дымками труб.
И над небесной негой
Где жалок лоск
Повенчанные снегом
Мы словно воск.
Раскачаны созвездья,
Как гнезда сов,
В глубинах средостенья
Живет любовь
Неистовая сладость
Касанья рук
Не прерывает радость
Блаженных мук.
Пульсирующая нежность
Слов-полуснов
Укутана прилежно
В ночной покров.
Истертая поспешность
Прожитых дней
Предполагает вечность
И счастье в ней.

Я шепчу, засыпая, хмеляя:
Есть такая страна Эритрея,
Тебя стригла земли этой дочь
И черна твоя стрижка как ночь,
Если ночью смотреть на нее,
И слегка с рыжиной - если днем.
В мерном танце
Мы таем вдвоем
Все сильнее от танца хмеляя,
Ах, коварна страна Эритрея

Это странная песня
О странной любви
Когда гаснут, едва просветлев, фонари,
Когда тонут в лучах
Необычного дня
Обещания, что
Не забудешь меня.

Ты скорее приди,
Распыляя мой страх
Стрелки ты на глазах
Нарисуешь и ты
Мысли в прах
Разнесешь на усталых устах,
Ты меня как-нибудь
Тем с собой примери.

В английском стиле
Церквушки облик,
Фигурки шахмат
Потусторонних...
А там могилы
Без слез, без боли,
И мшистый запах
И крик вороний.
Ладьи надгробий,
Застывших в пате,
Ферзи без силы,
И пешки в трансе,
В плену подобий
Фигур распятый
Так молчаливо

Скорбит пространство
Доски игральной
Больной эндшпилем,
Не воскрешенной
И христианством,
Игрой финальной
Пронзенной шпилем
Среди могил
Застывших в танце.

Ты научи меня любить!
Желать, безумствовать и верить!
И помнить то, что смысл жить
Есть для меня на самом деле!

Плынут над миром облака
Вселенским сигаретным дымом.
И я валяю дурака,
Почувствовав себя любимым!

Ты научи меня мечтать!
Не знать судьбы слепую волю!
И вновь настойчиво искать
Дорогу к счастью и покою!

И пусть над миром облака
Куда-то тихо проплывают!
Живым я буду, лишь пока
Тобой любим! Я это знаю!

Ты научи меня искать
Скупую радость в каждом миге!
Сними с меня мои вириги!
И разучи меня страдать!

ПЕРЕВОДЫ БАЙРОНА

Она прекрасна, словно ночь
Под звездным небом южных стран,
И свет и тьма вместились вточь
В ее глаза и стройный стан.
Лучом стремится ей помочь
Небес чуть пасмурных туман.
Чем больше тень, тем меньше свет
Полуистерты, без имён,
В морщинках, дани прежних лет,
Лица сошедшего с икон.
Где мыслей безмятежных след
Струится как невинный сон
В уют меж бровью и щекой...
Красноречивей томных фраз
Улыбки свет, зрачков покой!
Все в ней прекрасно, в этот час
Не разлучимо с простотой
Любви невинной без прикрас!

Всё кончено! И жизнь – сон;
И нет луча надежды в нём.
И счастья считанные дни...
А вот несчастий ураган
Развеял юности обман.
Любовь, надежду, радость – всё
Уйдет в забвение моё!

НА ДЕНЬ РАЗРУШЕНИЯ ИЕРУСАЛИМА ТИТОМ ФЛАВИЕМ

Слава, мудрость, любовь, сила, власть, -
Всё сплелось, как лоза, в граде мира
С красотой, что не в силах украсть
Даже самый искусный громила...
Высоты твоей терпкую сласть
Воспевает псаломская лира!

Ты мучительно хочешь припасть
К роднику, где упрямая память
Не дает тебе, гордому, пасть
Пред полком, окрыленным орлами!
Лев твой мертв. Обеззублена пасть.
Ты сгоришь навсегда вместе с нами.

Древний змей, что тебя погубил,
Не щадил никого и не станет -
Ни живых, ни домов, ни могил.
Ты погиб в вихре дерзких восстаний!
Под восторг италийских громил
Что пируют во вражеском стане!

МРАК

Мне снился сон, что был едва ли сном.
Погасло солнце, звезды не светили
И бороздили вечное пространство
подобьем стад погашенных свечей.
Беззвездных зодиаков мрачный сонм
Взирал на землю в ледяной могиле.
В безлунном тёмном траурном убранстве
Она была особенно ничьей.
И люди, позабывши свои страсти,
Предались ужасу, упрямому, как боль.
Они молили, чтоб вернулся свет,
И жгли дворцы, лачуги, книги, снасти,
Мы миру не были ни свет, ни соль...
Ну а без этого ведь света нет
Как завещал Тот, у Кого молили...
Распяв, и продолжая распинать.
Но свет не торопился возвращаться
Хотя они уж все давно спалили
И даже принялись себя сжигать
Друг с другом чтоб при свете рас прощаться.
И даже в жерла грозного вулкана
Стремились люди, чтоб увидеть свет
Погибнув там, не обретя надежду...
Леса дотла сгорели без обмана,
И потеряла на миллионы лет
Земля свою лесистую одежду.

Все было черным. Брови у мужчин
Все обгорели, хоть костры погасли.
У женщин тоже обгорели косы...
Не пряча глаз, рыдали, как один
За что все это, всем ведь было ясно
Не задавая лишние вопросы.
С безумной неуверенностью мир
Не узнавал уже ни берег дальний
Ни в тусклом небе брошенных светил.
Безумный мир. Он сам себя спалил
В костров неверном свете погребальных
Увидев только силуэт могил.
А птицы бились оземь, перьев прах
Развеян в пыль на крыльях бесполезных
И для полета, и зубов зверей,
Искавших пищу, позабывши страх.
И голод их душил в объятьях тесных
Как озверевших он душил людей
И вот война, затихнув, взвилась вновь
Как пламя, пожирающее жизни,
И кровью всласть все насыщали плоть...
Что будет слаще для войны, чем кровь?
И, правя пир на беспрестанной тризне,
Смерть поглотила счастье и любовь,
И мысль о смерти поглощала всех...
Бесславной смерти в голоде студеном,
Кто умер раньше тех глодая кости!
Собак безумных вой похож на смех.

А смех гиен – на плач новорожденных,
Которым лучше б не рождаться вовсе.
Зверей и птиц повсюду лился стон,
Но смерть в конце их всех брала за горло...
А стонов тишина увы страшнее...
И к алтарям прия со всех сторон,
Дары святые поглощали подло
Мы от вина церковного хмелея...

Скелет дрожащий с хладными руками,
На слабый пепел слабое дыхание
Таким стал тот, кто звался человеком...
Какое издевательство над нами!
Над теми, кто считал своим призванием
Кичиться долгим и успешным веком.
И раньше язва неприязни
Питала зла сквозную рану,
А нынче возгорелось пламя
Такой библейской меры казни
Что сомневаться я не стану
Какой конец случится с нами...
И голод написав Писанье
Мир отменил. И мир стал пуст.
Безлюдный, смрадный, мрачный, дикий
Как глины ком в том состояньи
Где правит хаос мёртвых уст
Застывших в агональном крике.
Моря, океаны все застыли

Не шелохнувшись в глубине
Могильной и безмолвной бездны
Где шхуны без матросов гнили
И мачты рухнув в полной тьме,
Лежали грудой бесполезной.
Прилив возлюбленный Луной
Иссяк. В том не его вина.
А думали – нетленный....
Теперь тьма стала вечной тьмой.
Ночь стала больше не нужна.
Мрак стал Вселенной...

Когда растались мы
В молчанье и слезах,
Убитые мечты
Сердца разбили впрах.
И в холодах лица
И в бледности щеки
Постиг я до конца
Всю глубину тоски.

И поцелуй росы
Что в предрассветный час
Предупрежденьем был
Что чувствую сейчас.
Как от стальной косы
Опали клятья листы,
Не пало на весы
Последнее «Прости»

И в имени твоем
Уже намека нет
О том, что мы вдвоем
Прожили много лет
О том, как я рыдал
И как рыдала ты
Похоронив в подвал
Убитые мечты.

Запретная любовь
Закончилась тоской.
И лучше больше вновь
Не видеться с тобой.
Лишь через много лет,
Отбросив стыд и страх,
Послать тебе привет
В молчанье и слезах.

Сесть на скале и на поток смотреть,
И тихо слиться с тенью сонной рощи,
В такой момент ведь даже умереть
Мне кажется гораздо будет проще.
Взобраться ввысь по скалам без тропы,
Из водопада пенного напиться,
Без куража, без мук, без суеты
С природой тихо незаметно слиться.

Уйти от суетящейся толпы
Чтоб снова слышать, чувствовать и видеть,
Где в одиночестве твои мечты
Никто предать не сможет, ни обидить.
Где улыбаться льстиво ни к чему
И беспрестанно мелко лицемерить.
Где можно быть, как прежде, одному,
Где можно жить, любить, мечтать и верить!

Ни у одной из дщерей красоты
Я не найду такого волшебства,
И воплощение моей мечты
Твой голос нежный и твои слова.
Они способны ярость океана
Сменить на шорох едва слышных волн
И дремлет тихо, будто бы он пьяный,
На глади вод совсем усталый чёлн.

И полуночный месяц тихо машет
Цепочкой света в звездной глубине
И, как младенец на груди мамаши,
Он засыпает в тихой синеве.
Дух океана шлет тебе поклон
В невыразимом нежном восхищеньи,
Ах, если б мог бы, то стихотворенье
Тебе, конечно, посвятил бы он!

Дух предо мной предстал. Я был без сил!
Лицо бессмертья предо мной явилось
И сном окутав всех, кроме меня...
Бесформенного духа полынья
Во льду реки сознания открылась
И этот дух со мной заговорил:

«Ты возомнил себя превыше Бога?
Пред Кем робеет даже Серафим?
Комочек глины ты. Из праха в прах!
И у тебя злословье на устах
Как будто ты и впрямь непобедим
Лишь в ад без Мудрости Его тебе дорога!»

И в этот час среди ветвей
Так тихо, необыкновенно
Поёт о чём-то соловей,
И песнь его проникновенна
И музыка ласкает слух,
И луч звезды едва потух,
Чтоб с прежней силой вспыхнуть снова
Среди глухой ночи покрова.
Все тихо на исходе дня,
И все от глаз во мраке скрыто,
Восходит бледная луна,
И сердце для любви открыто!

Как мрачно море в декабре,
Леандр любовью побуждаем,
В известном мифе, как во сне,
В ночь Геллеспонт переплыает!

Как страшен зимней бури рёв,
Спешит герой к прекрасной Геро
Любовь – маяк, как свет без слов,
Как жаль мне нежную Венеру!

А мне, в наш век-дегенерат
Здесь плыть пришлось в блестящем мае,
Так этому я был не рад,
От качки истовой страдая.

Но он пересекал вот так
Поток где волн ревнится лава
Лишь Господу известно как
Он за любовью, я за славой.

Нет в этой гонке первых мест
Нас, жалких смертных, проклинают боги.
Напрасный труд, напрасный жест
Он утонул, а я простил немногого...

ПЕРЕВОДЫ ГЮГО

Я был один у волн, ночь звезд была полна,
И не мешал ни чёлн, ни парус, ни луна
Моим очам скользить за гранью яви.
Лесистых гор таинственный ажур,
Как дивный хор божественных натур
Огонь небес и море вопрошили.

И звезд златых бескрайний легион
То нежно тих, то словно погружен
В гармонию стихий в едином сплаве.
Волн беспокойных непрерывный бег
Ласкал привольно неприступный брег
Всевышнего единым хором славя!

Полями в звонкой рани, как побледнеют тучи,
Уйти мне будет проще. Ты ждешь давно меня.
Промчусь я через рощи, взлечу я через кручи,
О, как разлука ранит - не вытерпеть ни дня.

Но тяжким думам тесно от ноющей разлуки.
Не слышно мне ни звука, и некому помочь.
Мой путь - сплошная мука, согбенный, скрестив руки,

Бреду в край неизвестный и день мне стал как ночь.

Меж звездными мирами читаю твоё имя
И парус не белеет над бездной грозовой,
Не встречусь я губами с ресницами твоими,
А положу фиалки на камень гробовой

Куда улетают младенчества души?
Неправда, что в каждом ребенок живет.
С годами едва ль мы становимся лучше.
Скорее становимся наоборот...

В светящихся сферах, в лазури и неге
Мы были счастливей, и кажется нам,
Что в детской души этом самом побеге
Таится какой-то вселенский обман.

И мы умираем как будто бы с ними...
Как были прекрасны и свежи цветы
И небо бездонное куполом синим
Хранило невинные наши мечты.

Мы мчались как ветер над желтой листвою,
Искали жуков в каменистой стене,

Насколько же лучше мы были с тобою
В том солнечном дне, словно в ласковом сне.

И смех разливался по ветренной глуши
Искрящийся смех тот, что слышен в раю.
Куда улетают детей наших души?
Что сделалось с ними, никак не пойму.

Лиши Господа детства понятны границы,
Куда без возврата упрямо летят
Душ наших детей перелетные птицы,
Те, что никогда не вернутся назад.

Малыш! Коль стал б я королем, то отдал королевство,
Карету, скипетр, народ и царский свой наряд,
Корону я б свою отдал и царское наследство,
Чтоб только тихо наблюдать, как длится твоё детство,
И за один твой взгляд.

А если б стал бы Богом я, то небеса и землю
Отдал бы, ангелов, чертей, потоки райских струй,
Пространство, время и людей, которым я не внемлю.
За то, чтоб просто рядом быть, и счастлив был бы тем я
За твой лишь поцелуй!

Нет разрушительнее силы,
Чем ярость праведной войны,
Дворцы и хижины в могилы
Мечом её превращены.

И в вихре бешеного лая,
Тупым насилием напоказ
Халиф прилежно исполняет
Аллаха праведный наказ

Дым саваном окутал город,
Сожжён он и развеян прах.
Непощажен ни стар, ни молод.
О, как же милостив Аллах!

Осталось жить совсем немного,
Оставим спор до хрипоты.
Халиф, я тоже верю в Бога
Но не в того, что веришь ты...

Апрель, любви братишка,
Не хмурься и не плачь
Зачем ты гонишь слишком
Сердца конями вскачь?

Ты любишь перемены
И сводишь нас с ума,
Огонь любви священный
Не гасишь до утра

Апрель, поющий мальчик,
Постель мягка из мха,
И пусть что будет дальше
Спасет нас от греха.

Апрель, твоя засада
Как мир, увы, стара,
Но значит это надо,
Чтоб верили сердца.

Какой же ты огромный,
Апрель – амур малыш,
Желаниям нескромным
Ты двери отворишь.

И снова всё сияет,
И озорной апрель
Упрямо попадает
Стрелою прямо в цель.

Посвящается Т.Т.

Есть женщины на свете
Что украшают свет,
Им даже звезды светят
За поцелуй в ответ.

И на волне и тверди
И в выси голубой
Не същется, поверьте,
Другой красы такой.

Не больше и не меньше,
Вдруг понимаешь ты,
Коль Бог не создал б женщин -
Не создал б и цветы.

Не меньше и не больше,
И яхонт, и алмаз --
Лишь камушки в пригоршни
Без этих нежных глаз

А как они в беседках
Среди уснувших роз,
Волнуют нас нередко
Молчанием всерьез!

Любой такой бы девы
Я б стал послушный раб.
Жемчужина без Евы -
Моллюска скучный скарб.

И всё преображая,
Сыскав меня во тьме,
Любовь, сбежав из рая,
Путь освещает мне.

Еще пусты страницы книг,
Еще молчат слова Писанья,
Еще не смолк предсмертный крик,
Еще свежи Его страданья.

Еще живем в тени голгоф,
Еще не внемлем сути вещей,
Еще чужда нам Его кровь,
Пролитая с горы зловещей.

На стыке эр, на стыке стран
Писали то, что мы обрящем
Матвей, Лука, Марк, Иоанн
Весть о кресте душедробящем.

Вы - ангел, лев, телец, орел,
Вас четверо. Не нужен пятый.
Несите нам то, что обрел
Бог-человек, крестом распятый.

Вы - словно раны тех гвоздей,
Пронзивших тело, впились в душу,
И даже кажется теперь,
И я перед крестом не струшу...

Благая весть меня готовь
Взойти на крест, где как и прежде --
Крестом распятая любовь!
Крестом воскрешая надежда!

АФОРИЗМЫ

АВИАПУТЕШЕСТВИЯ

* * *

Жертвам авиакатастроф легче попасть на небо.

* * *

Полет на самолете можно уподобить беременности: залетев, желательно не пролететь.

* * *

В кресле самолета, как в кресле стоматолога, – хочется, чтобы поскорее все это закончилось.

* * *

Если после авиакатастрофы труднее всего найти черный ящик, почему бы его не оставлять в аэропорту?

* * *

Хотя самолет гораздо медленнее баллистической ракеты и далеко не всегда попадает в цель, все же самолетами летать приятнее, потому что стюардессы раздают пассажирам конфетки.

* * *

Если бы самолеты махали крыльями, представляете, насколько быстрее они летали бы?

* * *

К сожалению, страх полета на самолете редко компенсируется привлекательностью стюардесс.

* * *

Даже Карлсон для дальних перелетов пользуется услугами авиации.

* * *

Хороший пассажир не знаком с законами аэродинамики.

* * *

Автопилот не задумывается о неприятностях дома.

* * *

Пилотам не разрешается пить во время полета, чтобы они не заигрывали со стюардессами.

* * *

Полет в самолете – как секс с нелюбимым партнером. Трудно дождаться, когда же это кончится.

* * *

В террористы не берут лиц, страдающих боязнью

авиаперелетов.

* * *

Аэропорт – это место, где государство заглядывает гражданину не только в лицо.

* * *

Аэропорт отличается от кладбища тем, что в аэропорту люди не находят себе места.

* * *

Почему, поев в аэропорту, остаешься с алюминевым привкусом во рту?

* * *

Каким бы выдающимся ни был человек, он не может достигнуть таких высот, на которые его заносит самолет.

АВТОБУС

* * *

Отказавшись от поездок на автобусе, начинаешь скучать по чувству локтя.

* * *

В Израиле автобусы причислены к авиации, потому что часто взлетают на воздух.

* * *

Водитель автобуса редко осознает, что не все русские любят быструю езду.

* * *

Автобусный парк всегда строится отдельно от трамвайного, чтобы не появлялось незаконнорожденных маршрутных такси.

АВТОМАТИЗАЦИЯ

* * *

Когда в мире всю работу за человека будут выполнять роботы, они потребуют, чтобы человек, по крайней мере, не бубнил им под руку.

* * *

Автоматизация в парикмахерском искусстве появилась вместе со стрижкой «под горшок» и с тех пор не сделала ни

шагу вперед.

* * *

Автоматизация в судебном процессе приведет к тому, что судья вместо того, чтобы стучать молотком, будет нажимать на кнопку.

* * *

Покупателям не нравится автоматизация в торговле, потому что автомату, в отличие от продавца, трудно морочить голову.

* * *

Автоматизация рыбалки может привести к ответным мерам со стороны рыб. Вы им автоматическую удочку – они вам глубоководную мину на крючок.

* * *

Первый, кто изобретет автоматический генератор маты, весьма обогатит русский язык.

АВТОМОБИЛИ

* * *

Автомобиль – это не роскошь, а средство разорения.

* * *

Если мощность автомобильного двигателя измеряется в лошадиных силах, почему мощность авиационного двигателя не измеряется в автомобильных силах?

* * *

Появление виагры снизило продажи больших автомашин.

* * *

Дамы, никогда не открывайте капот автомобиля! Там живет злая горилла, которая крутит колеса! Она может вас укусить!

* * *

Еще Галилей доказал, что «Запорожец» не может обогнать «мерседес» даже при падении обоих с обрыва.

АВТОР

* * *

Совет авторам: прежде чем что-то написать, представьте себе, насколько другим будет в лом это читать.

* * *

Автор сам себе царь и Бог до тех пор, пока не получит первый гонорар.

* * *

Автор автору – волк.

* * *

Автору плестись за толпой так же пошло, как и убегать от нее.

* * *

Величина романа прямо пропорциональна нудности автора.

* * *

Чтобы стать настоящим писателем, автор должен доказать, что все остальные – писатели ненастоящие.

* * *

Чтобы стать писателем, автор, по крайней мере, должен что-нибудь написать.

* * *

Почему авторам приятнее цитировать себя, чем других?

АВТОРИТЕТ

* * *

Для авторитетов обычно нет авторитетов.

* * *

Если для вас не существует авторитетов, это не значит, что сами вы – авторитет.

* * *

Авторитетное мнение всегда подкрепляется раздуванием щек и может быть опровергнуто только задиранием носа.

* * *

Хотя у Бога нет авторитетов, Он всё же слушает каждого из нас.

АД И РАЙ

* * *

Ад отличается от рая культурой обслуживания.

* * *

Ад и рай были созданы для того, чтобы нам было не скучно проводить вечность.

* * *

Горячую путевку в ад лучше покупать на холодную голову.

* * *

Грешники вздохнут свободнее, когда в аду начнется энергетический кризис.

* * *

Как ад и рай умудряются ютиться у нас в душе, практически не мешая друг другу?

АДВОКАТЫ

* * *

Не случайно в слове «адвокат» есть слог «ад».

* * *

Христианин подставляет под пощечину другую щеку.
Адвокат включает пощечину в счет.

* * *

Учтите, на Страшном Суде адвокаты будут слишком заняты, чтобы вас защищать!

* * *

Отличие адвоката от презерватива в том, что с одним и тем же адвокатом проколы могут случаться многоократно.

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ

* * *

Играть с государством в азартные игры примерно то же самое, что пытаться подстричь когти у льва. То есть острые ощущения гарантированы, а вот вознаграждения не дождешься.

* * *

Литература – это игра в подкидного дурака, которую многие стремятся сделать игрой в переводного.

АКСЕЛЕРАЦИЯ

* * *

Акселерация – это когда подрастающему поколению становится невозможно дать подзатыльник, не встав на табурет.

* * *

Акселерация возникает потому, что рост не обременяет голова.

* * *

В людей большого размера легче попасть плевком, но это может иметь более тяжелые последствия для плюющего, чем при плевании в маленьких людей, в которых, однако, попасть труднее.

АКТЕРЫ

* * *

Актеры – пустые оболочки. Без хорошего текста они только и умеют, что гримасничать.

* * *

Лицедейство – грех, потому что оно всегда основано на лжи.

* * *

Самое трудное для актера – это найти свое истинное «я» в реальной жизни.

* * *

Мыслящему человеку трудно стать хорошим актером: слишком часто приходится вживаться в роль идиота.

* * *

Перевоплощение – великое искусство, иногда наказуемое уголовным кодексом.

АЛКОГОЛИЗМ И ПЬЯНСТВО

* * *

Алкоголик – единственное существо, пьющее не для того, чтобы утолить жажду.

* * *

Что ни алкаш, то эпатаж.

* * *

Алкоголики меньше страдают от алкоголизма, чем окружающие.

* * *

Алкоголизм, пожалуй, единственный «-изм», не представленный ни одной политической партией. Тот, кто создаст партию алкоголиков, получит абсолютное большинство в Думе.

* * *

Лечение алкоголизма напоминает поездку на велосипеде по шпалам: трясет сильно, а далеко не уедешь!

* * *

Непьющий алкоголик всегда застенчив и учтив, его легко спутать с мыслителем или поэтом.

* * *

Легче развязать гордиев узел, чем завязать пить.

* * *

Боги пьют нектар потому, что на водку им не хватает пенсии.

* * *

Выпустив джинна из бутылки, не забудьте сдать тару.

* * *

Если слышишь с неба глас — значит, выпил ты не квас.

* * *

Именно алкоголь превратил нас в то, что мы собой представляем, ибо на трезвую голову этот мир и наше с вами положение в нём весьма мало перевариваемо.

* * *

Нет ничего более эффективного, чем горячительные напитки, когда речь идет об исключительной холодности и несговорчивости вашего оппонента.

* * *

Отвечать за свои поступки легче в нетрезвом виде.

* * *

Праздники нужны для того, чтобы иметь основание запрещать напиваться в будни.

* * *

Пустая винная бутылка лучше полной, потому что пустая уже выполнила своё предназначение.

* * *

Русь не была родиной бога пьянства Диониса, но стала его последним пристанищем.

* * *

Ярче кажется палитра, если выпито пол-литра.

АЛЧНОСТЬ

* * *

Алчность – вежливость королей.

* * *

В алчности страх утраты преобладает над радостью приобретения.

* * *

Алчность приводит к умножению забот на фоне обнищания души.

* * *

Нет алчности без зависти, как не бывает гнили без запаха.

АЛЬТРУИЗМ

* * *

Альтруист отличается от эгоиста тем, что альтруист всё время отличается.

* * *

Альтруист с эгоистом — идеальная пара!

* * *

Альтруистов не любят, потому что они оставляют всех в долгу.

Альтруизм — это эгоизм на уровне семьи, общины, рода, человечества.

АМЕРИКА И АМЕРИКАНЦЫ

* * *

Америка — мировой жандарм с глубоко травмированным самолюбием.

* * *

Американцы наивно полагают, что их любят во всем мире, в то время как в остальном мире наивно полагают, что американцев не за что любить.

* * *

Америка — страна неограниченных возможностей, включая возможность в ней не проживать.

* * *

Американцы прослыли необразованными потому, что тратят слишком много сил на запоминание названий полсотни своих штатов, из которых в остальном мире помнят от силы пять.

* * *

Почему американский патриотизм обычно проявляется на другой стороне света?

АНАРХИЯ

* * *

Анархия – мать портняки.

* * *

Слушайся маму. А то вырастешь – станешь анархистом!

* * *

Анархисты принуждают государство отказаться от принуждения.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

* * *

Английский язык столь же трудно выучить, как и забыть русский.

* * *

Стоит мне заговорить по-английски с русским акцентом, как окружающие реагируют так, словно я принялся материться вслух в оперном театре.

* * *

Английский язык получил распространение для того,

чтобы договорить то, чего не договаривает французский.

* * *

На английском лучше всего получается молчать.

* * *

Английский все настойчивее проникает в современный русский язык для того, чтобы изуродовать его окончательно.

* * *

Пытаться изъяснить загадочную русскую душу английским языком – все равно что исполнять первый концерт Чайковского на волынке.

* * *

Не зря говорят, что английский язык – это окончательно изуродованный французский.

АНГЛИЯ И АНГЛИЧАНЕ

* * *

Лучше уходить из гостей «по-английски» не прощаясь, чем заваливаться в гости не здороваясь.

* * *

В Англии бывает солнечно только в солярии.

* * *

Настоящий британский лев никогда не станет есть ягненка, не получив его согласия.

* * *

Англичане любят ругать свое правительство даже больше, чем погоду.

* * *

Родиться англичанином почти так же престижно, как и умереть.

* * *

Объявление: «Меняю славянскую спонтанность на английскую чопорность».

* * *

Спросить англичанина, сколько он зарабатывает, столь же бес tactно, как не спросить русского, сколько он выпил накануне.

* * *

Если вам кажется, что частная жизнь англичанина чрезмерно завуалирована для посторонних глаз, то вы явно

не читали британской желтой прессы.

* * *

Почему жёлтая пресса и жёлтый дом одного цвета?
Видимо, жёлтый действует успокаивающе как на пациентов,
так и на читателей.

* * *

Англичане ненавидят делать что-либо в последний
момент, предпочитая ему предпоследний.

* * *

Англичане не любят невоспитанных людей, потому что
те могут спросить лишнее или попросить в долг.
Воспитанные люди не любят англичан, потому что
чувствуют себя в их присутствии ужасно невоспитанными.

* * *

Больше всего англичане не любят самих себя.

АНЕКДОТЫ

* * *

Анекдоты нужны для того, чтобы создавать впечатление
оживленной беседы, когда говорить не о чем.

* * *

Чем короче анекдот, тем дольше над ним смеются.

* * *

Политический анекдот можно считать удачным, если он вызывает желание сообщить куда следует.

АНТИСЕМИТИЗМ

* * *

Быть иудеем – это то же самое, что утаивать шило в мешке, в котором нет шила.

* * *

Евреев не любят не потому, что они не любят неевреев, а потому, что они сами себя не любят.

* * *

В мире на каждого еврея приходится по тысяче китайцев, которым евреями быть не приходится.

* * *

Настоящий антисемит всегда сам немного еврей.

* * *

Осуждение антисемитизма вовсе не означает, что среди евреев нет дурных людей.

* * *

Если Бог мудрый родитель и растит человечество как ребенка, изменение правил и отношений необходимо. Не получается ли, что иудеи упорно ходят под себя, когда христиане уже согласились ходить на горшок?

* * *

Многие компьютеры проявляют антисемитизм, отказываясь печатать справа налево.

* * *

Зачем почти все в мире уверовали в еврейского Бога, если им так не нравятся евреи?

* * *

Псевдоантисемитизм – это когда еврей смотрит на себя в зеркало и не верит своим глазам.

* * *

Если еврея критикуют – это антисемитизм. Если критикует еврей – это сионизм. И то и другое – идиотизм.

* * *

Отрицать антисемитизм столь же глупо, как и сетовать на его отсутствие.

* * *

Если антисемита заключить в концлагерь, он сразу изменит свое мнение.

* * *

Хронический антисемитизм предпочтительнее острого. И тот и другой лечится обрезанием.

* * *

Когда иудеям наконец явится мессия, что он примерно им скажет? Будет ли это отличаться от того, что сказано в Новом Завете? Скажет ли он, что нужно всех судить, что гордыня – это хорошо, а миротворцами быть плохо, что мы не соль земли и не свет мира?

* * *

Если бы Бог по-прежнему благоволил к иудеям, зачем бы он отобрал у них Ковчег Завета и разрушил Храм?

* * *

Иудейское отношение к христианству выходит за пределы обычной неприязни, хотя христианство, казалось бы, должно было вызывать у иудеев не меньший интерес,

чем иудаизм вызывает у христиан.

* * *

Антисемитизм зиждется на звериной основе, потому что живет в некоторых людях буквально физиологическая потребность уничтожать чужого.

АМБИЦИИ

* * *

Все мы поедаем великанов, оставаясь жалкой ползучей мелкотой.

* * *

Даже съев великана, великаном не станешь.

* * *

Если вы обнаружили у палки три конца, значит, вы преуспели в квантовой физике.

* * *

Жаль, что лучший способ возвышения в собственных глазах — это топтание других ногами.

* * *

Красноречие не должно заставлять краснеть.

* * *

Круг — это квадрат, которому вскружили голову.

* * *

Любой капрал со школьной парты обязан метить в Бонапарты.

* * *

Не всякий взошедший на постамент способен сойти с него без посторонней помощи.

* * *

Опасайтесь людей с комплексом неполноценного превосходства.

* * *

Отказ от амбиций делает жизнь бессмысленной. Отказ от жизни во имя амбиций делает их бессмысленными.

* * *

Сохраняя собственное достоинство, не забывайте делать это достоянием общественности.

* * *

Трудно довольствоваться малым, даже если он славный малый.

* * *

Уши дохлого осла растут в цене по мере его превращения в святые мощи.

* * *

Умерить свои амбиции можно лишь удовлетворив чужие.

* * *

То, что амбициозному человеку трудно усидеть на месте, еще не значит, что он не бегает кругами.

* * *

Раскормленные амбиции обычно режут к Рождеству.

* * *

Даже здоровые амбиции могут быть болезненны.

АПЛОДИСМЕНТЫ

* * *

Сорвать аплодисменты глупой выходкой гораздо легче, чем вызвать негодование удачной остротой.

* * *

Когда некоторых актеров провожают в последний путь под звук аплодисментов, так и хочется крикнуть «бис!»

* * *

Почему шум оваций так напоминает звук приближающегося поезда?

* * *

Многие таланты так и не дождались, чтобы треск пощечин перерос в гул аплодисментов.

АРМИЯ И ВОЕННЫЕ

* * *

Тупость военных редко компенсируется красотой их униформы.

* * *

Женщины любят военных, потому что думают, что военные любят любить женщин.

* * *

Армия – последний оплот грубой силы, применяемой со знанием дела.

АРХИТЕКТУРА

* * *

Архитектура – это квартирный вопрос, заданный риторическим тоном.

* * *

Чтобы построить красивый храм, нужно обязательно знать, какому богу в нем будут молиться.

* * *

Архитектура – враг целесообразности.

* * *

Если архитектура – это наука о том, как изменить ландшафт нагромождением камней, то военное дело – это наука о том, как не оставить камня на камне.

* * *

Местоположение краеугольного камня не всегда способствует архитектурному замыслу.

* * *

Если архитектура – это застывшая музыка, то тяжелый

рок – это обрушившийся дом.

* * *

Если архитектор не в духе, он проектирует тюрьму, если в хорошем настроении – зал для бракосочетаний.

* * *

Почему градостроительство всегда идет под руку с градоразрушительством?

* * *

Главный враг архитектуры – гравитация.

* * *

Ничто так не вредит фантазии архитектора, как жадность заказчика.

АСТРОЛОГИЯ

* * *

Астрология – это наука о том, как нас обманывают звезды.

* * *

Иногда лучше съесть собственный гороскоп, чем позволить ему осуществиться.

* * *

Хитрые люди не верят гороскопам, они их составляют.

* * *

Астролог – это человек, воображающий, что он имеет отношение к звездам.

* * *

Предсказать судьбу гораздо легче, чем ее изменить.

* * *

Увидев падающую звезду, нужно загадать желание, чтобы она в тебя не попала.

АТЕИЗМ

* * *

Единственное преимущество атеизма—это экономия на церковных свечках.

* * *

Незнание Священного Писания не освобождает от ответственности на Страшном Суде.

* * *

Упорство атеиста сравнимо только с религиозным фанатизмом.

* * *

Всякий атеист надеется, что если он окажется не прав, Бог его простит.

* * *

Повстречав Бога, атеист потребует предъявить паспорт.

Молитва атеиста: «Господи, разве тебе неясно, что тебя нет?»

* * *

Атеисту стоит поразмыслить, что было бы, если бы Бог перестал верить в людей.

* * *

Если у атеиста есть совесть, то он становится агностиком.

* * *

Атеисты сами не верят и другим мешают.

* * *

Атеист обычно сам претендует на роль Бога и берется судить мир.

* * *

Если бы Бога не было, атеисты бы так не горячились, доказывая, что Еgo нет.

* * *

Атеист как сапер. Ошибка – и в пекло.

* * *

Большинство атеистов ставят Богу свечку на всякий случай.

АФОРИЗМЫ

* * *

Афоризм — фраза, прошедшая обрезание.

* * *

Недосказанность — отражение самой жизни.

* * *

Краткость — признак спешки.

* * *

Афористичность особенно ценна в перебранке.

* * *

Афорист отличается от афериста одной буквой.

* * *

Слово, невзначай брошенное великим человеком, не обязательно является афоризмом.

* * *

Авторы афоризмов обычно оправдываются словами:
«Мало ли кто что сказал?»

* * *

Бог потворствует краткости.

* * *

Большинство афоризмов рассчитано на людей не менее умных, чем их авторы.

* * *

Неудачные афоризмы имеют успех у неудачников.

* * *

Латынь была забыта для того, чтобы на ней можно было

произносить афоризмы без перевода.

* * *

Афоризмы не терпят идиотизма.

* * *

Афоризм – лекарство от занудства.

* * *

Афоризмы – крупицы мудрости, завалившиеся под подкладку бытия.

* * *

Афоризм – глоток свежего воздуха в духоте многословия.

* * *

Афоризм – средство отвлечения внимания от невнимания.

* * *

Афоризм – тест на тугодумие.

* * *

Чем короче афоризм, тем труднее его придумать.

* * *

Сочинение афоризмов не должно напоминать сдачу анализов.

* * *

Легче всего писать афоризмы на никому не знакомом языке.

* * *

Сколько прекрасных афоризмов было утрачено из-за невнимательности слушателей!

* * *

Афоризмы о афоризмах удаются лучше всего.

БАРДАК (БЕСПОРЯДОК)

* * *

Живой беспорядок лучше похоронного марафета.

* * *

Склонность к бардаку — главнейшая формула самоуничтожения.

* * *

У России есть только два состояния: либо это бардак,

либо тюрьма, причём переходный период от бардака к тюрьме настолько короток, что разглядеть его практически невозможно.

БАБНИКИ

* * *

Бабниковы обычно интересуют не только бабы, но и бабки.

* * *

Бабникам вечно не хватает бабок на баб.

* * *

С бабниками всегда есть о чём поговорить.

* * *

Бабник никогда не уведет у вас дедку.

* * *

Настоящий бабник должен знать толк не только в бабах.

* * *

Бабники обычно страдают завышенной самооценкой.

* * *

Бабник свято верит в собственную неотразимость, даже глядя в зеркало.

* * *

Влюбиться в бабника – все равно, что вложить деньги на чужой счет и ждать дивидендов.

* * *

Бабник отличается от незрелого помидора тем, что на помидор есть надежда – покраснеет.

* * *

Любовь бабника – как жизнь бабочки.

* * *

Сделать из бабника верного мужа так же трудно, как перестать на это надеяться.

* * *

Бабники покоряют своей безудержной страстью к покорению женского пола.

* * *

Без бабников мир был бы скучен.

* * *

Бабник в женском монастыре – как слон в посудной лавке.

* * *

Слова Господа: «Идите и размножайтесь» бабники понимают слишком превратно.

* * *

Настоящий бабник не только не пропускает ни одной юбки, но не брезгует и девушками в брюках.

* * *

Хорошая жена и бабника превратит в домоседа.

БАЛЕТ

* * *

Балет – это искусство превращать движение в искусство.

* * *

Надев пуанты, самое главное – не сломать ноги.

* * *

Балет настоящих звезд называется галактикой.

* * *

Балетмейстеры нередко игнорируют наличие земного притяжения.

* * *

Странно, что хореограф руководит не хором.

* * *

То, что балерина имеет вес, замечает только балерун.

* * *

Плохому танцору мешают не только ноги.

* * *

Балет – повод полюбоваться ножками, делая вид, что рассматриваешь попки.

* * *

Любование ножками обычно доводит до ручки.

* * *

Перед хорошенькой балериной хочется сделать антраша, побить ножкой об ножку и наставить ее мужу рожки.

БАНКИ

* * *

Банки – гробовщики экономики.

* * *

Банк – это заведение, в котором принято заводить деньги.

* * *

Современный банкир менее чист на руку, чем ростовщик, потому что ростовщику чаще чистили рыло.

* * *

Финансовая операция прошла успешно – правда, клиент разорился.

* * *

Во время мирового кризиса состояние банковского счета – главная причина импотенции.

* * *

Нынче легче заработать деньги, чем получить их в виде ссуды в банке.

* * *

Аллергия на денежные купюры – профессиональная болезнь банковского клерка: всё время чешется то правая, то левая ладонь!

* * *

Деньги больше всего ненавидят тех, кто ненавидит деньги.

* * *

Российские банки отличаются от консервной банки тем, что если положишь деньги в банку, наверняка достанешь их обратно.

* * *

Банки лопаются отнюдь не от избытка денег.

БАНКРОТСТВО

* * *

Банкротство наступает тогда, когда банками руководят кроты.

* * *

Банкротами не рождаются, ими становятся.

* * *

Что делать, если для того, чтобы объявить банкротство, не хватает денег даже на объявление?

БОГ И РЕЛИГИЯ

* * *

Бог смотрит на людей глазами любви.

* * *

Для некоторых событий Бог просто забывает придумать причины.

* * *

Если бы Бог раздумывал, кому будет нужен Его мир, Он до сих пор носился бы над бездной.

* * *

Духовная природа не терпит пустоты: если в сердце у нас нет Бога, то его занимает дьявол.

* * *

Относительное равновесие между грехом и

праведностью, видимо, и требуется любому верующему человеку.

* * *

Смешно, но безверие совершенно не мешает дремучему суеверию.

* * *

Если бы Господь желал устроить мир как-нибудь иначе, Он обязательно устроил бы его иначе.

* * *

За какое место держит нас Бог-Вседержитель?

* * *

В современном мире, как и на протяжении всей истории человечества, многие религии являются исключительно инструментами геополитики — на общечеловеческом уровне, и альтернативой психотерапии — на индивидуальном уровне.

* * *

Неверующий похож на человека, не желающего обзавестись страховкой.

* * *

Не всякий грешник—безбожник. Но всякий безбожник — грешник.

* * *

Неудивительно, что вера в Бога буквально закодирована в наших генах. Ясно ведь, *Кто* их кодировал!

* * *

Не может быть много путей к Истине. Если бы их было много — то Бог бы нам это не преминул сообщить.

* * *

Поскольку у Господа есть бесчисленное множество образов и подобий, то их хватит на всех.

* * *

Без воли Божьей ни один волос не падает с головы человека, в этом смысле лысый имеет преимущество.

* * *

Бог — как Нью-Йорк. Он никогда не спит!

* * *

Если хочешь насмешить Бога, поделись с ним своими планами на завтра.

* * *

Истинные святые святы не из-под палки, а потому, что просто не могут иначе.

* * *

Молитвы — это коды, пароли, это ключи, открывающие тайные ворота в небо.

* * *

Бог познается сердцем, потому что сердцем познается любовь.

* * *

Если кто-то страдает неверием, никакая логика его не убедит.

* * *

Бывает, долго ищешь Бога, а как найдешь, то и не знаешь, что с ним делать.

БОЛЬ, БОЛЕЗНИ

* * *

Боль отвлекает от мыслей.

* * *

Ампутация — лучшее средство от вставания не с той ноги.

* * *

Визит к врачу нередко мучительнее, чем его причина.

* * *

Водные процедуры не обязательно должны включать удар веслом по голове.

* * *

Вред, наносимый врачами, можно сравнить только с вредом, наносимым их отсутствием.

* * *

Смотреть пациенту в глаза рекомендуется не только врачу-окулисту.

* * *

Единственное, что стоит откладывать в долгий ящик, — это в него сыграть.

* * *

Икота — это попытка выразить внутренний мир без лишних слов.

* * *

Ксенофилия (любовь к чужестранцам) — хорошая болезнь, приветливая, но, к сожалению, встречается чрезвычайно редко и в запущенной форме: у Карла Великого она настолько прогрессировала, что ему всё время хотелось стать королём какого-нибудь дополнительного народа.

* * *

Лекарство отличается от крысиного яда тем, что яд продают без рецепта.

* * *

Медицина сделала колossalный шаг вперёд. Она решила, что если больной болеет или умирает — в этом нет ничего страшного, ведь сколько ещё здоровых остаётся?

* * *

Невзгоды приходят и уходят, а депрессия остаётся.

* * *

Невроз — весьма заразное заболевание.

* * *

Не нужно посещение туалета превращать в культурное мероприятие.

* * *

Окулист — это не зубной врач, лечащий акул.

* * *

Плохое зрение позволяет сэкономить на ремонте.

* * *

Удар подсвечником обычно не приводит к просветлению в голове, даже если в подсвечнике были горящие свечи.

* * *

Ураган трудно утихомирить валерьянкой.

* * *

Харизма вовсе не является болезнью лица.

* * *

Хирург отличается от мясника тем, что мясник не режет по живому.

* * *

Хлебные крошки на полу лучше, чем в дыхательном

горле.

* * *

Чаще болеют теми заболеваниями, за которые легче получить больничный.

* * *

Чтобы не тронуть пальцем, пришлось избить палкой.

* * *

Это хорошо, что появилась одышка. Это значит, что вы
ещё дышите!

БРАК И СЕМЬЯ

* * *

Взялся за гуж, не говори, что не муж.

* * *

Выбирай невесту, всегда смотри на её бывшего мужа.

* * *

Даже будучи законченным рогоносцем, как-то не
хочется, чтобы вам обломали рога.

* * *

Если раньше супружеский долг включал в себя нечто интимное и не обсуждаемое на публике, то теперь на публике можно обсуждать всё, кроме самой публики.

* * *

Если с неверной женой можно развестись, то неверная судьба может оказаться гораздо привязчивее.

* * *

Известен ли случай, когда развод был вызван тем, что муж застал жену с другой женщиной?

* * *

Иногда для брака уже не нужны люди: вещи начинают брачеваться сами с собой.

* * *

Конфликт между работой и семьёй — миф, это конфликт внутри себя самого.

* * *

Моногамия — это вовсе не навык играть гаммы одним пальцем.

* * *

Многожёнство — всего лишь один из способов эффективной организации домашнего труда.

* * *

Натянутость в семейных отношениях возникает тогда, когда спят под одним одеялом.

* * *

Нервная среда карьеры неблагодатна для выращивания роз нежных чувств и семейного счастья.

* * *

Пигмалион извял Галатею вовсе не для того, чтобы она стирала ему носки.

* * *

Почти каждая замужняя женщина способна написать трактат о превратностях брака с задумчивыми мужчинами.

* * *

Продолжение рода — в своём роде очень занимательное занятие.

* * *

Продолжение рода нужно для оправдания суеты во имя

продолжения рода.

* * *

Обет безбрачия страхует от алиментов.

* * *

Родные и близкие почему-то часто оказываются такими
чужими и далёкими.

* * *

Родные стены давят своей надоевшей предсказуемостью.

* * *

Семейное счастье происходит на зыбкой почве
взаимного уважения, но взойдя, упирается в низкий потолок
взаимного упрямства.

* * *

Супружескую верность легче всего хранить при полном
отсутствии proximity лиц противоположного пола.

* * *

Дом, разделенный в себе самом, устоять не может.

* * *

Трудно чувствовать себя в своей тарелке, если жена, скандаля, всё время бьёт посуду.

* * *

Вечные неуемные прокураторы Иудеи, к чужим мы относимся лучше, чем к своим...

* * *

Родных мы всегда судим строже и наказываем больнее.

* * *

Люби мужа, и он ответит тебе тем же.

ВЕРА И НЕВЕРИЕ

* * *

Вера в бессмертие души необходима человеку, чтобы оставаться человеком.

* * *

Вера в себя появляется, когда окончательно теряешь веру в других.

* * *

Людей губит слепая вера в собственную зрячесть.

* * *

Неверующий похож на человека, не желающего обзавестись страховкой.

* * *

С тех пор как французы потеряли доверие к католичеству, у них образовалась в душе дыра величиной с Бога.

* * *

Жаль, что нет ничего более вселяющего уверенность, чем вера в собственную правоту.

ВОЙНЫ

* * *

Армия — это Сатурн, пожирающий чужих детей.

* * *

Воевать не хочет никто, но обстоятельства заставляют...
Давайте привлечём к суду обстоятельства и обвиним их в развязывании войн!

* * *

Все войны в истории человечества развязывались теми, кто именовал себя миротворцами. Воистину — блаженны миротворцы, ибо причина всякой войны — их собственная блажь.

* * *

Вторжение в соседнюю страну обычно совершается во благо её граждан.

* * *

Мировые войны нужны для того, чтобы учебники истории были интереснее, чем фильмы ужасов.

* * *

Отличие войны от Олимпийских игр в том, что на войне медали чаще всего вручаются посмертно.

* * *

Пока обе стороны считают себя победителями, никакая война не может завершиться.

* * *

Потворствовать агрессору — это всё равно что держать цианид в баночке с надписью: «Поваренная соль».

* * *

С врагами лучше садиться за стол переговоров, чем ложиться с ними в могилу.

ВРЕМЯ

* * *

Времена меняются — долги остаются.

* * *

Время для меня есть тоска, смерть, старение, неволя, кислота обиды за то, что не дожил, не достиг того, чего мог и должен был достичь.

* * *

Время разбрасывать камни болезненнее всего переносится страдающими мочекаменной болезнью.

* * *

Время следует измерять в чекушках.

* * *

В наше время за наступление зимы принято голосовать единогласно: довольно оттепелей с распутицей! Да

здравствует зима! Зимой, по крайней мере, начнут топить... и перестанут открывать настежь все окна. В том числе и в Европу.

* * *

В наше время подтяжки не столько поддерживают штаны, сколько придают ощущение собственной значимости.

* * *

Всему своё время... Вот только почему это «своё время» всегда наступает так поздно?

* * *

Всё в наши времена принимает глобальную форму: глобальное поглупление, глобальное посерение, глобальное потемнение, глобальное понукание и глобальное пищеварение под названием «сеть Макдональдс».

* * *

Лучше быть критиком, чем кретином, домовладельцем, чем съёмщиком, работодателем, чем работобрателем, отпетым, чем отпеваемым, симулянтом, чем больным, мыслить, чем мычать и всё время уповать на лучшие времена.

* * *

Ничто не длится так долго, как настоящий момент.

* * *

Раньше в рулоны сворачивали папиросы, а теперь — туалетную бумагу.

* * *

Сексуальный извращенец — это человек, родившийся раньше своего времени.

* * *

Со временем идеи рассасываются, мнения выветриваются, а наши устремления, оказывается, тоже весьма скоропортящийся продукт.

* * *

Забвение — самый распространенный приговор, который всем нам подписывает время.

* * *

Не существует совершенно бессмысленных эпох, как не существует совершенно лишенных смысла человеческих жизней.

* * *

Одним время служит, над другими оно господствует.
Одним время – седло, другим – наездник.

ГОРДЫНЯ

* * *

Гордыня опасна тем, что она заразна.

* * *

Постоянные насмешки напоминают твоей гордыне, что она забыла выключить свет в кладовке твоего самомнения...

* * *

Неужели первом может водить только гордыня, а смирение всегда должно оставаться немым?

ГОСУДАРСТВО

* * *

Бог создал этот мир без границ, паспортного контроля и таможенных сборов. Границы были придуманы хищниками

как средство взаимоотношений, кому где охотиться. Государства переняли эту подлую идею.

* * *

В Африке не важно, кто победил. Там победителей съедает крокодил.

* * *

В социалистическом государстве даже государь имеет пролетарское происхождение.

* * *

В тоталитарной стране интеллектуальные занятия считаются экстремальным видом спорта.

* * *

Государства не любят нестандартно мыслящих и именуют их умопомешанными, а умопомешательство и разбой есть исключительно прерогатива государств!

* * *

Государство должно быть управдомом, а не грабителем и палачом собственного народа.

* * *

Если бы Колумб не открыл Америку, она не напала бы на

Ирак.

* * *

Есть страны, отрицающие детство как форму человеческого сознания, а есть страны, которые отрицают право человека на молодость: не успел шнурки завязать — автомат в руки и вперёд, но страшнее всего страны, отрицающие старость.

* * *

Израилю не страшны террористы — они не угрожают еврейскому образу жизни и даже весьма ему способствуют, поскольку когда евреям не с кем бороться, они начинают ругаться между собой.

* * *

Израиль — это перевёрнутая лодка, вокруг которой гордо плавают кандидаты в утопленники и делают вид, что проживают в нормальной стране.

* * *

США являются самым настоящим астрономическим объектом, именуемым в науке «чёрной финансовой дырой».

* * *

Тёплые страны — это хорошо, но почему-то в

большинстве из них совершенно невозможно жить: видимо, жар плохо действует на политico-экономическую обстановку.

* * *

Теперь в так называемых демократических странах не арестовывают за мысли и высказывания. Нынче новая мода: найти другой повод, но добиться того же результата.

ДЕМОКРАТИЯ

* * *

Демократия была изобретена для того, чтобы при любых обстоятельствах можно было крикнуть народу: «Сами виноваты!»

* * *

Демократия заслуживает того, чтобы ради неё отдать свою жизнь, ибо жизнь у нас так себе, замызганная, с протёртыми на заду штанишками: такую-то и отдать не жалко.

* * *

Демократия — это ничто иное, как право большинства

обижать меньшинство.

* * *

Коллегиальность в управлении необходима для возложения вины на другого.

* * *

Сейчас войну может объявить каждый, что и является неоспоримым доказательством окончательного демократизма нашей эпохи.

* * *

Если на выборах побоят людоеды — будем есть друг друга на совершенно законном основании.

ДЕНЬГИ, РАБОТА

* * *

Готовность удовлетвориться самым малым — это наинеобходимейшая составная человеческого.

* * *

Деньги — это всего лишь инструмент достижения цели, а не сама цель.

* * *

Если денег стало мало, надо тратить ещё больше и не беспокоиться о заработке. Опасность полного разорения мобилизует умственные способности настолько, что придёт такая идея, которая позволит разбогатеть в гораздо большей мере, чем простое сокращение расходов и попытки заработать увеличением объёма обычной работы.

* * *

И с бездонным карманом можно сесть на мель.

* * *

Лёгкая нажива редко оставляет в живых тех, кому она досталась.

* * *

Лучше потратиться на обогрев, чем на лечение обморожений.

* * *

Мировой кризис, как и коммунизм, заставляет привыкать обходиться без денег.

* * *

Многие люди пропадают на работе не потому, что работа

того требует, а потому, что не хочется возвращаться домой.

* * *

Не в деньгах счастье, но и не в их отсутствии.

* * *

Не нужно откладывать на завтра то, чего вообще делать не нужно.

* * *

Нет ничего парадоксальнее отчаяния, вызванного полным благополучием.

* * *

Нужда человека — это иллюзия, его крик о том, что он хочет большего.

* * *

Работа — не волк, так что не поминайте лихом.

* * *

Скука — далеко не самая страшная беда безработного.

* * *

Страсть к приобретательству стимулирует экономику настолько же, насколько экономика стимулирует

приобретательство.

* * *

Стоимость выеденного яйца, увы, не зависит от его размера.

* * *

Хотелось бы, чтобы последняя книжка, которую мы пролистаем, не оказалась чековой.

* * *

Черта бедности — это когда нет ни черта.

* * *

Человек произошёл от обезьяны только потому, что обезьянам не платят пособие по безработице.

ДОБРО И ЗЛО

* * *

Даже если кажется, что всё напрасно, делать добро всё равно надо!

* * *

Если ты делаешь зло, оно к тебе неминуемо вернётся.
Следовательно, делая зло другим, ты делаешь его себе.

* * *

Ждёшь благодарности — получишь неприязнь.

* * *

Нет такого дела, в котором нельзя было бы найти
доброго решения.

* * *

Сказку о том, что для всех добро разное, придумали
очень злые люди, чтобы всех запутать.

* * *

Мы зачастую не обращаем внимания на самих себя и на
свои недостатки, никак не хотим вникнуть в то, что часто
ошибаемся в своих суждениях о других. И, наконец, мы
забываем, что судить других есть не наше дело, а дело
Божие.

* * *

Очень часто ближний неотличим от диавола:
проваивает тебя, заставляет стать с ним на одну планку —
ненависти и осуждения.

* * *

Хочешь как лучше, а оказываешься в помойной куче.

ДРУЖБА

* * *

Настоящий друг никогда не навязывает свою дружбу.

* * *

Подружив своих подруг, наживёшь себе врагов.

* * *

Школьные друзья редко прощают великим то, что с тем же дипломом им удалось забраться выше.

ДУША И ДУХОВНОСТЬ

* * *

В поисках духовности важно не оказаться в духовке.

* * *

Все мы ценим привычный уют нашего, подчас захолустного, уголка, именуемого домом, родиной,

щемящей, вечно разбережённой раной в паспорте нашей души.

* * *

Доверие к человеку не строится на поступках, а проистекает из ауры его души.

* * *

Душу стало сложнее продать, чем авторские права.

* * *

Избегайте оледенения своей души, дабы не превратить её в арктическую пустыню, где так легко забыть даже собственное имя.

* * *

Нынче не продают душу дьяволу, а сдают её в залог под ипотечную ссуду.

* * *

Трудно в руинах души справлять именины сердца.

* * *

Не всем легко глядеть на себя в зеркало, отражающее внутреннюю сущность населяющих его зазеркалье существ.

* * *

Наша душа словно поверхность вод — пребывает в вечной зыбкости.

* * *

Наши болезни духа превращаются в такую привычку, что их уже не отличить от черт характера.

ЕВРЕИ

* * *

Давно прошли те времена, когда евреи были народом книги. Теперь они, как и другие народы, являются народом телевизора.

* * *

Для меня еврейство — это образ мысли.

* * *

Евреи — это люди, которым нравится быть евреями.

* * *

Народу Израиля требуется мессия с опытом.
Рекомендации от Понтия Пилата обязательны.

ЕДА

* * *

Всякий гурман фанатично предан своему желудку.

* * *

Вы не замечали, что чем больше мы думаем об умеренности в еде, тем больше хочется есть?

* * *

Голод голодных — это позор сытых.

* * *

Любимое блюдо тирана — паштет из печени опального шута.

* * *

Не надо мешать пищу с философией, а то обязательно приключится несварение желудка.

* * *

Обжорство — самый надёжный способ вложения капитала в нашем неспокойном мире: вряд ли кто-нибудь сможет отобрать у вас съеденное, но даже если ему это

удастся, вряд ли он останется доволен отобранным.

* * *

Сытый голодного не съест.

* * *

На свете нет ничего живого, что было бы несъедобным.

Никогда не уповай на свою несъедобность.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

* * *

Блуждая среди букв алфавита собственной жизни, трудно отыскать её начало и конец, альфу и омегу, ради которых стоит жить. Увы, этой азбуке не учат ни в одной школе мира.

* * *

В жизни важен не результат, а процесс. Нужно попытаться сделать его приятным и не слишком беспокоиться о результатах.

* * *

В жизни невозможно всё наладить раз и навсегда.
Таковы правила игры.

* * *

В конце жизни нужно не забыть воскликнуть: «И это всё?!»

* * *

Все мы в той или иной мере пытаемся искривить жизнь себе в удобство.

* * *

Давно пора расслабиться — наша жизнь скорее розыгрыш, чем игра.

* * *

Если вы серьёзно полагаете, что жизнь вас чему-то учит, значит, она вас так ничему и не научила.

* * *

Жаль, что в жизни к одним и тем же выводам приходится приходить многократно.

* * *

Жизнь даёт нам гораздо больше, чем мы можем взять, но мы не берём и того, что можем.

* * *

Жизнь иной раз напоминает вязкую, тягучую смесь жалких хлопот и заботливо скрываемого отчаяния, нередко прерываемых скандалами разной силы и тяжести.

* * *

Жизнь — как романтическая проститутка: небольшие усилия, и вы получите всё, что хотите.

* * *

Жизнь напоминает кабак: засидевшимся посетителям не хочется уходить.

* * *

Жизнь неохотно выполняет наши заветные желания, но и не торопится осуществлять наши тайные страхи.

* * *

Жизнь — опытная швея. Кроя наши судьбы, она не нуждается в выкройках.

* * *

Жизнь похожа на непрятязательную женщину вольного поведения с романтическими наклонностями: за небольшую мзду она согласна быть такой, какой вы её пожелаете.

* * *

Жизнь состоит из целеустремленного брожения по пустырям.

* * *

И в Париже можно жить по-свински.

* * *

Иногда хочется просто *быть*.

* * *

Как здорово ни живи, всё равно прикажешь долго жить!

* * *

Когда нам грустно, жизнь над нами смеётся.

* * *

Лучше умереть разочарованным жизнью, чем родиться очарованным смертью.

* * *

Мелочи детской обиды вырастают во взрослой жизни до размеров мрачных айсбергов.

* * *

Многие умудряются проспать всю жизнь, а некоторые и умерев, так и не пробуждаются.

* * *

Нам редко жизнь дает ответ, зачем явились мы на свет.

* * *

Настоящая жизнь начнётся, как только мы перестанем этого ждать.

* * *

Наше бытие испепеляется легко и незаметно, как китайская палочка, курящаяся сама по себе до полного своего затухания.

* * *

Неизбежность неприятностей не должна превращать нашу жизнь в их ожидание.

* * *

Нет ничего настолько продолжительного, чтобы оно смогло растянуться больше, чем позволяет и без того натянутая до предела резинка нашей жизни.

* * *

Никогда не надо думать, что всё, что происходит сейчас, — это несерьёзно и не насовсем, а вот когда-нибудь потом начнется настоящая, счастливая жизнь. Те, кто так рассуждает, обычно умирают, так и не начав жить.

* * *

Ничтожество жизни не компенсируется её продолжительностью.

* * *

Обживайте текущий момент, ибо эта темница присуждена нам надолго, если не навсегда.

* * *

Оптимист преображает мир больше, чем пессимист; тот, кто считает, что жизнь хороша, может изменить её к лучшему.

* * *

Пожалуй, в знании, что важно, а что второстепенно, и состоит один из величайших секретов нашей жизни.

* * *

Скучно жить не запретишь.

* * *

Стоит ли отдавать полжизни за здоровый образ жизни?

* * *

Сходство между живыми и мёртвыми в том, что и те и другие уклоняются от уплаты налогов.

* * *

На краю бесконечности, именуемой жизнью, разыгрывается игра, исход которой неизвестен.

* * *

Легче создать себе любую жизнь, чем понять, какую именно ты действительно хочешь.

* * *

Смерть каждого считает своим земляком.

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ

* * *

Для тех, кто страдает аллергией на кошек, общение с тиграми может быть опасно.

* * *

Если вы можете наугад в полной темноте пробраться к собственной кровати, ни разу не ушибившись, значит, пора путешествовать.

* * *

Если вы нашли восточный полюс Земли — значит, у вас сломан компас.

* * *

Земля, как известно, кругла до безобразия, и всё, что посыпается в одну сторону, неизбежно прилетает с другой стороны.

* * *

Июльская полночь теплее февральского полдня.

* * *

Кинотеатры, как и парикмахерские, — идеальные места для переоценки ценностей.

* * *

Лучше пусть природа водит нас за нос, чем таскает за хвост.

* * *

Мойдодыр — это Дед Мороз после бани.

* * *

Облезлая кошка лучше пушистой крысы.

* * *

Осёл прекрасный оратор. Клич его невнятен, но убедителен.

* * *

О тех, кто несёт золотые яйца, обычно не принято упоминать вслух.

* * *

Пойманной рыбе не пристало мечтать об аквариуме.

* * *

Слону в посудной лавке трудно чувствовать себя в своей тарелке.

* * *

Танец — это возможность дать наложить на себя руки и остаться в живых.

* * *

Обвинения в неоригинальности в первую очередь

неоригинальны сами по себе.

ИЛЛЮЗИИ

* * *

Безопасность — это самая опасная иллюзия.

* * *

Вера в собственные силы — самая важная иллюзия. Её нужно сохранять из последних сил.

* * *

Если всё кругом лишь иллюзии — постарайтесь выбирать из них приятные и полезные, а вредные и страшные забудьте и отодвиньте.

* * *

Живите сразу на чистовик, ибо то, что когда-нибудь потом всё будет большим и настоящим, — несносная иллюзия.

* * *

Лучший способ избавиться от фантазий — это осуществить их.

* * *

Морковка символизирует бесплодность земных устремлений.

* * *

Небеса существуют не только для того, чтобы на них уповать, но и для авиаперевозок.

* * *

Оставьте иллюзию, что настоящая жизнь начнётся когда-нибудь потом: она не начнется никогда, потому что уже давно началась.

* * *

Реальность — это всего лишь взаимоотношения между нашими иллюзиями и внутри наших иллюзий.

* * *

То, что золото жёлтое, вовсе не означает, что его добывают в Китае.

* * *

Хороший вымысел не нуждается в доказательствах.

ИСКУССТВО, ЛИТЕРАТУРА, ТВОРЧЕСТВО

* * *

Всё-таки русская литература слишком мрачна. Там если не мёртвые души, то живой труп.

* * *

В процессе поиска образа многие актёры совершают безобразия.

* * *

Всякое искусство хорошо до тех пор, пока не становится предметом торга.

* * *

Гоголь любил макароны с сыром. Не удивительно, что в его книгах такие длинные предложения.

* * *

Если закопаешь талант, рано или поздно пожнёшь бурю.

* * *

Жаль, что творчество несовместимо с производительным трудом.

* * *

Идиот отличается от гения тем, что идиот занимается не своим делом.

* * *

Издатели — сутенёры муз.

* * *

Искусство не имеет прямого отношения к философии, ибо по сути не имеет самостоятельного философского смысла и является результатом избыточной подмены понятий.

* * *

Кумир — это мирный кум.

* * *

Литература давно превратилась в старомодную деву, нашёптывающую своим воздыхателям нелепые обещания.

* * *

Лучше быть непризнанным гением, чем признанным идиотом.

* * *

Настоящий художник никогда не пожелает другому художнику худого.

* * *

Никакой гонорар не оплатит исписанную душу.

* * *

Нынче писатель сам должен платить, и немало, чтобы его прочли.

* * *

Писательский труд мало отличается от толкания всё время скатывающегося вниз камня.

* * *

Похоже, современные художники пишут свои полотна в темноте.

* * *

Публика не любит пауз: в них слышно, как она храпит.

* * *

Рукописи часто сгорают, так и не родившись.

* * *

То, что актёр произносит чужие слова как свои, приводит к тому, что свои он произносит как чужие.

* * *

Хорошее знание правописания мешает составлению каламбуров.

* * *

Хороший анекдот не должен оставлять дурного осадка.

* * *

Хороший скрипач не скрипит.

* * *

Чем стихи витиеватей, тем поэты нагловатей.

* * *

Чистый холст — это единственная связующая составляющая заговора против мастерства, ибо у гения и у бездарности холст одинаков до тех пор, пока на него не нанесён первый мазок.

* * *

Шедевр — это убожество, доведённое до совершенства.

* * *

Эпитафия должна звучать как отчёт о проделанной работе.

ИСТИНА

* * *

Ересь — это истина, поставленная в угол.

* * *

Непризнание ничьих авторитетов — первый шаг на пути поиска истины.

КЛАДБИЩЕ

* * *

Небеса — это кладбище несостоявшихся пилотов.

* * *

Сходство между кладбищем и автостоянкой заключается в том, что никто не торопится освобождать своё место.

ЛЮБОВЬ И СТРАСТЬ

* * *

Безусловная любовь — единственная форма любви, которая может именоваться любовью.

* * *

Горечь последнего одиночества и потеря первой любви, оказывается, связаны невидимыми гибельными нитями.

* * *

Любовь и верность заслужить нельзя — они либо есть, либо нет.

* * *

Любовь к идеальному человеку — это товар фальшивый. Принимайте только настоящую любовь к вам, которая не за что-то, а скорее, вопреки чему-то.

* * *

Мало просто полюбить друг друга — нужно нежно, в ладошках, пронести эту любовь, как мотылька, сквозь ураганные ветры судеб и истошную усталость, приходящую порой так рано и не оставляющую нас до самого конца.

* * *

Научитесь ставить страсть других на службу себе и своим идеям.

* * *

Наши собратья по обществу более не верят ни в первую любовь, ни в последнюю. Они верят в безопасный секс и сочетание виагры с антидепрессантами.

* * *

Не давайте страсти захватить себя и использовать как раба.

* * *

Нет ничего эфемернее обещаний, данных после полуночи.

* * *

Первый снег — как первая любовь. Иные ждут её всю жизнь.

* * *

Погоня за наслаждениями редко бывает утомительной.

* * *

Постарайтесь окружить себя добром и любовью, потому что делать это и получать то же самое взамен удивительно приятно.

* * *

Хотя послушания можно добиться силой, только любовь может вызвать ответную любовь в нас.

* * *

Романы предназначены для страстей, а жизнь предназначена для вполне ощутимого проживания в ней, — различие, как между парадным гробом и тесной, но удобной двухкомнатной квартирой.

* * *

Страсть не может принести длительного отдохновения ни душе, ни её понурому спутнику — телу.

* * *

Целомудрие — скучно, прелюбодействие — хлопотно.

* * *

Целомудренность не знает страсти.

МИР И МИРОЗДАНИЕ

* * *

В мире нет крайних, как нет края у самого мира.

* * *

В мире, поставленном с ног на голову, голова превращается в задницу.

* * *

В современном мире мыслящий человек страшнее террориста.

* * *

Если признать, что эволюция более правдоподобна, чем миф о сотворении мира, остаётся вопрос: кто сотворил эволюцию?

* * *

Мир больше всего доверяет тому, что говорят террористы. Видимо, потому что эти уроды являются единственными последовательными правдолюбами, которые всегда делают то, что говорят.

* * *

Мир изменился, когда Князь Тьмы вкрутил себе лампочку Ильича.

* * *

Мир устроен гораздо проще, чем нам кажется.

* * *

Мир устроен так, а не иначе потому, что если бы он был устроен иначе, нас всё равно это не устраивало бы.

* * *

Миром правят люди, находящиеся в коме.

* * *

Миротворчество — самое агрессивное занятие.

* * *

Мы не можем постигать мироздание, потому что мы не созданы для его постижения.

* * *

Наш мир — нервный, рыдающий ребёнок лет десяти, и не может повзросльеть уже сотни тысяч лет, зато всё-таки может вырасти в кого-нибудь приятного и уверенного в себе.

* * *

Наш мир надёжно защищен от новых мыслей.

* * *

С помощью Премии мира мир пытается откупиться от особо опасных живодёров.

* * *

Тарелка пельменей — самый неустойчивый объект во Вселенной.

МОДА

* * *

Головоногим трудно сесть на шею.

* * *

Отличие модниц от пустых бутылок состоит в том, что в бутылках когда-то было содержимое, чего никак нельзя сказать о модницах.

* * *

Сейчас немодно говорить притчами, потому что их немедленно переделывают в анекдоты.

* * *

Почему гладко выбритое лицо напоминает женскую попку?

* * *

Преимущество голого перед одетым в том, что голому не нужно беспокоиться, чтобы костюмчик сидел.

МОЛОДОСТЬ И СТАРОСТЬ

* * *

В юности нам кажется, что жизнь дана нам в дар, но с возрастом оказывается, что она дана нам в рассрочку.

* * *

Детское счастье хорошо только в детстве, а когда вырастаешь, нужно уже счастье взрослое.

* * *

Как начнёшь утро — таким и будет весь день, как начнёшь весну — таким и будет весь год, а как начнёшь юность — такой и будет вся остальная жизнь.

* * *

Когда дышишь на ладан, поздно пытаться повзрослеть.

* * *

На старости лет трудно оставаться идеалистом.

* * *

Наше нежелание стареть отнюдь не замедляет смену времён года.

* * *

Потеряв свою юность, мы становимся людьми без прошлого.

* * *

С возрастом всё воспринимается спокойнее, чем в молодости, за исключением факта, что приходится стареть.

* * *

С возрастом мечты всё чаще перетекают в дремоту.

* * *

Старое поколение никогда не будет довольно молодым, потому что завидует его молодости.

* * *

Старость — не радость. А что, молодость — радость?

* * *

Старость — это бабушки с авоськами в очередях, льготная очередь в крематорий для ветеранов войны, длительное, морщинистое угасание бессмысленной жизни, перетекающей в бессмысленную смерть.

* * *

Старческое брюзжание — это попытка передать опыт, срок годности которого истёк.

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

* * *

Бульварные романы, даже собственные, очень сильно влияют на нашу жизнь.

* * *

В каменном веке невесту под венец было принято тащить за волосы. В наш век за волосы приходится тащить жениха.

* * *

Если детей приносят аисты, тогда кого женщины рожают в муках?

* * *

Если женщина влюблена безответно, кому-то обязательно придётся за это ответить.

* * *

Женское коварство отличается от кокетства тем, что, кокетничая, женщины забывают, зачем они это делают.

* * *

Женщины предсказуемы в своей непредсказуемости.

* * *

Интерес к противоположному полу появляется в самом неподходящем возрасте.

* * *

Красота мешает женщине умнеть, а ум — прихорашиваться.

* * *

Молодая невеста мечтает о том, чего молодой жених не может ей дать. А молодой жених желает того, чего не может дать ему молодая невеста.

* * *

Наши девочки утратили чувство юмора задолго до того, как расстались с невинностью.

* * *

Нет никакой разницы между страстным любовником и бесстрастным судьёй. У обоих результат одинаков.

* * *

Одна из главных обязанностей женщины перед обществом — быть красивой.

* * *

Ревность кормит адвокатов.

* * *

Хорошая женщина делает мужчину сильным, плохая — слабым.

НАРОД И ОБЩЕСТВО

* * *

В городах люди больше всего ценят принадлежность к толпе, потому что толпясь, они легче забывают, что являются людьми.

* * *

Голосуйте за то же, за что и все: за то, что и так произойдёт, а поэтому вполне предсказуемо.

* * *

Если народу суждено быть обманутым, он желает, чтобы

это делалось в тишине.

* * *

Законопослушные граждане пытаются прожить всю жизнь под наркозом.

* * *

Как ни парадоксально, именно стадность делает нас людьми.

* * *

Кипящая современность должна входить в наши дома обходительно, со стуком, а не врываться, как разъярённая ослица, сшибая с ног их невинных обитателей.

* * *

Когда-то обществу были нужны крепкие крестьянские семьи, чтобы всем гуртом волочить за собой плуг, а теперь наоборот: нужно, чтобы люди были одинокие, подвижные, как солдаты.

* * *

Коммунисты решили вековечную проблему крестьянства, забрав себе как вершки, так и корешки.

* * *

Лояльность к властям напоминает идолопоклонничество,

а уплата налогов — жертвоприношение.

* * *

Лучше уж самим себе шнурки завязывать, чем потом расхлёбывать кровавое месиво социальных революций.

* * *

Мыши есть та самая серая раса, которая и составляет большую часть народа любого государства.

* * *

Народ безмолвствует не потому, что ему нечего сказать, а потому, что молчание мудрей самой феерической речи.

* * *

Народы сами растят своих тиранов.

* * *

На физиономиях наших соотечественников записан краткий курс истории страны.

* * *

Наши соотечественники отличаются живучестью, несмотря на высокую смертность.

* * *

Нет разных эпох, а есть два разных состояния общества — бардак и порядок.

* * *

Норма определяется соотношением большинства с меньшинством. Меньшинство всегда признаётся ненормальным, как бы ни было уродливо большинство.

* * *

Нынешнее общество устало от великих, оно пытается забыть наше отчество и всё чаще обращается к нам на «ты».

* * *

Нынче эволюция общества направила свои стальные глаза в сторону подлецов, чья выживаемость является неоспоримым преимуществом перед гибельной импульсивностью криминальных элементов.

* * *

Обществу нужно, чтобы я был полотёром или растерзанным солдатом. Я так не считаю. Значит, общество вполне перетопчется.

* * *

Опустившаяся интеллигенция лучше поднявшейся черни.

* * *

Патриотизм — лучшее оправдание народному хамству.

* * *

Поскольку старые песни про тюрьму народов устарели, нужны новые песни — про новую тюрьму.

* * *

Почему попытка освобождения народа всегда приводит к ещё большему его порабощению?

* * *

Почему-то возрождение нации всегда связано с массовым убийством её граждан.

* * *

Садомазохизм народных масс почему-то не считается извращением.

* * *

Стадность — это добродетель угнетённых.

* * *

Только стандартно мыслящие люди могут идти в одном направлении, даже если оно неправильное.

НАУКА

* * *

Астрология — это наука о том, как звёзды потакают нашим глупостям.

* * *

Библиотека — это неприкосновенный запас горючего материала.

* * *

Возделывание вольтеровского сада теперь заменено на возделывание огорода маркиза де Сада.

* * *

Гипотеза отличается от простой догадки тем, что догадку иногда стесняются даже высказывать, а гипотезу — охотно публикуют.

* * *

Если прикладную науку можно к чему-то приложить — значит, она полезная.

* * *

Интересно, чем Нобель причинил больше вреда человечеству — изобретением динамита или учреждением Нобелевской премии?

* * *

Математика — наука зануд.

* * *

Наука — попытка делать деньги на невежестве политиков.

* * *

Основные вопросы философии звучат гораздо интереснее, чем ответы на них.

* * *

Современная философия — насмешка над человеком и его так и не обретённым счастьем.

* * *

Учёные поставлены на стражу наших мозгов, чтобы нам не нужно было слишком напрягаться.

* * *

Философия — это разумный анализ и рекомендации по

применению различных иллюзий.

* * *

Физика — вовсе не точная наука, а растерянная девочка, потерявшаяся в лесу неопределенностей.

НЕВЕЖЕСТВО

* * *

Быть на особом положении вовсе не означает, что на всё можно положить.

* * *

Иногда наша задумчивость вызвана полным отсутствием мыслей.

* * *

Нахальство неучей зиждется на вере в собственное интеллектуальное превосходство.

* * *

Невежество уютно, как старые драные тапки. Удобно, но на людях лучше не показываться.

* * *

Скудоумие похвально экономным подходом к мыслям.

НРАВЫ

* * *

В глубине души она знала, что была девушкой с принципами, правда, не могла вспомнить, с какими.

* * *

Внешняя разведка называется так потому, что только внешне делает вид, будто что-то разведывает.

* * *

Все великие гнусности совершаются ради восстановления справедливости.

* * *

Втирание очков не имеет отношения к офтальмологии.

* * *

Нет ничего опаснее вооружённого труса.

* * *

Никто не умеет действовать так сообща, как стая волков.

* * *

Ничтожество предпочитает оружие крупного калибра.

* * *

Нынче за простодушие могут просто задушить.

* * *

Почему все массовые убийства совершаются во имя гуманных целей?

* * *

Пристрастие к оружию — свидетельство слабости духа.

ОБРАЗОВАНИЕ

* * *

На уроках биологии школьники к мужским икс- и игрек-хромосомам добавляют и краткое для ясности.

* * *

Оказывается, Уинстона Черчилля пороли в школе. Не удивительно, что он стал таким остроумным.

* * *

Преподавание — попытка делать деньги на невежестве студентов.

* * *

Современная система образования неспособна отличить козла от некозла, и в этом и заключается её наидемократическое достижение.

* * *

Хорошим образованием обычно гордятся те, кто плохо помнит, чему он учился.

* * *

Хотелось бы, чтобы последняя книга, которую мы прочтем, не учила нас жизни.

* * *

Школы — всего лишь скромные зеркала нашего общества и готовят к взрослой жизни именно того, кто наиболее востребован в данный момент.

ОТЦЫ И ДЕТИ

* * *

Великие нередко строят своё величие на усилиях предков.

* * *

Дети не желают учиться у своих родителей настолько же, насколько родители не желают учиться у своих детей.

* * *

Если детей находят в капусте, почему её не хватает на их воспитание?

* * *

Зачем из поколения в поколение расшибать лбы о нерешаемые вопросы? Кому все эти догадки нужны, если слова доисторического философа перекликаются с прозрениями мыслителей будущего и навечно недоказуемы и неопровергимы в одинаковой мере?

* * *

Наши дети — посланники в будущее. Жаль, что нам нечего сказать грядущим поколениям, кроме «Вымой уши!»

и «Иди спать!»

* * *

Нет ничего хуже, чем воспитывать детей в однобоком ключе: таким ключом не открывается ни одна дверь в этом мире, полном замков и запоров.

* * *

Нет страшнее насилия, чем насилие, продиктованное родительской любовью.

* * *

Почему нам кажется, что мы стареем быстрее наших родителей?

* * *

Самое страшное — это когда потерянное поколение решает себя найти.

* * *

Старое поколение рождает новое в схватках.

* * *

Чтобы предложить детям стать продолжателями дела поколений, нужно вначале потрудиться такое дело создать.

* * *

Дети — это единственное живое и радостное воплощение времени.

ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ

* * *

Быть либералом легко и похвально, когда поступают с тобой либерально.

* * *

В мирные переговоры полезно вплетать мирные угрозы.

* * *

Если Дарвина скрестить с политикой, получится весьма кислый грейпфрут.

* * *

Инакомыслие — лучшее оправдание безделью.

* * *

Капитализм — это оправдание человеческой жадности.

Социализм — человеческой лени.

* * *

Когда картошка становится деликатесом, поздно заниматься политесом.

* * *

Любой тапок, как бы он ни был лёгок и пушист, хоть и дальний, но всё же родственник испанского сапожка.

* * *

Наши свихнувшиеся лидеры таскают свои народы за волосы сначала в одном направлении, а потом — совершенно в противоположном.

* * *

Некоторые полагают: чтобы руководить народом, иногда даже вредно любить этот народ, а то, неровен час, разбалуешь.

* * *

Нобелевская премия абсолютно необходима в джентльменском наборе президента, диссидента и террориста.

* * *

Обычно во всяком действии, в котором участвуют три стороны, обязательно находится четвертая сторона, об интересах которой совершенно забыли.

* * *

Политика — наука, в которой не надо много смыслить.

* * *

Политика — это наука дилетантов.

* * *

Политика — это попытка делать деньги на невежестве народных масс.

* * *

Политики всю свою жизнь борются, чтобы добраться до вершины власти в результате демократических выборов, а когда они до этой власти добираются, оказывается, что у них нет ни опыта, ни квалификации, чтобы руководить.

* * *

Политики живут и работают сами по себе, а народ — сам по себе. Они изредка встречаются на выборах, отчужденно глядят мимо друг друга и потом надолго разбредаются каждый по своим углам.

* * *

Политики — заядлые театралы. Они предпочитают театр военных действий

* * *

Политики, как нечистая сила, обещают то, что мы хотим услышать, но исполняют это так, что глаза б не видели!

* * *

Политики — это кастраты с повышенной потенцией.

* * *

Расист- дальтоник — это нонсенс.

* * *

Редиска на грядке — коммунистка в подполье.

* * *

Талант политика обычно включает все оттенки серости.

* * *

Теперь, когда того требуют политические соображения, на вопросы пола и цвета кожи смотрят сквозь пальцы.

* * *

Террористами не рождаются, террористами становятся.

* * *

Хлопушка — любимая шутка террориста.

ПОРОКИ, НЕДОСТАТКИ

* * *

Бездна — это нечто без дна, а в падении самое страшное не сам факт полёта, а именно неизбежность встречи с дном.

* * *

Во всяком пороке гнездится покаяние, во всяком покаянии гнездится порок.

* * *

Вред происходит не от тех, кто тырит из болезненной наклонности тянуть всё что ни попадя, а от тех, кто не умеет прощать другим мучительные слабости.

* * *

Грубость — это орудие отчаяния.

* * *

Идолопоклонничество — грех, потому что на жертвоприношения уходит слишком много провианта.

* * *

Как некоторые умудряются уместить бочку дёгтя в ложке мёда?

* * *

Косноязычность не терпит остроумия.

* * *

Менять мнение чаще, чем исподнее, либо негигиенично, либо безнравственно.

* * *

Не боритесь со своими недостатками и недостатками других людей. Постарайтесь эти недостатки превратить в достоинства.

* * *

Недоброжелательство часто вызвано не враждой, а обстоятельствами.

* * *

Недорого стоит дружелюбие, достигнутое угрозами.

* * *

Плагиат — это попытка обратить чужое внимание на чужие мысли.

* * *

Почему бы не изобрести прививку от дурных привычек?

* * *

Тому, кто глух к чужим просьбам, бесполезно кричать на ухо.

* * *

У браконьера весьма интимное отношение к природе.

* * *

Хвастовство — это энергия в чистом виде, которая заряжает хвастающегося.

* * *

Шарлатан хотя бы претендует на то, что что-то знает и умеет.

ПРАВА И ГАРАНТИИ

* * *

Гарантий требует лишь тот, кто сам не может дать их.

* * *

Кто может быть наивнее мышки, полагающей, что кошка
уважает её конституционные права?

* * *

Лозунг «Вход воспрещён!» стал всемирным лозунгом
Земли.

* * *

Лучше иметь дело со злой кошкой, чем с добродушной коброй.

* * *

Негласное право лучше, чем гласное бесправие.

* * *

Нет ничего благонадёжнее простодушной человеческой
инициативы.

* * *

Окружать себя фотографиями гораздо приятнее, чем фотографировать свое окружение.

* * *

Право включает в себя свод законов и основы понятия справедливости, а лево — свод беззаконий, по которому живут настоящие левые на протяжении всей истории.

* * *

Стучать или не стучать — вот в чём вопрос. Настучишь — тебе же и наваляют, а не настучишь — в обществе жить невозможно.

ПРАВДА И ЛОЖЬ

* * *

Если правда очевидна, так ли важно, — а можно ли верить тому, кто её провозгласил?

* * *

Есть только одна правда — правда того, кто громче всех орёт в данный момент.

* * *

Ищёйки — самые продвинутые правдоборцы.

* * *

Кукловоды обычно устают больше кукол.

* * *

Нейтралитет — это воинственное лицемерие.

* * *

Правда отличается ото лжи только точкой зрения.

ПРИВЫЧКИ И ХАРАКТЕР

* * *

* * *

Аскет — это тот, кто не ест конфет.

* * *

Безразличие иной раз хуже открытой вражды.

* * *

Бережливость — добродетель нищих и лишённых

фантазии.

* * *

Всю жизнь мы пытаемся привыкнуть к собственным привычкам.

* * *

Делая благо другим, всегда совершаешь благо себе.

* * *

Если у кошки с собакой и существует длительная неприязнь, то у кошки с мышкой обычно длительных отношений не складывается.

* * *

Запас терпения трудно расходовать терпеливо.

* * *

Из всех известных проклятий рода человеческого внутренние противоречия являются самыми болезненными и неистребимыми.

* * *

Искреннее покаяние часто перетекает в не менее искреннее желание избежать наказания и красование собственными грехами.

* * *

Любовь к покою обычно причиняет немало беспокойства.

* * *

Наивность — это цинизм, впавший в маразм.

* * *

Наличие хорошего характера компенсирует практически любые недостатки.

* * *

Не зацикливайтесь на чём-то одном. Не тратьте слишком много сил на одну и ту же идею.

* * *

Нравственность — это защита от соблазнов, доступ к которым ограничен.

* * *

Преимущество бесхарактерного человека: о нём нельзя сказать, что у него дурной характер.

* * *

Радушие — это искусство быть хлебосольным, даже не

имея ни хлеба, ни соли.

* * *

Сердце — оно знает, оно подскажет... Вопрос лишь в том, можно ли ему доверять?

* * *

Скромность хороша только наедине с собой.

* * *

Строить собственные планы столь же важно, как и разрушать чужие.

* * *

У охотника к медведю шкурный интерес, а у медведя к охотнику — кулинарный.

* * *

Хуже всего, когда дурное настроение имеет причину.

* * *

Терпеть не могу роскоши... Но не могу позволить себе роскоши от нее отвыкнуть!

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

* * *

Будущее — вещь недолговечная, а посему и ненадёжная.

* * *

В седую старину, когда не находили причины возгорания, всё сваливали на огнедышащего дракона. Теперь всё сваливают на неполадки в электросети.

* * *

Если бы мы помнили наши прошлые жизни, мы не согласились бы на будущие.

* * *

Неверные выводы о прошлом иногда приводят к правильным выводам о будущем. По-видимому, важен сам процесс размышлений.

* * *

Неспособность предвидеть будущее компенсируется забывчивостью.

* * *

Оставим историю — историкам.

* * *

Пророчество — попытка испортить настроение как современникам, так и потомкам.

САМОПОЗНАНИЕ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ

* * *

Выбор — самый утомительный вид деятельности.

* * *

Единственное, что мы можем сделать на этом свете, — это реализовать себя и помочь реализоваться другим. Всё остальное — лишь вспомогательное горючее для этих простых, но изысканных целей.

* * *

Захочешь сказать мудро — получится банально, захочешь сказать страстно — получится пошло, захочешь помолчать — получится скучно!

* * *

На свете нет ничего такого, чего бы мы не нашли в самих себе.

* * *

Нет ничего полезнее для самообразования, как учить других.

* * *

Отказавшись от самореализации, мы уподобляемся автомобилю, который потребляет горючее, приставая в гараже и отравляя окружающих выхлопными газами.

* * *

Поиск собственного предназначения напоминает игру в бутылочку. Только всё время приходится пытаться поцеловать самого себя в зад.

* * *

Совсем не обязательно помнить, кем ты был вчера, для того чтобы наслаждаться тем, кто ты есть сегодня.

* * *

Трудно следить за собой, если глаза навыкате.

* * *

Человек есть продукт направленной эволюции

вселенной, имеющей своей целью самопостижение.

* * *

Чувство самоотстраненности приходит, когда действительно выходишь из себя.

* * *

Я б с собой в разведку не пошел.

* * *

Цепную реакцию нужно держать на цепи, а то как пойдет —не остановишь!

СВОБОДА И НЕСВОБОДА

* * *

Всякий имеет право мечтать, но не вправе навязывать свои мечты другим.

* * *

Выдавливание из себя по капле раба приводит к внутренней пустоте.

* * *

Мы имеем только то, чего заслуживаем.

* * *

Не доверяй молве. Она склонна увлекаться собственными фантазиями.

* * *

Привычки несвободы очень сильны, и научиться думать свободно совсем непросто.

* * *

Русскому человеку дали отведать свободы в форме крутого всеобщего бандитизма.

* * *

Свобода слова останется навсегда, просто по разным причинам рано или поздно на свободе не останется никого, кто был бы способен это слово произнести, и никого, кто мог бы это слово услышать.

СИЛА И СЛАБОСТЬ

* * *

Бряцая оружием, умей им пользоваться.

* * *

Во всяком бегстве есть причины.

* * *

Когда слабеет рука, крепнет голос.

* * *

Месть — это блюдо, которое лучше забыть в холодильнике.

* * *

Мы опираемся на чужие руки с такой силой, что в конце концов обессиливаем.

* * *

Навязывать своё мнение легче тому, кого оно не интересует.

* * *

Невмешательство — удел слабых. Попустительство — привилегия сильных.

* * *

Очень часто мы игнорируем совершенно вразумительные советы, придумывая невероятные умозаключения, которые и

позволяют нам их игнорировать.

* * *

Подчиняясь силе, трудно оставаться при своём мнении.

* * *

Порох — лучший аргумент.

* * *

Рисуя себе неблагоприятный исход событий, мы не учитываем свою способность на них влиять.

* * *

Сила, производимая словом, предпочтительнее слова, сказанного с позиции силы.

* * *

Стрелять нужно не в того, кто не знает пароля, а в того, кто его спрашивает.

* * *

Хорошо клюётся не тот, кто клюётся последним, а тот, кто клюётся прямо в темя.

СМЕХ

* * *

Хорошо смеётся тот, у кого здоровые зубы.

* * *

Умеющий смеяться имеет безусловное преимущество. Ведь смех вызывает у человека чувство удовольствия, причем не простого физиологического, но и душевного, интеллектуального, если хотите.

* * *

Смехом можно разрешить то, что иначе осталось бы неразрешенным.

* * *

Во всякой шутке должна присутствовать жертва.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

* * *

Возможно, смысл существования заключается в поиске его смысла.

* * *

Иногда у значительных событий нет особых причин, как бы это ни казалось маловероятным.

* * *

Именно в переменах, возможно, и заключается сокровенный смысл нашего земного существования.

* * *

Когда догадываешься, что ничто не имеет значения, понимаешь, что и эта догадка не имеет значения.

* * *

Научитесь в любом вопросе быстро добираться до самой сути.

* * *

Отличие падения от вознесения только в направлении движения.

* * *

Поиск смысла жизни отнимает столько времени, что лучше бы его вписывали прямо в свидетельство о рождении.

* * *

Смысл жизни — помогать тем, кто в тебе нуждается.

СНЫ

* * *

Глубокий сон — лучшее средство от одиночества.

* * *

Когда человек спит, он не обязан блистать ясностью мысли.

* * *

Сны не предназначены для запоминания, иначе бы они выдавались нам в письменном виде.

СОВЕСТЬ

* * *

В наше время совесть настолько обесценилась, что её уже никто не пытается продать.

* * *

Совесть болит только в тех местах, где её натирает рассудок.

* * *

Совесть — это редкое ископаемое, цена которого зависит от глубины его залегания.

* * *

Чтобы жить хорошо, нужно жить по совести, а не по законам.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ИНТЕРНЕТ, ТЕЛЕВИДЕНИЕ

* * *

В подборе информации прячется обольстительный демон введения в заблуждение.

* * *

Гипертрофированность новомодных свобод происходит из-за непропорционального интереса средств массовой информации к этим вопросам.

* * *

Досуг, который был украден у человечества телевидением, уже ничто не сможет восполнить.

* * *

Интернет — это слепое чудовище, наступающее на собственные шнурки.

* * *

Лучше уж следить за новостями, чем новости будут следить за тобой.

* * *

Настоящие проблемы и явления — это вовсе не то, что нам пытаются показать по ящику для идиотов.

* * *

Реклама — это скромность, заявленная во всеуслышание.

* * *

Сегодня лучшим средством от насморка является Интернет: несмотря на то что компьютеры полнятся разнообразными вирусами, их пользователи находятся в совершенной безопасности.

* * *

Телевидение зловредно не по сути, а по содержанию.

* * *

Телевидение изображает нас идиотами, потому что мы

таковыми и являемся, или мы становимся идиотами, потому что таковыми нас изображает телевидение?

* * *

Хороший сосед ворует вашу газету с плохими новостями.

СУДЫ И СУДЬИ

* * *

Всякий съеденный заяц имеет право подать на волка в суд.

* * *

Почему судебные исполнители такие исполнительные?

* * *

Слава тускнеет при свете лампы в кабинете следователя.

СУДЬБА

* * *

Если судьба всё равно раскошеляется выдать нам

ожидаемое, отчего не сделать это в тот момент, когда так хочется, что хоть зажмурь глаза и кричи в голос?

* * *

Если судьба дает тебе поблажку, это еще не значит, что она к тебе благоволит.

* * *

Из всякой неприятности постарайтесь извлечь что-нибудь такое, что, если и не принесет явной пользы, то хотя бы смягчит горечь неизбежных ударов судьбы.

* * *

Как узнать, проживаем мы свою или чужую судьбу?

* * *

Перестань во всём видеть перст судьбы, и она перестанет показывать тебе средний палец.

СУЕВЕРИЕ

* * *

Столкнувшись с невероятным, мы рефлекторно отворачиваемся.

* * *

Суеверие — это способ объяснить необъяснимое необъяснимым образом.

СЧАСТЬЕ

* * *

Все мы имеем по какой-нибудь червоточине, которая мешает нам жить счастливо и полноценно.

* * *

Именно условности нередко делают людей несчастными, ибо нет ничего более требующего внимательного осознания, как принятые на веру условности.

* * *

Непоседливый конёк-горбунок по имени счастье образца начала 1990-х — счёт в швейцарском банке, вилла на Кипре и табун продажных девиц в спальне.

* * *

Счастлив тот, кто не может дождаться прихода нового

дня. Несчастлив, кто не может дождаться конца предыдущего.

* * *

Счастливые совпадения, которыми полнятся наши будни, — несомненный знак того, что наш мир управляемся божественным провидением.

* * *

Счастье — вот основная максима и императив.

* * *

Счастье состоит из мелочей, доступных каждому. Просто нужно научиться их замечать.

* * *

Счастье — это слово «мама», написанное детской рукой.

* * *

Сытость и удовлетворённость низменными радостями — это ещё не окончательная составляющая счастья.

ТРАДИЦИИ

* * *

В Голландии по народной традиции носят деревянные башмаки, а в России — кандалы.

* * *

В некоторых странах смех предпочитают заменять икотой.

* * *

Традиция пороть по субботам была перенесена на понедельники.

ТРУДНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ

* * *

В поисках выхода иногда приходится проходить сквозь стены.

* * *

Высовывайся не высовывайся — всё равно к каждому придёт своя щука, и нет такого тактического хода, чтобы

этого избежать.

* * *

Давайте наконец позаботимся о самих себе. Давайте на время оставим других людей в покое и начнём думать. Отбросим всё, что нам было известно до сих пор, как советовал Декарт, и начнем заново переосмысливать жизнь пункт за пунктом: что вы едите, с кем спите и насколько это вас удовлетворяет.

* * *

Играя на трубе, трудно себе подпевать.

* * *

Иногда бороться с обстоятельствами бессмысленно. Легче создать себе новые обстоятельства.

* * *

Иногда бывает так тяжело не унывать, когда уныние набрасывает на тебя свои запутанные сети.

* * *

Иногда только поставив всё с ног на голову, удаётся привести ситуацию к норме.

* * *

Как ни странно, большинство головомоек производится без применения шампуня.

* * *

Клятва — это обещание, данное под нажимом обстоятельств.

* * *

Лучше уж пусть говорят правду в лицо, чем стреляют в затылок.

* * *

Мы часто пытаемся разгребать снег ещё до того, как он выпал, и решать проблемы до того, как они появились на горизонте, и никак не можем разобраться с теми, которые несносной тучей уже висят у нас над головой.

* * *

Невзгоды, по крайней мере, должны способствовать развитию чувства юмора.

* * *

Опытные блинопекари отлично знают, что первый блин всегда комом, и начинают печь сразу со второго.

* * *

Политика авантюризма дает непредсказуемые плоды, которые чаще всего встают поперек горла даже авантюристам.

* * *

Потери придают смысл поиску.

* * *

Почему, утонув, люди погружаются на дно, а рыбы всплывают на поверхность?

* * *

Прав лишь тот, кто может дать сдачи.

* * *

Признать ошибку труднее, чем её исправить.

* * *

Радость полёта всегда омрачается страхом падения.

* * *

Самое главное в подготовке к зиме — это не забывать о весне.

* * *

Следует верить в то, что помогает жить, и не верить в то,

что мешает.

* * *

Стресс лучше всего снимать без свидетелей.

* * *

Только сталкивая проблемы лбами, можно отучить их дышать нам в затылок.

* * *

То, что одни считаю невезеньем, иные сочтут за удачу.

* * *

Чаще всего людям трудно помочь, потому что они, как взаимотталкивающиеся частицы, норовят ушибиться друг о друга и разлететься, наделав максимальное количество нелепостей и несмышленостей.

УМ И ГЛУПОСТЬ

* * *

Большая часть зла на свете творится по глупости, просто от нежелания или неумения сесть и хорошенъко подумать.

* * *

Великие умы мыслят одинаково. Идиоты тоже мыслят одинаково.

* * *

Глупость с упрямством — сёстры-близняшки. Когда одна творит глупости, другая настаивает на её правоте.

* * *

Голова нужна для того, чтобы не иметь глаз на заднице.

* * *

Едва не лишившись головы, перестаешь думать задницей.

* * *

Единственное, что в нас постоянно, — это неизбывная дурость.

* * *

Если можно быть учёным чужой ученостью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью.

* * *

Земля, как известно, круглая. Возможно, поэтому на круглой Земле так много круглых идиотов.

* * *

Зов крови сильнее голоса разума.

* * *

Иногда, забыв о самом главном, мы не жалеем об этом.

* * *

Казаться умным гораздо утомительнее, чем попытаться им быть.

* * *

Когда напрягаешь извилины, путь становится менее извилист.

* * *

Кто ясно мыслит — тому и карты в руки.

* * *

Многократно наступая на одни и те же грабли, подумайте, каково приходится граблям!

* * *

Не мечите бисер перед свиньями — это может испортить вкусовые качества свинины.

* * *

Неразрешимые загадки существуют для того, чтобы отвлечь наше внимание от разрешимых.

* * *

Не следует начинать разговор издалека, когда общаешься с недалёкими.

* * *

Поддержка в современном мире, где все стали умными-преумными и сами себе на уме, становится самой дорогой валютой.

* * *

Семена разума трудно сеять в пустыне.

* * *

Странно, что в разведку берут одних ослов: они ведь не могут избавиться от хвоста!

* * *

Отсутствие ума не освобождает от ответственности.

* * *

Ошибки и глупости, нестрашные на уровне одного человека, в стандартно мыслящей толпе превращаются в

глупость катастрофического размаха.

* * *

Подзатыльник, вопреки распространенному заблуждению, вовсе не стимулирует мыслительную деятельность.

* * *

Разум, как капитан, должен покидать тело последним.

* * *

То, что в Сенате США заседают идиоты — неправда. Они заседают не только в Сенате.

* * *

Труднее всего сфокусироваться на самом главном.

* * *

Ужаленный пчелой не думает о мёде.

* * *

Чем человек умнее, тем больше он в этом сомневается. Чем человек глупее, тем меньше его это беспокоит.

* * *

Чем человек умнее, тем меньше ему хочется это

показывать.

* * *

Чтобы научиться прощать, надо обладать хотя бы минимальным умишкой.

* * *

Чтобы оказаться в Южном полушарии Земли, нужно расположить правое и левое полушария своего головного мозга у себя между ног — и всё встанет на свои места.

* * *

Чтобы остановить утечку мозгов на Запад, нужно построить мозгопровод — и сразу его перекрыть.

* * *

Эрудиция — это хвастовство, подкрепленное неплохой памятью.

* * *

Наша память не вмещает в свои дырявые закрома достаточно воспоминаний, чтобы сделать из нас завершенных, независимых существ.

* * *

Иногда важно не только промолчать, но и пронеподумать.

* * *

Разум разбирается только в том, в чем уже удостоверилось сердце.

* * *

Мысли, как спички: могут и свет зажечь, и дом поджечь.

УСПЕХ

* * *

Если хвастаться успехом — сглазят. Если не хвастаться — то какой смысл в успехе?

* * *

Остроумие вовсе не гарантирует успех. Скорее, наоборот: желающему преуспеть лучше помалкивать.

* * *

Почему путь всегда указывают самые распутные?

* * *

Стремясь к успеху, мы уподобляемся путникам в пустыне, преследующим зыбкие миражи: чем ближе к цели, тем дальше она отодвигается.

* * *

Строить собственные планы столь же важно, как и разрушать чужие.

* * *

Успех — награда терпеливых. Мир — награда терпимых.

* * *

Успех — чрезвычайно бренный и скоропортящийся товар, рано или поздно он блекнет, заляпанный пальцами завистливых окружающих.

* * *

Нынче единственным приличным божеством считается Успех — тот самый великодержавный жрец, возносящий над всеми ахроматичный флаг, в своей бесцветности превосходящий любую дозу космополитизма.

* * *

Успех всегда готов переменить хозяина и мало-помалу

начинает брать пример со своей противоположности — невезения.

* * *

Люди часто мечтают выиграть в лотерею, так и не купив лотерейного билета, всю жизнь каким-то образом уживаясь с таким противоречием.

* * *

Когда у человека исчезает уверенность в себе, не так легко вернуть ее обратно.

ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

* * *

Ах, люди, люди... Сначала я их боялся, потом избегал, но теперь понемногу привык.

* * *

Больше всего неудобств доставляют люди, старающиеся доставить их как можно меньше.

* * *

Быть человеком практически так же хлопотно, как им не быть.

* * *

Всё, что людям действительно нужно, — это оставить их в покое, чтобы они смогли решать свои интимные вопросы в стенах собственного дома, а не на площадях.

* * *

Главная проблема человека — он не видит, что у него под носом.

* * *

Если всякий возьмет труд заботиться о себе самом, некому будет морочить голову другим.

* * *

Если судить по тому, из чего сделаны человеческие сердца, — мы всё ещё в каменном веке.

* * *

Если человек свободен жить по-свински, то всякая свинья достойна человеческого отношения.

* * *

Именно изобретательность отличает человека от удава. Оказывается, жертву совсем не обязательно заглатывать целиком.

* * *

Как ни прискорбно, человек существует в дуалистическом мире: чёрное и белое, добро и зло никто не отменял.

* * *

Когда человек гол, он за словом в карман не лезет.

* * *

Люди должны перестать делить себя на своих и чужих.

* * *

Люди до сих пор не нашли себе оправдания, зачем они распяли Христа, но они сделают это снова, как только выдастся такой случай.

* * *

Люди не летают, как птицы, потому что они давным-давно повыдёргивали друг у друга перья.

* * *

Может быть, всё дело в потерянном поколении? Но нет, всё дело в потерянном человечестве.

* * *

Навешивание ярлыков — любимая тактика плохих людей против людей хороших, которым ничего не остается, как отвечать взаимностью.

* * *

Перестаньте относиться к вещам, как к людям, и возможно, к людям перестанут относиться, как к вещам.

* * *

По-настоящему великий человек должен быть доступен и прост в общении, как дворняжка.

* * *

Сострадание — это лучшее из того, чего добилось человечество. Сострадание и есть высшая справедливость.

* * *

Только людоед ценит человека таким, каков он есть.

* * *

У человека нет хвоста, потому что нет особых поводов им вилять.

* * *

Человек, который утверждает, что у него нет возвышенной мечты, либо слишком забит, либо

неполноценен, либо просто неискренен.

* * *

Человек — не мера всех вещей, а просто единственный доступный нам инструмент познания.

* * *

Человек — это существо, затравленное собственной мнительностью.

* * *

Человечество до сих пор сидит в дерьме потому, что на одного дельного человека приходится сто недельных, а то и вовсе идиотов, которые истопчут и разнесут по ветру всё, что сделает или задумает один дельный человек.

* * *

Чувство хозяина не должно превращать человека в тирана.

* * *

Школы, больницы и правительственные учреждения — на этих трёх китах зиждется современная система унижения человека.

* * *

Когда судьба человека стала неузнаваемой даже им самим, ее нужно переписывать начисто.

* * *

Когда настроения нет, все из рук валится, даже петля.

ЭГОИЗМ

* * *

Эгоизм — это альтруизм по отношению к себе, если слегка отстраниться от себя и начать относиться к себе как к чужому человеку

* * *

Эгоизм — это пьяный ямщик, погоняющий дохлую кобылу.

* * *

Эгоист начинает помочь другим с себя.

ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС

* * *

Аналитик — это врач-проктолог.

* * *

Бизнес — попытка делать деньги и не попасть при этом в тюрьму.

* * *

Биржа — прекрасная возможность одолживать деньги, никогда их не отдавая.

* * *

В обувной индустрии «обуть» инвесторов не так-то просто.

* * *

Возместить убытки легче всего отрицая, что они имели место.

* * *

Вопрос: Почему пчёлы не добывают нефть? Ведь сейчас это так выгодно! Ответ: Если бы пчёлы вместо нектара

добывали нефть, на вырученные деньги они смогли бы покупать гораздо больше мёда, чем могут произвести. Загвоздка заключается в том, что тогда некому было бы добывать мёд, — пчёлы не смогли бы его себе позволить.

* * *

Впасть в зимнюю спячку всегда полезно: это экономит ресурсы и улучшает отношения с соседями.

* * *

Глобальные кризисы хороши тем, что на них можно списывать местные недостатки.

* * *

Глубина экономического кризиса в стране прямо пропорциональна глубине идиотизма её жителей.

* * *

Если хорошенъко поторговаться, дважды два станет три.

* * *

Запасаться на зиму нужно хотя бы для того, чтобы было чем похвастаться соседу.

* * *

Зима приходит с той же неминуемостью, как и срок подачи налоговой декларации.

* * *

Иногда даже при честном дележе поровну на всех не хватает.

* * *

Искусство планировать так же ценно, как и умение эти планы менять.

* * *

Каков размер взятки, чтобы вступить в общество по борьбе с взяточничеством?

* * *

Мировые кризисы нужны для того, чтобы оправдать мировые войны.

* * *

«Налоги» и «наложницы» — однокоренные слова. Почему же мы удивляемся, когда нас насилиуют?

* * *

Нет ничего точнее приблизительных расчётов. Производя их, по крайней мере, не теряешь общей картины.

* * *

Нечего на рожу пенять, коли экономика в упадке.

* * *

Олигархи — очень древние существа: они появились на Земле еще на заре ползучей живности и с тех пор не изменились.

* * *

Оставить предпринимателей без кредитов — всё равно что рыбе дать подышать свежим воздухом.

* * *

Падение биржи приносит не меньший материальный ущерб, чем падение астероида.

* * *

Предпринимательство вовсе не является синонимом мошенничества.

* * *

Простодушие — отличный способ привлечения делового партнера.

* * *

Пытаться спасти экономику путем её тотальной национализации — всё равно что лечить алкоголизм водкой или отпиваивать утопленника водой.

* * *

Разве не по лестнице Маслоу мы бегаем всю жизнь?

* * *

Развязывание мировой войны — не лучший способ поправить экономику. Мы ведь не пытаемся убрать мусор из дома путем сжигания дома.

* * *

Реформатору необходим простодушный дар удивления.

* * *

Сметану производят путём катания коров по российскому бездорожью.

* * *

Современная промышленность скоро станет продавать только исходное сырьё, а всё производство будет возложено на потребителя.

* * *

Узнать, почем фунт лиха можно, взглянув на биржевые

таблицы.

* * *

Упадок экономики рано или поздно приводит к войне, в то время как война неизбежно ведёт к упадку экономики.

* * *

Экономика — это наука о истинном распределении ложных благ.

ЭМИГРАЦИЯ

* * *

Иммиграция — это смерть, это неминуемое исчезновение из той среды, в которую нас вытолкнуло неумолимой силой рождения.

* * *

Свою невиновность легче доказывать из-за границы.

* * *

Эмиграция — это попытка продать родину, когда она не в цене.

ЯЗЫК

* * *

Мат — кодовый язык профессионалов.

* * *

Образ мысли неразрывно следует за языком. Говоря по-немецки, неизбежно начинаешь критически подходить к соринкам на скатерти, говоря по-французски, впадаешь в лёгкое головокружение, причиняемое стремлением к необузданной свободе нравов. Говоря по-русски, с трудом сдерживаешься, чтобы не послать всех на три буквы.

* * *

«Феня» в наши времена начала зарекомендовывать себя как международный язык.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ	3
Всё то, что утаили многоточья	5
Я смотрю на этот лик,	6
Скупая вязь чуть узловатых букв	6
Если вы спросите: «В чём же тут дело?	8
По души своей брожу задворкам	10
Где-то над покорностью и снами	11
В мире нет совпадений,	12
В очередной проклятый, липкий раз	13
В безбрежности моей	14
Не родившись на свет,	16
Я не выпил бутылку вина,	18
Две сросшихся березы	19
Как мне необходима отстранённость!	20
Я ЛАСТИКОМ СТЁР СВОЕ ДЕТСТВО	22
Вселенная пылинок	23
Свердловская поэма	24
Ты, как орех, — упрям, бугрист и сух.	29
На блёклой мозаике	31
Мне нет места на этой Земле,	33
Не придавай значенья снам,	34
Я очумело жду	35
Мой маленький флюгер,	36
Кто вы, забытые пророками и тьмой,	37
Не бойся малостей, не бойся величин.	38
В зубодробильнях исторических симфоний,	39
На стёртых языках,	40
Довольно фактов волшебства	41

МОЁ УПОРСТВО, ГРАНИЧА С УПРЯМСТВОМ	42
Свекла, морковка, огурец —	42
Я остаюсь в каких-то рамках	43
В остывшем свете суетного мела,	43
Только не томи меня мутнотью,	44
Мы видим себя в отраженье	45
 МОЯ НОРА	46
В мою нору нет входа — только выход,	46
Я отстранил себя от собственной судьбы,	47
Я ластиком стёр своё детство,	48
У зелёного озера	49
Я навожу свою подзорную трубу	52
Ты куревом со мною поделись,	53
Тормоза — это средство отпустить	54
Короняя себя по утрам неназойливым солнцем,	56
Стучя по мокрой мостовой	57
В медленном вращении	59
В тенистой зелени найдя покой для глаз,	61
 О ГРУСТИ ЭТИХ ДНЕЙ КТО, КАК НЕ Я, НАПИШЕТ	63
О грусти этих дней,	64
Дома стареют медленней, чем люди,	65
Большую часть бытия посвящая	66
На маленькой табличке письмена	68
Я в таинствах немого примиренья	69
Мне ещё многому так надо научиться,	70
От гениев всегда несёт загробьем,	71
Я взял вас в сеть, скупого мира дни,	72
Я с яблока снимаю кожуру.	74
Животные страдают бессловесно.	76
Практически привыкнув горевать	77
Мы слишком умны, чтобы знать о простейших вещах,	78
Розоватая ткань облаков	79
В щенячьем восторге	80
Чуть остывшi, забыто, отпето,	82
Я полагаю, все киты	82
Я не знаком ещё со всем, что есть средь нас,	83

Из депрессии в депрессию	85
Высокие вершины	86
Растекаясь во всех направленьях,	88
Достоевский — душервавец, сволочь.	88
Как же мне теперь жить?	89
НАШИХ ЖИЗНЕЙ СУХИЕ ОТРЫВКИ	91
Я уехал, и снова уехал,	92
Все мы тут болтаемся без дела.	93
В этой дикой стране	93
Мы сетуем на быстротечность! Ну?	95
Мой гордый фрегат	96
Песнь мельниц ветряных —	97
В молоко онемелого неба	100
Настоящие камни тротуаров,	101
Это как-то непатриотично	102
Нас разбудил раскатов ярых гром,	103
Мы селились вдали	105
Там, в созвездье искомом	107
Едва в Рёльсоссен	109
Семя вздрогнуло и взмыло ввысь росток,	110
В дождь Милан нам судьба показала	111
Я в Норвегии пожил —	112
Перелётные птицы уже собрались —	113
Я покупал себе свободу	114
Я был викингом,	115
Всё, что было у нас, мы отдали врагу,	116
На столе лежала помидора,	117
Мои мысли — мои сторожа.	118
Нам не нужно друзей —	119
Лет в двенадцать решил я железно,	120
Мне ночью снился старый Нотр-Дам,	121
Сладковатый запах хвои	123
Коль на дверях родной Европы	124
Лес зелёный — стеной за окном	125
Я молюсь на белый снег,	125
Старый Кембридж, крупица добра,	126
Я на фоне Млечного Пути	128

Я так привык к различной пустоте,	129
На выцветшем узоре	131
В уютных рассуждениях с Платоном,	132
Сквозная дань моей пустой тоске —	134
Мы своё отскорбели —	135
Я потерялся средь знакомых звёзд	136
Любовь — это точно,	138
Если только шипенье в углах	139
ЗОЛОТЫЕ ПОКРОВЫ ЛЮБВИ	
Раскаяньем коря, я сетую на время	142
Я точным инструментом измерял	143
Ища покровительства рифм	144
Со дня творенья ласковый кристалл	146
Рунических знаков глухое звучанье	147
Снизойди до меня,	148
Я люблю тебя, как дымку над холмами,	149
Дождь, следуя примеру палачей,	150
Меж созвездий немого оскала,	151
Заворожённый творогом,	152
ЛИШЬ С ТОБОЙ НЕ ОДИН.	
Мотылёк, как вспыхнувший огонь	153
Собирая лесную малину,	154
Всей семьёй мы лепили пельмени,	154
Поросёнка бы с хреном, сметаной,	155
Ты — моё сарафанное счастье,	156
Если б ты была не так мила,	156
По утрам пишу стихи,	157
Мы жили на озере просто без имени,	159
Я счастлив с тобой в нищете,	160
Сиреневые краски бытия,	161
Под сенью крыш небесных поселений	161
Я не давал тебе пронзительных имён,	163
Ты нарисуй мои мечты	165
Две трети жизни прячась от судьбы,	166
Сон земной, как серое пятно,	167
За тонкою завесой остроумья	168
	169

На скатертях из травянистой глади,	171
На чеширских устах	172
Вот бы книжки твои были только о нас,	173
От сладости обид до сладости прощенья,	174
Снег отжил,	174
Если бы ты сравнила меня	175
Что за теснением прямых,	176
Если я был бы Бог,	178
У меня слишком мало союзников,	179
Оставь мне сил	180
Ты — часть моей мечты,	181
Искомую науку возвращений	182
Избавьте Соломона-многожёнца	183
 МНЕ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБ НЕ КОНЧАЛАСЬ ЖИЗНЬ...	185
Астероид под именем Эрос	186
Повторив частицу «бы»,	186
Не всё ль одно, тациты ли, платоны.	188
Шекспир созвучен нам по духу,	190
Из римских недобрых декад	191
Нет мессий безвременных визитов.	192
Сбросив старую власть с башни вниз,	193
По озеру проплыл бобёр,	195
Убежав от улиц модных,	196
Мой сын всё ругает французов	197
Если ночь беременна стихами,	198
За памяти своей дрянной пергамент	199
Богу больше не с кем говорить,	200
Всё бурлило и плавилось, кроме	201
Останки собора	202
Удивительно тонко умею скулить и страдать я	203
Висячая объёмность Естества,	204
Я устроил себе день поэзии,	205
Я на фоне Млечного Пути	206
Луна — как блин, и я её гурман,	207
Ах! Наслаждайтесь грубо,	208
Нам часто так мешает голова!	209
В падении к кластеру Вирго,	210

Напрасно Пушкина сгубило сладострастье,	211
Мне Коперник — не соперник,	212
Если долго провожать — он уйдёт,	213
По статистическим мерилам бытия	215
Я дневники читаю. Стыдно, но не смять	216
Мне нравится отверстие окна	217
СЛОВ ВОЛШЕБНЫХ СВИРЕЛИ	219
Я хотел называться Блоком,	220
Средь мостов и прочих наслоений	221
Средь узоров неспешных и тонких	223
Потомки разбойничьих стад	224
Мои стихи не требуют сивилл	226
Сон земной, как серое пятно,	227
Сердцевина ствола —	229
Ливнями умытая,	229
Я не знаю вас, друг,	231
За строчками узкими с вихрями вензелей,	232
Отдаваясь немому и юному соло	233
Хорошо быть небесным телом —	235
Сиди и слушай:	237
МАЛЕНЬКИЙ НАМЁК БОЛЬШОЙ ГОЛОВОЛОМКИ	238
Силком едва клоняясь,	238
Мы покинули мир этих звуков...	241
Сонмы.	243
Касаются клавиши пальцев,	245
Ревниво наблюдая	246
Мы говорили долго,	248
Мои стихи не нравятся поэтам...	249
На серой кожице удобного зверя	250
Как, вы не слышали?	252
Если только писать	253
По странной аномалии, Руссо, Жан-Жак который,	254
Не боится кожа моя	255
Я помню, как-то в тесных Альпах	256
Был этот лист живым,	257
Стихи — это слепки души,	258

КАК НЕБО СРЕДЬ ОСКОЛКОВ ТАЕТ	261
Вечного нет под бездонной искомостью неба.	262
Я подошёл к Пизанской башне,	262
О том, как я тебя люблю,	263
Есть времена расхристанно любить,	264
Предаваться унынию грешно,	265
 КОГДА РАСТАЮТ ШАПКИ ЛЕДНИКОВ	267
Что стоят все великие идеи?	268
Головой мы упёрлись в сырой потолок,	268
Усоп наместник Бога на земле.	270
Надменный шёлк простуженных знамён	271
Я не здоров идеями, и демон	272
Сопрано истомные ноты	274
Ядовитая ткань покрывала	275
Транзитно-растранжиренные троны	276
Хозяин плоти, научи	277
Я знаю этот запах неприятия,	278
Я устал от тебя, ты уйди.	279
Полудрёмно не вейся, не майся	280
Что за закрытыми дверьми	281
Вглядись в тесноту своих сомкнутых век —	282
Крамола кромки льдов —	284
Чего хочу?	285
Высоцкого я с водкой намешал;	286
Я спокоен — что толку упрямиться,	287
Топко гудят баса —	288
Лукавить ли молитвою пустой	289
Лимонной кожицей над Лысою горой	290
Тело топнет вязко	291
А кто-то, стукнув дверью, выйдет вон,	292
Когда растают шапки ледников,	293
От клятв неумелых устав,	294
Безумье сумраком одело	295
К нам входят неумелые мищени	297
Я ни на йоту не подвинусь	298
Эта жизнь — суeta. Пусть на нас сэкономят патроны.	299
Сказать по правде, мне ли быть фанатом?	300

Вчера был пьян. Какая чепуха!	301
Как вы таинственны и свежи,	302
Пустого внимания мину	303
Кому больше по сердцу наука;	304
Вроздь локоны и локти. Прогрызём	305
Венчайте мудростью глупцов,	306
Струился гибкий свод небес	308
Что ни скажи, нет безразличных к славе,	308
Ты прячешь платье в холодильник	311
Город умер. Раздалось затишье.	313
Да будет так: открыт ломбард.	314
 ТЫ ПРАВА, ТЫ, КОНЕЧНО, ПРАВА...	315
Ненавижу ту ткань, что крадёт остроту очертаний,	316
Озябший парк, пергамент мёртвых листвьев	316
Ты меня изрыдала до мяса —	317
Я по-волчьи взбешусь и завою тоскливою нотой,	319
Разлад умов оставил на потом,	319
Сброшены оковы, но	321
Всё закончится явно нелепо.	322
Ты права, ты, конечно, права.	323
 МЫ УШЛИ НЕ ПРОСТИВШИСЬ, НЕ ВЗЯВ АДРЕСОВ...	325
А может, хватит вошкаться,	326
А в Кишинёве нету чемоданов.	327
От судьбы не жди подарков —	328
Мигрень — бальзам для эмигранта.	329
Покрывает нас матом ли, воем ли	330
Мы ушли, не простившись, не взяв адресов.	331
Свойства вещей первозданно просты —	332
 ТУДА, ГДЕ ВОЗДУХ РАЗРЕЖЕН И СВЕТЕЛ	333
Мой мрачный сан — сквозить в землистой тьме,	334
Голубизна обвыцветших небес	334
В кратной сну перемене	335
Известен страх вместимостью минут, —	336
Вкус землицы — непраздная ноша	337
Как скоро пеленают времена	338
На балконе вон всякая всячина	339

Я НЕ ВСТРЕЧАЛ СЕБЯ, ДАВНО УЖ НЕ ВСТРЕЧАЛ	341
Я покоряюсь тихо	342
Синхронная стая	343
Эклера нутро, крем горами — верхами,	344
Уносимы на спинах чужих,	345
Я калибрю память под бока	346
Я не встречал себя,	347
В изогнутость свою	348
Задевая едва колебанья	350
Не надо быть слишком серьёзным,	350
Связь времён — это грузная чаша,	351
ПЕРЕВОДЫ СОНЕТОВ ШЕКСПИРА	354
В созданьях чудных отражая высь,	354
Как сорок зим нам взбороздят чело,	355
Ты, отражением своим любуясь,	355
Ловя лениво наслажденья миг,	356
Пружинки часовного волшебства	357
Ты зимних мачт и их озябших рей	358
Когда восток младому солнцу рад,	358
Как музыку твою заглушит вой ли, бред ли?	359
Из страха вдовьих слез ты не давай	360
Не я избрал Тебя, но Ты меня!	361
В соитии земли и неба	362
Силой злаков	363
Не я избрал Тебя, но Ты меня!	365
Не верь уму. Ум слишком часто лжёт.	366
Противоречья сути нашей	368
Снова вязкая боль	368
Брошенных проклятий	370
Нашей жизни путь неровный	371
АМВРОСИЙ	372
Я ПОКИДАЮ ДОМ...	
Как легко разрушать,	406

Мне подписали смертный приговор	409
Мы слушаем вполуха	410
Предательство. Излюбленный исход!	412
Буду предельно ёмкий.	413
Обыденность, дожившая до тризны,	417
В норманском стиле	420
Я покидаю дом, как покидает тело	
	421
КОФЕЙНОЕ ПЫЛАНИЕ	423
Ты мне грезилась вновь.	424
Ты сохраняешь все	425
О забытом счастье не мечтая	426
Я шел во тьме полей,	426
Нас судили не строгие судьи,	427
В чужих иллюзий коридорах истерических	428
Неистовая нежность	428
Я шепчу, засыпая, хмелея:	430
Это странная песня	430
В английском стиле	431
Ты научи меня любить!	432
ПЕРЕВОДЫ БАЙРОНА	434
Она прекрасна, словно ночь	434
Всё кончено! И жизнь – сон;	435
Слава, мудрость, любовь, сила, власть, -	436
Мне снился сон, что был едва ли сном.	437
Когда растались мы	441
Сесть на скале и на поток смотреть,	443
Ни у одной из дщерей красоты	444
Дух предо мной предстал. Я был без сил!	445
И в этот час среди ветвей	446
Как мрачно море в декабре,	447
ПЕРЕВОДЫ ГЮГО	448
Я был один у волн, ночь звезд была полна,	448
Полями в звонкой рани, как побледнеют тучи,	448
Куда улетают младенчества души?	449

Малыш! Коль стал б я королем, то отдал королевство,	450
Нет разрушительнее силы,	451
Апрель, любви братишка,	452
Есть женщины на свете	453
Ты научи меня любить	454
АФОРИЗМЫ	456
АВИАПУТЕШЕСТВИЯ	456
АВТОБУС	458
АВТОМАТИЗАЦИЯ	459
АВТОМОБИЛИ	461
АВТОР	462
АВТОРИТЕТ	463
АД И РАЙ	464
АДВОКАТЫ	465
АЗАРТНЫЕ ИГРЫ	465
АКСЕЛЕРАЦИЯ	466
АКТЕРЫ	467
АЛКОГОЛИЗМ И ПЬЯНСТВО	468
АЛЧНОСТЬ	470
АЛЬТРУИЗМ	471
АМЕРИКА И АМЕРИКАНЦЫ	472

АНАРХИЯ	473
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	473
АНГЛИЯ И АНГЛИЧАНЕ	474
АНЕКДОТЫ	476
АНТИСЕМИТИЗМ	477
АМБИЦИИ	480
АПЛЮДИСМЕНТЫ	482
АРМИЯ И ВОЕННЫЕ	483
АРХИТЕКТУРА	484
АСТРОЛОГИЯ	485
АТЕИЗМ	486
АФОРИЗМЫ	488
БАРДАК (БЕСПОРЯДОК)	491
БАБНИКИ	492
БАЛЕТ	494
БАНКИ	496
БАНКРОТСТВО	497
БОГ И РЕЛИГИЯ	498
БОЛЬ, БОЛЕЗНИ	501
БРАК И СЕМЬЯ	505
ВЕРА И НЕВЕРИЕ	509

ВОЙНЫ	510
ВРЕМЯ	512
ГОРДЫНЯ	515
ГОСУДАРСТВО	515
ДЕМОКРАТИЯ	518
ДЕНЬГИ, РАБОТА	519
ДОБРО И ЗЛО	522
ДРУЖБА	524
ДУША И ДУХОВНОСТЬ	524
ЕВРЕИ	526
ЕДА	527
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ	528
ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ	534
ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРАДАЕТ АЛЛЕРГИЕЙ НА КОШЕК, ОБЩЕНИЕ С ТИГРАМИ МОЖЕТ БЫТЬ ОПАСНО.	534
ИЛЛЮЗИИ	537
ИСКУССТВО, ЛИТЕРАТУРА, ТВОРЧЕСТВО	539
ИСТИНА	543
КЛАДБИЩЕ	543
ЛЮБОВЬ И СТРАСТЬ	543
МИР И МИРОЗДАНИЕ	546

МОДА	549
МОЛОДОСТЬ И СТАРОСТЬ	550
МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ	552
НАРОД И ОБЩЕСТВО	554
НАУКА	559
НЕВЕЖЕСТВО	561
НРАВЫ	562
ОБРАЗОВАНИЕ	563
ОТЦЫ И ДЕТИ	565
ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ	567
ПОРОКИ, НЕДОСТАТКИ	571
ПРАВА И ГАРАНТИИ	574
ПРАВДА И ЛОЖЬ	575
 * * *	576
 * * *	576
 * * *	576

ПРИВЫЧКИ И ХАРАКТЕР	576
ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ	580
САМОПОЗНАНИЕ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ	581
СВОБОДА И НЕСВОБОДА	583
СИЛА И СЛАБОСТЬ	584
СМЕХ	587
СМЫСЛ ЖИЗНИ	587
СНЫ	589
СОВЕСТЬ	589
СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ИНТЕРНЕТ, ТЕЛЕВИДЕНИЕ	590
СУДЫ И СУДЬИ	592
СУДЬБА	592
СУЕВЕРИЕ	593
СЧАСТЬЕ	594
ТРАДИЦИИ	596
ТРУДНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ	596
УМ И ГЛУПОСТЬ	600
УСПЕХ	606
ЭГОИЗМ	613
ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС	614
	635

ЭМИГРАЦИЯ 619

ЯЗЫК 620